

**АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ
ОКУ «ГОСАРХИВ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ»**

«РОССИЯ В ВОЙНАХ XX ВЕКА»

**(к 115-летию начала Русско–японской войны
1904–1905 гг.)**

*Материалы
научной конференции,
Курск, 15 февраля 2019 г.*

Курск
2019

УДК 93
ББК 63.3(2)521
Р 76

Р 76 «Россия в войнах XX век» (к 115-летию начала Русско-японской войны 1904–1905 гг.): материалы научной конференции. Курск, 15 февраля 2019 г. / под ред. В.Л. Богданова. – Курск: ИП Афанасьева Е.А., 2019. – 170 с.

Редакционная коллегия: Богданов В.Л. (гл. редактор) – врио начальника архивного управления Курской области; Карманова Л.Б. (зам. гл. редактора) – зам. начальника архивного управления Курской области; Елагина Н.А. – директор ОКУ «Госархив Курской области»; Раков В.В. – зам. директора по научно-исследовательской работе ОКУ «Госархив Курской области», канд. ист. наук.

Научный редактор: Черников О.А., канд. ист. наук.

Сборник содержит тексты докладов и сообщений ученых, сотрудников архивных учреждений, работников учреждений культуры, краеведов, представленных на пленарном и секционных заседаниях конференции. Публикуемые материалы в своем большинстве подготовлены на основе документальных источников, выявленных в центральных и местных архивах, впервые вводимых в научный оборот. Издание предназначено для самого широкого круга читателей, интересующихся историей. Материалы опубликованы в авторской редакции.

УДК 93
ББК 63.3(2)521

На обложке: памятник «Стережущему». г. Санкт-Петербург, Александровский парк. Скульптор К.В. Изенберг. Архитектор А.И. фон Гоген. 1908–1911 гг.

© Архивное управление Курской области, 2019
© ОКУ «Госархив Курской области», 2019
© Авторы статей, 2019

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО УЧАСТНИКАМ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ВРЕМЕННО ИСПОЛНЯЮЩЕГО ОБЯЗАННОСТИ НАЧАЛЬНИКА АРХИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ В.Л. БОГДАНОВА

Уважаемые участники конференции, представители средств массовой информации, гости!

Научная конференция «Россия в войнах XX века», посвященная 115-летию начала Русско-японской войны 1904–1905 гг., организована Архивным управлением Курской области и ОКУ «Госархив Курской области».

В работе конференции принимает участие заместитель Губернатора Курской области – руководитель Администрации Губернатора Курской области, кандидат исторических наук Анатолий Тимофеевич Стрелков.

Об участии в конференции заявили представители научных, учебных и архивных организаций из 5 субъектов Российской Федерации. Это преподаватели Воронежского аграрного государственного университета имени Императора Петра I, Воронежского института Федеральной службы исполнения наказания России, Юго-Западного государственного университета, Курского государственного университета, Курского железнодорожного техникума, сотрудники Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации, Военно-исторического музея «Юные защитники Родины» (Курск), Воронежской областной универсальной научной библиотеки имени И.С. Никитина, архивисты из Курска, Липецка, Санкт-Петербурга, краеведы. Среди участников нашей конференции 4 доктора и 15 кандидатов исторических наук.

На конференции будут обсуждены проблемы, связанные как с непосредственными событиями Русско-японской войны 1904–1905 гг., Первой мировой войны, Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., а также их влияния на экономическую и общественную жизнь страны и ее отдельных регионов.

В выступлениях участников конференции освещаются вопросы анализа современных подходов в изучении военной истории России в XX веке, деятельности медицинских отрядов Курского губернского земства в Маньчжурии в период Русско-японской войны, участия липчан в Русско-японской войне, освещения Русско-японской войны на страницах дальневосточной прессы, системы государственных наград офицеров российского императорского флота во второй половине XIX – XX вв., участия военно-санитарных поездов в эвакуации раненых и больных воинов в годы Великой Отечественной войны, организации военно-почтовой связи на Центральном фронте весной – летом 1943 г., заготовки сельскохозяйственной продукции в Курской области в

1943–1945 гг., участия военнослужащих Вооруженных сил СССР в событиях Второй индокитайской войны и др.

Всего же на пленарном и секционном заседании конференции планируется заслушать и обсудить 28 докладов.

Желаю участникам конференции успешной и плодотворной работы.

МАТЕРИАЛЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

В.В. Раков,

*кандидат исторических наук,
заместитель директора ОКУ «Госархив Курской области»
по научно-исследовательской работе*

МЕДИЦИНСКИЕ ОТРЯДЫ КУРСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЗЕМСТВА В МАНЬЧЖУРИИ В ПЕРИОД РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904–1905 гг.

После начала военных действий практически все земские организации включили в повестку дня своих текущих или чрезвычайных собраний вопрос о формах своего участия в деле оказания практической помощи действующей армии. Высказанные предложения выходили далеко за рамки юридически обязывающих решений по оказанию помощи нуждающимся крестьянским семьям, из которых были призваны запасные чины, а были направлены на решение множественных задач: сбор денег на усиление военно-морского флота, снабжение солдат тёплой одеждой и обувью, поставка транспортных средств и т.д.

Однако самой насущной и острой стала проблема организации должного лечения, заботы и ухода за больными и ранеными воинами. Многие земства для этих целей выделяли в своих медицинских учреждениях определённое число кроватей для больных и раненых воинов или создавали на местах специальные лазареты. В настоящей статье речь пойдёт об организации первичной врачебно-санитарной помощи, оказываемой за счёт сил и средств земств, на самом театре военных действий, т.е. на Дальнем Востоке.

Большинство земских организаций предпочло оказывать помощь больным и раненым воинам при посредстве своих собственных деятелей, оставляя за собой право направлять и контролировать их работу.

В течение второй половины февраля 1904 г. на ряде чрезвычайных губернских земских собраний было принято решение об ассигновании значительных сумм в пользу армии. Среди них было и курское земство, которое 21 февраля 1904 г. выделило на усиление флота 50 тыс. руб. На этом же заседании была создана комиссия по организации помощи больным и раненым в составе графа В.Ф. Дюррера, Д.Л. Овсяннико-Куликовского, Н.Н. Шпанова, В.Е. Якушкина, Л.М. Моисеева и Н.В. Ширкова [2, с. 3]. Кроме того, курское земство поддержало инициативу своих московских коллег по созданию общеземской организации, координирующей усилия земств в деле медицинской помощи армии.

На рабочих заседаниях представителей земств, которые проходили в Москве под руководством председателя московской губернской управы

Д.Н. Шипова в марте-мае 1904 г., были разработаны план и детали организации земских медицинских отрядов. В состав комиссии по закупкам предметов снаряжения для отрядов отдельных земств были включены два представителя общеземской организации: М.М. Любощинский (Тамбовская губ.) и В.Е. Якушкин (Курская губ.) [4, с. 17].

Санитарный отряд курского земства в составе 40 человек: уполномоченного В.Л. Анненкова; врачей: Б.К. Бауэра, И.Е. Зарубина, П.И. Растегаева и Р.Я. Смирнова; фельдшер: А.Ф. Грунке, О.Е. Хрипковой, С.Д. Разумовой и Л.А. Гладковой; сестёр милосердия: М.Г. Власовой, Е.Г. Кашменской, М.Г. Борисовой, А.В. Гусевой, А.В. Рязанцевой, А.В. Михайловой, Л.А. Солодовниковой, Е.А. Старовой, А.П. Смирновой, Е.В. Бахутовой, А.Н. Вишняковой и Байковской (из них двое из Ялтинской общины Красного Креста, остальные – из Курско-Знаменской общины Красного Креста); санитаров: Машошина, Петровского, Гокова, Цыгельникова, Головина, Сидорова, Мурзина, Истомина, Дрёмова, Сибилёва, Выродова, Голиусова, Плотникова, Дмитриева, Сырых, Волосова, Чишкова, Чистякова, Рубцова и Никулина, рано утром 19 мая 1904 г., расположившись в представленных ему двух вагонах II кл. и одном вагоне III кл., отправился на Дальний Восток. Кроме пассажирских вагонов в Маньчжурию следовали шесть товарных вагонов с госпитальным имуществом [6, с. 2–3].

В пути следования воинского эшелона № 859 (этот литер был присвоен составу) произошёл неприятный инцидент. Во время стоянки на ст. Челябинск два санитары, Рубцов и Никулин, отпущенные в город, явились назад в нетрезвом состоянии и затеяли в вагоне драку, за что были немедленно отчислены из состава медицинского отряда и отправлены в Курск. К счастью, это было единственное происшествие за всё время проезда до Хайчена. Здесь же, в Челябинске, состав догнала сестра милосердия С.А. Бойковская, не имевшая возможности выехать из Курска вместе с остальным медицинским персоналом [2, с. 649]. Чтобы закрыть тему дисциплины, следует добавить, что санитары и в период пребывания отряда в Маньчжурии будут «головной болью» для руководства. В Ляояне, в ходе эвакуации госпиталя, когда контроль над обслуживающим персоналом будет затруднён, санитары снова придадутся пьянству и картёжным играм. В Мукдене пришлось применить в отношении санитары Дрёмова, «вследствие его дурного поведения», самые решительные меры – высылку по этапу в Курск [2, с. 656]. По-видимому, решительные действия руководства отряда до некоторой степени образумило остальных, так как после этого случая поведение санитаров, хотя далеко не безупречное, всё же стало лучше.

По прибытии на Байкал, личный состав Курского отряда пересел на пароход «Ангара», а имущество госпиталя было погружено на баржи. На ст. Маньчжурия отряд прибыл 18 июня 1904 г., а на ст. Харбин – 21 июня 1904 г., т.е. на 34 день после выезда из Курска. После пятидневного отдыха

в Харбине Курский отряд отправился к месту своей дислокации в район станции Хайчен, которая располагалась в 60 вёрстах южнее Ляояна. В Хайчен отряд прибыл 1 июля. Все более-менее подходящие для госпиталей здания уже были заняты другими медицинскими отрядами, поэтому Курскому отряду пришлось расположиться лагерем в палатках.

Уже в день прибытия отряда персонал установил и опробовал в работе два фугельзанговских котла-кипяtilьника, с помощью которых удалось напоить чаем прибывших с юга ослабевших солдат в количестве 560 человек. На следующий день медики приняли первую партию больных воинов. Ежедневно прибывало от 80 до 100 человек больных, в основном с заболеваниями пищеварительной системы, с температурой под 40°. Восстановление этой категории больных проходило достаточно быстро: от трёх до десяти дней в зависимости от тяжести протекания инфекционного заболевания и общего состояния организма.

С 12 июля 1904 г. в госпиталь стали поступать раненые из-под Дашицяо и Симученом. Часть из них поступало по железной дороге, часть – на военных двуколках. За время работы госпиталя в Хайчене через него прошло 567 больных, в том числе – 26 офицеров и 72 раненых. Смертность была невысока – два человека (0,3%) [2, с. 652–653].

Поскольку госпиталь располагался рядом с железнодорожным вокзалом, сотрудникам приходилось обеспечивать питанием и ослабевших военнослужащих, эвакуируемых из района боевых действий.

Интенсивность труда медицинских работников определялась не только достаточно большим числом больных и раненых, но и высоким уровнем заболеваний среди самого обслуживающего персонала. Суровые походные условия, плохое качество воды, жара и высокая влажность воздуха, страшная сырость по ночам (ложиться спать приходилось в мокрые постели) – всё это приводило к временной потере трудоспособности: были дни, когда из 16 санитаров могли работать только 4, остальные были больны. Но даже такие тяжёлые условия не лишали персонал госпиталя бодрости духа.

14 июля 1904 г. в жизни Курского отряда произошло важное событие: его посетил командующей армией генерал-адъютант А.Н. Куропаткин, который, осмотрев госпиталь, выразил своё удовольствие и благодарность отряду, сказав, что телеграфирует об этом курскому губернатору. В телеграмме говорилось: «Осмотрел в Хайчене лазарет Курского земства. Работают самоотверженно и с большой для армии пользой» [4, с. 221].

17 июля 1904 г. из-за угрозы наступления неприятеля госпиталь в спешном порядке был эвакуирован в Ляоян, а затем в Мукден, куда он прибыл 25 июля 1904 г.

Устройство лагеря в Мукдене не потребовало таких затрат, как в Хайчене: здесь и место базирования лагеря было выше, да и принятые меры по отводу дождевых вод позволили избежать затопления госпиталя. Курский госпиталь оказался самым оборудованным с точки зрения

оборудования кухни, поэтому его сотрудникам приходилось часто обеспечивать питанием раненых военнослужащих из проходящих через станцию поездов. Но вскоре возможности госпитальной кухни были исчерпаны (поступавшие заказы на получение горячей пищи могли одновременно составлять 600 порций), поэтому определённым выходом из сложившейся ситуации стало оказанное содействие со стороны военного комиссара Мукдена полковника Квещинского: прикомандирование к Курскому отряду двух ротных походных кухонь и 4-х кашеваров [2, с. 657].

За время пребывания Курского отряда в Мукдене через госпиталь прошло 414 больных и ранены военнослужащих, в том числе 16 офицеров. Из их числа 98 человек выздоровело, 311 – эвакуировано, 5 – умерло [2, с. 659]. Госпиталь был постоянно переполнен, поэтому порой приходилось отказывать в приёме раненых.

По причине приближения противника, госпиталю пришлось вновь эвакуироваться далее на север в Кайюань, куда он прибыл 25 августа 1904 г. [5, с. 15]. Но в Мукдене осталась часть Курского отряда.

В совместное распоряжение Курского и Кинешемского отряда Красного Креста в Кайюане была передана большая казарма пограничной стражи. Часть имущества и персонал разместились в палатках, и лишь для женщин было выделено отдельное помещение – для них железная дорога отремонтировала принадлежавшей ей дом.

Врачебная деятельность отряда в Кайюане носила чисто госпитальный характер. Контингент больных составляли исключительно нижние чины, но теперь, за редким исключением, не из действующей армии, а находившихся здесь интендантских хлебопекарен и складов, а также пограничной стражи. Первоначально число больных, одновременно находившихся в госпитале, достигало 89 человек, но полностью госпиталь практически не заполнялся.

В начале октября в курский госпиталь поступило 73 тяжелораненых, многие из которых требовали срочной оперативной помощи. Было сделано 30 сложных операций. При этом одновременно в госпитале находилось 65 больных, поэтому нагрузка на персонал была очень высока: врачам и сёстрам приходилось работать с раннего утра до 5 – 6 часов вечера, а затем после получасового перерыва – до поздней ночи [2, с. 663].

Положительный опыт курян в деле организации жизнедеятельности земских отрядов в тяжёлых полевых условиях был использован и нашими соседями. После отъезда на Родину 17 сентября 1904 г. заведующей Воронежским земским отрядом А.Н. Антаевой (между заведующей и персоналом госпиталя сложилась конфликтная ситуация), её место по просьбе главноуполномоченного общеземских организаций на Дальнем Востоке кн. Г.Е. Львова и с согласия персонала воронежского отряда занял член Курской губернской земской управы В.Л. Анненков [4, с. 372].

Поток раненых резко увеличился после начала ожесточённых боёв на Тьелинских позициях. Начиная с 16 февраля 1905 г., работа Курского отряда

шла с полной загрузкой. Несмотря на переполненный госпиталь в который раз в ходе войны курянам пришлось обеспечивать горячим питанием проходящие составы с ранеными, выдавая до 2000 порций в день.

1 марта 1905 г. из-за опасности пленения больные и часть персонала курского госпиталя эшелонами были эвакуированы в Харбин. Остальное имущество вместе с задержавшимся персоналом были вывезены 3 марта 1905 г. [5, с. 175, 180–181].

В Харбине, где скопилось множество госпиталей, Курский отряд приступил к оборудованию временных санитарных поездов: работа состояла в приспособлении одной теплушки в перевязочный пункт, другой – под кухню, третьей – под столовую. Первый поезд для 256 больных и 133 раненых куряне выпустили 7 апреля, а второй на 256 больных и раненых – 8 апреля. Эти поезда эвакуировали больных и раненых из Харбина в Иркутск. Персонал каждого из санитарных поездов составляли два врача, восемь медицинских сестёр, заведующий хозяйством и 30–34 санитаров.

После возвращения назад в Харбин, куряне, не пожелав сидеть без дела (интенсивность боёв значительно снизилась, и санитарные поезда стояли пустыми), решили открыть свой лазарет при сортировочном пункте, а затем добились отправки поездов на юг, непосредственно к линии фронта. Но и там полноценной медицинской работы для состава поездов не было, поэтому служащие Курского отряда, сдав санитарные поезда командованию, перешли для службы в бывший лазарет Костромского земства, который базировался на ст. Шитоучендзы [5, с. 215–217].

В Шитоучендзах было относительно спокойно. В июне было принято всего семь больных из местной немногочисленной команды. Персонал томился без дела, поэтому было принято решение врачам Бауэр и Смирнову выехать на юг для поиска нового места базирования лагеря. Таковым была определена деревня Дагушань, через которую следовали санитарные транспорты с юга на север, а вокруг располагались множество вспомогательных частей и рот. 3 июля Курский отряд загрузился в вагоны, а имущество отправилось на 28 арбах.

В Дагушани отряд расположился в фанзе (пять построек), с большим двором, у подножия высокой сопки. За время пребывания отряда в Дагушани (11 июля – 23 августа 1905 г.) было принято 215 стационарных и 237 амбулаторных больных. Продолжал работать и питательный пункт, правда, с меньшей интенсивностью, накормив 1619 человек [5, с. 322–327].

В соответствии с решением совещания представителей 10 земств и общеземской организации, состоявшемся 15 августа 1905 г. на ст. 84-й разъезд в Маньчжурии, Курскому отряду было определено завершить свою деятельность 1 сентября 1905 г. [5, с. 395].

Известие о заключении мира застало Курский земский санитарный отряд за свертыванием своей деятельности. 26 августа все оставшиеся в госпитале больные были рассредоточены по другим госпиталям. Имущество было частью распродано, частью роздано солдатам,

возвращающимся на передовые позиции. 27 августа 1905 г. Курский земский санитарный отряд выехал из Дагушаня: сначала на подводах, двуколках и лошадях до Гунчжулина, а затем поездом – в Харбин. К 3 сентября 1905 г. работы по свёртыванию отряда были завершены. Непроданной осталась небольшая часть вещей, реализация которых была поручена санитару Алексею Лаптеву. Для отправки в Курск остались шесть палаток, три котла-кипяtilьника, некоторое количество перевязочного материала, медицинские, столярные и слесарные инструменты. Все эти вещи были погружены в один вагон, который и был отправлен в сопровождении двух санитаров. Таким образом, наиболее ценное оборудование было доставлено в Курск и передано в губернскую земскую больницу. 3 сентября 1905 г. Курский земский санитарный отряд отбыл из Харбина пассажирским поездом и 21 сентября 1905 г. прибыл Курск [6, с. 31].

Важен ещё один аспект деятельности медицинских отрядов в Маньчжурии: их взаимоотношение со своими земствами. Общее собрание представителей земств после отправки отрядов на Дальний Восток было вновь созвано лишь 2 октября 1904 г. На собрании обсуждались вопросы, связанные, прежде всего, с дальнейшим снабжением отрядов, о котором многие земства практически не беспокоились: снарядив и отправив отряды, они сосредоточились на оказании помощи семьям лиц, призванных в действующую армию. Так, например, Харьковское, Костромское, Ярославское земства до конца 1904 г. не пополняли свои медицинские отряды средствами и имуществом. Черниговское и Тульское земства отправили только пожертвованное населением бельё. И только в Курске и Воронеже дальнейшие нужды отрядов были предметом неоднократных обсуждений в земствах.

Уполномоченные Курского губернского земства на Дальнем Востоке Д.Л. Овсяннико-Куликовский и В.Л. Анненков регулярно направляли в земство отчёты о пребывании медицинских отрядов в пути, условиях их базировании и деятельности в различных населённых пунктах Маньчжурии. Так, например, курские уполномоченные в письме от 26 сентября 1904 г. высказали просьбу в присылке сушеных овощей и фруктов, галет, какао, топленого масла, колониальных товаров, посуды, столярных инструментов, деревянных ложек, валенок, башлыков, рукавиц, медикаментов, белья и даже трепальной машины для раздёргивания морской травы. Управа не только выполнила заказ, но и увеличило его сверх требуемого, отправив вагоны 29 ноября и 12 декабря 1904 г. [5, с. 53].

Пожертвования для Курского отряда на Дальнем Востоке сделали многие учреждения и частные лица: Курское благотворительное общество, управление Курского акцизного округа, Суджанское благотворительное общество, ученики Старооскольской земской школы, ученицы 2-й Курской женской гимназии, ученицы Марьинской женской гимназии, школа Л.Н. фон-Рутцен, Мантуровская женская школа, Суджанская женская

гимназия, ученики Любимовского и Чуриловского училищ, общество крестьян Донецкой Семицы, служащие губернской земской управы и Курского уездного земства, служащие Любимовского свеклосахарного завода, З.П. Исакова, А.Ф. Исакова, Г.А. Новосильцев, М.А. Наумов, Н.Н. и Е.К. Гладковы, А.Л. Аншельсон, Белова, Е.П. Пороховникова, В.П. Логинова, Е.Э. Радецкая, О.Н. и А.Н. Масалитиновы, Н.П. Гинцбург, С.М. Станевич, А.Н. Кобылин, А.А. Неополитанская, Шумакова, Н.Ф. Монтрезор, О.А. Афанасьева, Мухина, Соболевская, В.И. Ручкин, Быченская, Малеева, Хлещникова, Ф.Г. Кашменский, Ларионов, Н.Н. Лоскутов и пять лиц, пожелавших остаться неизвестными.

Быстрой отправке вещей из Курска во многом способствовал представитель от общеземской организации в наблюдательном комитете исполнительной комиссии Красного Креста гласный Курского губернского собрания А.Н. фон-Рутцен [2, с. 644].

За все время войны в лечебные учреждения Дальнего Востока поступило и было вылечено 405 910 больных и раненых [3, с. 41]. Общие санитарные потери в Русско-японской войне 1904–1905 гг. составили по разным источникам от 213 626 до 241 174 человек [1, с. 356; 7, с. 295].

За время пребывания Курского земского санитарного отряда на Дальнем Востоке через него прошли 3406 нижних чинов, в том числе 767 раненых, и 55 офицеров, в том числе 21 раненый. Безвозвратные потери военнослужащих от ран составили по госпиталю 38 человек или 1,09% от всех военнослужащих. Многие объясняет тот факт, что с проходящих санитарных транспортов в госпиталь сдавали самых тяжелораненых военнослужащих, не подлежащих дальнейшей транспортировке, большая часть которых умирало в течение нескольких ближайших часов после поступления к курским врачам. Кроме того, в госпитале скончались от различных заболеваний ещё 24 военнослужащих, в том числе 19 от брюшного тифа.

Врачами госпиталя было сделано 183 хирургические операции, в том числе: ампутаций конечности – 7, трепанаций черепа – 8, извлечений пуль, осколков снарядов и других инородных тел – 78. Смертность среди общего числа прооперированных составила 3,8 % (7 случаев), что стало прямым следствием высокой квалификации хирургов, добросовестности фельдшерского персонала и самоотверженности сестёр милосердия. Медицинский персонал отряда оказал амбулаторно помощь ещё 5324 военнослужащим [6, с. 34–35].

Несмотря на многочисленные проблемы в организации медицинского обслуживания русской армии в целом, тысячи людей были спасены, благодаря самоотверженной работе земского медицинского персонала, среди которого с самой лучшей стороны зарекомендовал себя санитарный отряд Курского земства.

Источники и литература

1. Военно-медицинский журнал. – СПб., 1906. – Т. 217. – № 10.
2. Журналы заседаний XL очередного Курского губернского земского собрания 1905 г.: С приложениями. – Курск: Типография Курского губернского земства, 1905. – 1451 с.
3. Каминский Л.С., Новосельский С.А. Потери в прошлых войнах (1756–1918): Справочная книга. – М.: Медгиз, 1947. – 212 с.
4. Общеземская организация на Дальнем Востоке. Т.1 / Сост. Т.И. Полнер. – М.: Типо-литография Русского товарищества печатного и издательского дела, 1908. – 427 с.
5. Общеземская организация на Дальнем Востоке. Т.2 / Сост. Т.И. Полнер. – М.: Типо-литография Русского товарищества печатного и издательского дела, 1910. – 497 с.
6. Отчет о деятельности Курского губернского санитарного отряда на Дальнем Востоке. – Курск: Типография Курского губернского земства, 1906. – 40 с.
7. Тыл действующей армии. Ч.1. Организация и деятельность управлений действующей армии. – СПб.: Типография А.С. Суворова, 1910. – 396 с.

С.С. Выхорь,

*кандидат исторических наук,
начальник ФКОУ ВО «Воронежский институт
Федеральной службы исполнения наказаний России»*

СИСТЕМА ГОСУДАРСТВЕННЫХ НАГРАД ОФИЦЕРОВ РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ФЛОТА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

Во второй половине XIX – начале XX вв. у офицеров Российского Императорского флота сложилась иерархичная система государственных наград. Среди орденов Российской Империи строго соблюдалось старшинство:

- 1) Орден Св. Андрея Первозванного 1-й степени;
- 2) Орден Св. Екатерины 1-й степени;
- 3) Орден Св. Владимира 1-й степени;
- 4) Орден Св. Александра Невского;
- 5) Орден Белого Орла;
- 6) Орден Св. Владимира 2-й степени;
- 7) Орден Св. Анны 1-й степени;
- 8) Орден Св. Станислава 1-й степени;
- 9) Орден Св. Владимира 3-й степени;

- 10) Орден Св. Владимира 4-й степени;
- 11) Орден Св. Анны 2-й степени;
- 12) Орден Св. Станислава 2-й степени;
- 13) Орден Св. Анны 3-й степени;
- 14) Орден Св. Станислава 3-й степени;
- 15) Орден Св. Анны 4-й степени [6, с. 52].

Из всего перечня орден Св. Екатерины был исключительно женским, и военные моряки им не награждались. Особняком стоял орден Св. Георгия, который давали исключительно за военные заслуги. Соответственно он пользовался большим уважением среди офицеров флота. Собственно, на военный характер любого ордена указывали скрещенные мечи в награде, подчеркивающие ее боевое значение. Ряд российских орденов мог быть пожалован исключительно за боевые подвиги. Одним из них был Орден Св. Анны 4-й степени, называвшийся среди офицеров флота «клюква», и носившийся в виде темляка на кортике [8, с. 235].

Некоторые награды, например, орден Белого Орла, изначально являлись адмиральскими, т.е. офицеры флота ее получить не могли. Однако не все ордена для офицеров русского флота были исключительно боевыми. Три награды жаловались за выслугу лет:

- 1) Орден Св. Владимира;
- 2) Орден Св. Анны;
- 3) Орден Св. Станислава [6, с. 74].

В подобном случае мечи не украшали орден для офицера Российского Императорского флота, но упомянутые знаки отличия обычно свидетельствовали о значительном количестве дальних походов и кругосветных плаваний. Надо сказать, что объем награждений в мирное время подчинялся определенным правилам. Награды предпочитали раздавать в случае императорского дня рождения, появления на свет нового потомка царствующей супружеской четы и по наиболее значимым государственным и религиозным праздникам. Во второй половине XIX – начале XX вв. флотские офицеры заранее ждали упомянутых событий и готовились получать заслуженные государственные награды и поощрения [8, с. 236].

Иногда сами офицеры флота раздавали высшие ордена Российской Империи. Известен случай, когда командир клипера «Разбойник» в 1883 г. лично вручил орден Св. Александра Невского королю Гавайских островов с целью укрепления российского влияния в данном отдаленном регионе мира [3, л. 4–5].

Высшие степени орденов Св. Анны и Св. Станислава возводили флотского офицера или адмирала в потомственное дворянское достоинство. Дворянский титул полагался флотскому офицеру и за 25 лет беспорочной службы с одновременным награждением орденом Св. Владимира 4-й степени [7, с. 109]. Так, офицер флота Н.В. Белокопытов выслужил себе потомственное дворянство вместе с гербом рода Белокопытовых [1, л. 1].

Любой офицер, ставший орденом кавалером, вносил определенную сумму денег в капитул своего знака отличия. Размер денежного взноса зависел от значимости награды. После чего, капитул ордена формировал из взносов специальные пенсии для отставных нуждающихся кавалеров и на благотворительные цели [2, л. 4].

Почетной наградой для любого флотского офицера являлось золотое георгиевское и аннинское оружие, дававшееся за исключительную храбрость во время боевых действий. В него входили сабли, кортики, шпаги и шашки. Лицам в адмиральских чинах на подобное оружие были положены украшения из бриллиантов [7, с. 110]. Кстати, каждый офицер флота, получивший в награду «ключку» или «золотое оружие», после выхода в отставку сохранял права на ношение своего мундира независимо от выслуги лет.

Весьма интересной формой награды были памятные подарки из Кабинета Его Императорского Величества:

- 1) золотые часы;
- 2) серебряные часы;
- 3) золотая табакерка с портретом императора;
- 5) Золотая табакерка с драгоценными камнями;
- 6) серебряная табакерка с портретом императора;
- 7) золотой перстень с вензелем императора;
- 8) золотой перстень с драгоценными камнями;
- 9) запонки с рубинами.

Сам подарок давался согласно чину морского офицера. Драгоценные вещи могли быть с императорским вензелем и без него. Подарок из Кабинета Его Императорского Величества жаловался за определенные услуги, оказанные царствующей фамилии, за научные достижения и успешную службу на дипломатическом поприще.

Весьма оригинальной формой поощрения для офицеров флота было «высочайшее благоволение». Данная награда давалась исключительно по желанию самого самодержца. Офицер флота удостоивался императорского «благоволения» за удачный парад или смотр. Одновременно он мог оказать императору какую-либо организационную услугу.

«Высочайшее благоволение» заносилось в служебный формуляр флотского офицера и становилось веским основанием для получения очередной государственной награды [8, с. 237]. Например, в 1853 г. при императорском смотре многим офицерам Черноморского флота в массовом порядке объявили «монаршее благоволение» [5, л. 17].

Само «монаршее благоволение» официально объявлялось или Именным императорским указом или распоряжением по Морскому министерству России. Считалось, что офицер, удостоившийся «монаршего благоволения», имеет право на сокращение срока при производстве в следующий чин.

Иногда царствующий император выражал «искреннюю признательность», что представляло более высокую степень монаршего удовольствия и дословно заносилось в служебный формуляр флотского офицера [8, с. 240].

Помимо уже упоминавшихся «высочайшего благоволения» и «искренней признательности» существовала еще и «монаршая благодарность». Данная форма поощрения тоже носила достаточно спонтанный характер и целиком зависела от царствующего императора. Удостоится «монаршей благодарности» офицер флота мог по любому поводу: от своих научных достижений до оказания услуг представителям императорской фамилии. В свою очередь «монаршая благодарность» так же украшала служебный формуляр офицера Российского Императорского флота и считалась весомым доводом для дальнейшего успешного продвижение по карьерной лестнице [8, с. 241].

Необычной наградой по императорскому указанию в исследуемый исторический период было «старшинство в чине». Морское министерство России специальными распоряжениями регулировало среди офицеров флота «старшинство в чине». При этом российское военно-морское ведомство периодически принимало решения по прошениям офицеров флота, требовавшим установить их «старшинство в чине» по отношению к своим коллегам [4, л. 8–9]. Получалось, что капитан 1-го ранга, получивший «старшинство в чине», являлся как бы главным среди других капитанов 1-го ранга и рассматривался как первый кандидат на возведение в чин контр-адмирала.

В итоге во второй половине XIX – начале XX вв. у офицеров Российского Императорского флота сложилась достаточно разветвленная система государственных наград, включавшая в себя: ордена, подарки из кабинета Его Императорского Величества, «высочайшее благоволение» и «старшинство в чине». Представление конкретного офицера флота к награде зависело от множества объективных и субъективных факторов, таких как: участие в боевых действиях, количество дальних походов и кругосветных плаваний, выслуга лет и близость к правящей императорской фамилии.

Источники и литературы

1. Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Ф. 9. Оп. 1. Д. 485. Л. 1.
2. РГА ВМФ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1.
3. РГА ВМФ. Ф. 283. Оп. 3-2. Д. 6139.
4. РГА ВМФ. Ф. 407. Оп. 1-1. Д. 2161.
5. РГА ВМФ. Ф. 1040. Оп. 1. Д. 234.
6. Безруков М.П., Туровский А.Е. Награды мира. – Тула: Гриф и Ко, 2013. – 404 с.

7. Гусев И.Е. Ордена, медали и наградные знаки от Петра I до современности. – М.: АСТ, 2015. – 159 с.

8. Манвелов Н.В. Жизнь и смерть на корабле Российского Императорского флота. – М.: Яуза, 2008. – 416 с.

Д.В. Ливенцев,
*доктор исторических наук, профессор,
профессор внебюджетного факультета
ФКОУ ВО «Воронежский институт Федеральной
службы исполнения наказаний России»*

СИСТЕМА ЗВАНИЙ УКРАИНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ФЛОТА В 1918 г.

В 1918 г. по инициативе Украинской Рады с гетманом П.П. Скоропадским начинается военное строительство национального флота. В воспоминаниях офицера Российского Императорского флота Г. К. Графа события после ухода кораблей контр-адмирала Саблина выглядят следующим образом: «... На всех оставшихся в Севастополе судах был снова поднят украинский флаг и в командование ими вступил контр-адмирал Остроградский, известивший украинское правительство и германское командование о том, что не пожелавшие украинизироваться суда ушли в море, а все остальные подняли украинский флаг и остались в Севастополе» [3, с. 202].

Уделим немного внимания Михаилу Михайловичу Остроградскому. После того, как 28 апреля 1918 г. германские войска занимают главную базу Российского Императорского флота на Черном море – Севастополь, гетман П. П. Скоропадский назначает официальным представителем Морского министерства Украинской державы для связи с кайзеровским германским командованием капитана 1-го ранга М.М. Остроградского. Для помощи представителю Морского министерства Украинской державы создали даже специальный штаб. Приказом по украинскому военно-морскому ведомству за № 593/288 от 28 июля 1918 г. ему присвоили должность командующего морскими силами, а в октябре 1918 г. он стал называться главным командиром севастопольского порта [4, с. 346 – 347]. Последнее звание произошло из-за того, что германцы Черноморский флот украинской власти решили не отдавать, не поверив в его искреннюю украинизацию. Дело в том, что неопределенный статус Черноморского флота полностью отвечал германским интересам до конца Первой мировой войны.

Между прочим, именно Михаил Михайлович Остроградский до сих пор считается одним из последовательных сторонников создания независимого украинского флота в 1918 г.

Еще 22 декабря 1917 г. в Киеве состоялось учреждение Генерального секретариата морских дел Центральной Рады, т.е. фактически было создано Морское министерство [5, с. 58]. Первым руководителем нового министерства стал вовсе не военный моряк, а ученый и общественный деятель Дмитрий Владимирович Антонович. Затем из-за отсутствия самого флота 14 марта 1918 г. военно-морское министерство ликвидировали и подчинили военному министру.

Реально на контр-адмирале М. М. Остроградском время возможного возникновения украинского державного флота и заканчивалось. Украинское адмиральство М. М. Остроградского носит весьма спорный характер, но сторонником национального флота Украины он был последовательным. Тем более что Михаил Михайлович Остроградский занял свою должность именно за военно-морские заслуги перед военно-морским украинским ведомством. После ухода германцев в декабре 1918 г. штаб официального представителя Морского министерства Украинской державы для связи с германским командованием прекратил свое существование, а уже украинский контр-адмирал М. М. Остроградский возглавил ненадолго Морское министерство Украинской Народной Республики.

Во время своего относительно длительного существования 24 сентября 1919 г. Морское министерство Украинской державы переименовали в «Военно-морской флот», который уже 20 марта 1920 г. стал называться «Главное военно-морское управление Военного министерства Украинской Народной Республики». Ликвидировали украинское военно-морское ведомство под руководством генерал-хорунжего по адмиралтейству В.А. Савченко-Бельского только в эмиграции в Польше в 1924 г. Однако за все годы своего существования у украинского военно-морского министерства не было главного – флота. За все время своей деятельности украинское военно-морское ведомство оставалось исключительно «сухопутным» военным министерством, только обозначавшим амбиции украинской власти на морское присутствие в черноморском регионе.

Однако для нового национального флота Украины была необходима иерархия новых флотских званий. Надо отметить, что в данном вопросе попытались сохранить уже существующие традиции с незначительными вкраплениями украинского «самостийного» колорита.

В украинском флоте в 1918 г. были следующие звания: адмирал, вице-адмирал, контр-адмирал, капитан 1-го ранга, капитан 2-го ранга, старший лейтенант, лейтенант, гардемарин, кондуктор, боцман, боцманмат, старший матрос, матрос [5, с. 58 – 64].

Национальный колорит нашел отражение в званиях генералов и офицеров береговых флотских служб: генерал-хорунжий корпуса гидрографов, генерал-полковник военно-морского санитарного управления, генерал-полковник военно-морского юридического управления, генерал-

поручик береговой артиллерии, генерал-поручик по адмиралтейству, генерал-хорунжий корпуса инженер-механиков, полковник береговой артиллерии, подполковник корпуса гидрографов, поручик береговой артиллерии, сотник военно-морского санитарного управления, хорунжий корпуса гидрографов и т.д. [5, с. 60].

Полностью «украинизированными» были звания матросского состава отдельного пограничного корпуса стражи: роевой (младший унтер-офицер), четовой (унтер-офицер), бунчужный (боцманмат), боцман [5, с. 66]. Вероятно, подобные звания, повторяющие сухопутные, были и у военнослужащих 1-го Гуцульского полка морской пехоты [6, с. 424 – 425].

Как уже выяснилось, постоянного корабельного состава у флота Украины не было. Отсюда, все военнослужащие и чиновники украинского флота зачислялись в резерв. Незыблемой финансовой основой данного процесса стало денежное пособие для женатых офицеров флота в размере 450 руб., а для холостых 300 руб. [2, л. 16]. Надо сказать, что для бывших офицеров Российского Императорского флота, оставшихся в 1918 г. на украинской земле практически без средств существования, предлагаемые деньги являлись настоящим спасением от голода. Наверное, вышеназванные выплаты и предопределили желание подавляющего большинства адмиралов и офицеров вступить в резерв украинского флота.

Военно-морское ведомство Украины составило списки резервов национального флота. Кстати, в них входили не только офицеры. Украинский флот еще набирал чиновников гражданской службы, врачей и нижних чинов.

Обеспокоились украинские власти и подготовкой офицерских кадров для собственного флота. 11 января 1919 г. морской министр Украинской Народной Республики старший лейтенант М. И. Билинский подписал «Закон о гардемаринской школе», которую открыли в г. Николаеве.

Весьма анекдотичным можно признать следующий случай. 11 июля 1918 г. официальный представитель Морского министерства Украинской державы для связи с кайзеровским германским командованием, капитан 1-го ранга М. М. Остроградский получил на свое имя рапорт от заведующего машинной школой Черноморского флота следующего содержания: «...27-ми летняя служба, в морском ведомстве содержателя-письмовыводителя вверенной мне школы, не имеющего чина Ефима Чернявцука в должности конторщика и ведомстве содержателя-письмовыводителя дала ему много опыта и знаний по всем отраслям письмоводства, счетоводства и отличного ведения хозяйства казенного имущества...

... На основании вышеизложенного осмеливаюсь просить ходатайства Вашего, если это будет возможным, о производстве в ведомстве содержателя-письмовыводителя Ефима Антоновича Чернявцука в первый классный чин коллежского регистратора» [1, л. 2–3].

Кстати, Е. А. Чернявщук не получил первый самый низший классный чин коллежского регистратора ни в царской России, ни в период правления Временного правительства, вероятно, он понадеялся, что «самостийная» украинская власть все же осуществит его давнюю мечту.

В итоге военно-морское ведомство Украины в 1918 г. проделало значительный объём бюрократической работы. В украинском флоте сформировали значительный резерв адмиралов, офицеров, нижних чинов, гражданских чиновников и медиков. Сотрудники морского министерства в Киеве даже озаботились вопросом подготовки будущих офицеров. Однако все эти кадры не могли применить свои профессиональные навыки на практике из-за отсутствия у «самостийной» Украины флота.

Источники и литературы

1. Российский Государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Ф. Р. 335. Оп. 1. Д. 40.
2. РГА ВМФ. Ф. Р. 342. Оп. 1. Д. 645.
3. Граф Г.К. Революция и флот. Балтийский флот в 1917–1918 гг. – М.: Вече, 2017. – 336 с.
4. Малевинская М.Е. Российский государственный архив ВМФ. Справочник по фондам (1917 – 1940). Ч. 1. – СПб.: БЛИЦ, 1995. – 416 с.
5. Тинченко Я. Военно-морское ведомство Украины. 1917–1924. – Старый цейхгауз. – 2009. – № 1(29). – С. 58–66.
6. Чуприн К.В. Вооруженные силы стран СНГ и Балтии. – Минск: Современная школа, 2009. – 832 с.

И.А. Конорева,
*доктор исторических наук, профессор,
декан исторического факультета
ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»*

УЧАСТИЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ВС СССР В СОБЫТИЯХ ВТОРОЙ ИНДОКИТАЙСКОЙ ВОЙНЫ 1965–1973 гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ «УСТНОЙ ИСТОРИИ»)

В 2018 г. исполнилось 45 лет с момента окончания одного из самых кровопролитных локальных конфликтов XX в. – Второй индокитайской войны (1965–1973 гг.). Однако смена курса на сотрудничество с США не позволила нынешнему руководству Социалистической Республики Вьетнам объявить эту дату значимой в истории своей страны. В России, пожалуй, только ветераны Второй индокитайской войны отметили рядом мероприятий годовщину окончания военных действий во Вьетнаме.

Стоит отметить, что участие Советского Союза/России в войнах и конфликтах XX в. является дискуссионной темой: критика в адрес СССР в связи с участием в событиях в Венгрии, Чехословакии, Афганистане периодически появляется на страницах академических и популярных изданий. На этом фоне участие советских военнослужащих в событиях Второй индокитайской войны в географически удалённом регионе – в Индокитае – является, пожалуй, одним из немногих, если не сказать – единственным примером положительной оценки их деятельности.

Вхождение в первой половине XX в. Вьетнама, Камбоджи и Лаоса (именно эти страны, расположенные на территории Индокитайского полуострова, мы включаем в политическое понятие Индокитай – авт.) во французскую колониальную империю первоначально предопределяло отсутствие у СССР каких бы то ни было геополитических планов на их счёт сразу после окончания Второй мировой войны. Тем не менее, постепенно Индокитайский регион вошёл в сферу интересов Советского Союза, что объясняет логику принятия решений в вопросах участия в индокитайском конфликте.

Поворотным пунктом во внешнеполитической стратегии СССР в отношении Индокитая можно считать факт дипломатического признания Демократической Республики Вьетнам (далее – ДРВ) в январе 1950 г. после обращения Хо Ши Мина ко всем странам мира за поддержкой в обретении официального статуса его режима. Признание СССР ДРВ вызвало негативную реакцию со стороны Франции и других западных стран, ускорив процесс включения США в индокитайские дела. Для США дипломатическое признание Советским Союзом ДРВ послужило поводом для активизации своей деятельности в Индокитае, что впоследствии вывело страны этого региона на арену противостояния двух сверхдержав.

Когда американцы приступили к активным действиям по оказанию помощи Южному Вьетнаму в борьбе с коммунистами Севера, начался этап более активного вовлечения Советского Союза в дела Индокитая. На первый план вышел идеологический фактор, как определяющий на тот момент, в геополитической стратегии советского руководства.

Активное участие советской дипломатии во Второй индокитайской войне было вызвано необходимостью расширять сферу своего идеологического и геополитического влияния в условиях холодной войны, а участие советских военнослужащих в данном конкретном случае – это поддержка небольшого азиатского государства, недавно освободившегося от колониальной зависимости и отстаивающего право на суверенное существование, в борьбе с лидером капиталистического мира, каковым уже тогда являлись США.

Начиная с 1965 г. (после просьб о помощи со стороны руководства ДРВ) Советский Союз стал направлять во Вьетнам вооружение и военную технику для сил противовоздушной обороны ДРВ. Объёмы этой помощи постоянно увеличивались (следует отметить, что сухопутные войска США

не вводились на территорию ДРВ, военные действия проходили в форме массированных бомбардировок и минирования территориальных вод Северного Вьетнама.)

В ДРВ находились как гражданские советские специалисты, так и военные инструкторы – лётчики, специалисты зенитно-ракетных комплексов, технический персонал, военные медики. Основной задачей являлось обучение вьетнамских военных управлению советским вооружением и тактике боя.

Об участии советских военнослужащих известно благодаря активной работе самих участников Второй индокитайской войны, создавших в 1970 г. «Союз ветеранов войны во Вьетнаме», вошедший в 1989 г. в состав Международной комиссии Советского комитета ветеранов войны. На сегодняшний день данная организация уже широко известна как Межрегиональная общественная организация ветеранов войны во Вьетнаме (далее – МООВВВ) [11]. Первым её руководителем был генерал-полковник авиации Абрамов Владимир Никитович (1920–1994 гг.) – старший Группы СВС во Вьетнаме с октября 1967 г. по декабрь 1968 г. С 1994 г. организацию возглавляет Колесник Николай Николаевич, в период нахождения в командировке в ДРВ – командир пусковой установки огневого дивизиона ЗРК С-75, и очень много сделавший в организации сбора воспоминаний и популяризации информации о Второй индокитайской войне, в частности – участии в ней советских военнослужащих.

С декабря 2006 г. МООВВВ вошла в состав Всероссийской общественной организации ветеранов «Боевое братство». Участники военных событий Второй индокитайской войны по статусу приравнены к ветеранам Великой Отечественной войны и официально являются ветеранами боевых действий.

Как известно, начало американских бомбардировок территории ДРВ привело к подписанию в феврале 1965 г. Межправительственного соглашения об оказании ДРВ всесторонней помощи в отражении воздушной агрессии США и в июле 1965 г. – Постановления №525-200, на основании которого была создана Группа советских военных специалистов. Эти действия стали официальным началом участия советских военных в индокитайских событиях.

Согласно размещённой на сайте МООВВВ официальной информации, СССР за период с 1965 по 1973 гг. направил в ДРВ более 10,8 тыс. военнослужащих, из которых 6 359 чел. – офицерский состав, 4 500 чел. – солдаты и сержанты срочной службы. За мужество и героизм, проявленные в боях во Вьетнаме, 2190 военнослужащих были награждены советскими боевыми орденами и медалями, в том числе 7 человек были представлены к званию Героя Советского Союза. Более 7 тыс. советских военных специалистов были награждены орденами и медалями ДРВ [11]. Всего (с гражданскими специалистами) в указанный период 22 тыс. советских граждан побывали на территории Вьетнама. Кроме того, более 60% от

общего объёма экономической помощи ДРВ поступало от СССР.

Поскольку не предполагалось участие советских военнослужащих в боевых действиях, потери за весь период Второй индокитайской войны составили, по разным данным, от 7 до 16 чел., умерших от полученных ран и болезней.

Официальная информация о событиях Второй индокитайской войны долгое время хранилась под грифом секретно. Именно по этой причине первоначально воспоминания участников боевых действий носили эпизодический характер. Тем не менее, именно устная история привносит в описание и изучение исторических событий значимые уточнения и определённый колорит, позволяет получать важные сведения по истории повседневности, выявить социокультурные особенности среды, этно-психологическую компоненту.

Среди специалистов по поводу устной истории не прекращаются дискуссии. Сведения одних авторов воспоминаний зачастую опровергаются другими участниками описываемых событий, одни и те же факты мемуаристы порой трактуют с диаметрально противоположных позиций, обвиняют друг друга в субъективизме. Не исключение в этом ряду и воспоминания советских участников войны во Вьетнаме 1965–1973 гг. Тем не менее, расширение круга источников – очень важная задача, а региональная история способна в значительной мере содействовать её решению.

В Курской области, как и во многих других регионах бывшего СССР, до сих пор проживают участники событий Второй индокитайской войны, которые могут поделиться своими воспоминаниями.

По имеющимся сведениям, 12 человек, проживающих (или проживавших) на территории Курска (8 чел.) и Курской области (4 чел.) (Рыльск, Железногорск, Льгов), в разном качестве принимали участие в событиях Второй индокитайской войны (данные были предоставлены автору настоящей статьи в 2000 г. ВрИО Военного Комиссара Курской области полковником В. Лесагиным.)

Согласно спискам учёта Военного Комиссариата, это были рядовые И.М. Чертов (Рыльск), П.В. Локтионов (Железногорск), младший сержант В.М. Филиппов (Железногорск), сержант А.А. Сердюков (Льгов), старший сержант В.П. Делов, старший лейтенант А.П. Андреев, подполковники Л.И. Грабовый, В.А. Дегтярёв, В.Е. Ушкалов, полковники В.С. Васильев, А.А. Гусельников, А.Ф. Детков (Курск).

В 1999 г. в рамках выполнения исследования истории Второй индокитайской войны на базе исторического факультета Курского государственного педагогического университета была начата работа по сбору воспоминаний ветеранов военных действий, проживающих в Курске и Курской области, которая продолжалась вплоть до 2009 г. На завершающем этапе, в 2008 г., на средства гранта РГНФ и Вьетнамской академии наук (проект «Воспоминания российских участников войны во

Вьетнаме как исторический источник при изучении локальных конфликтов в XX веке» (№ 08-01-94751a/v)), автором данной статьи осуществлялась работа по интервьюированию курян-участников Второй индокитайской войны, результатом чего стало частичное включение полученных данных в ряд научных публикаций и публицистических статей в периодической печати [6, с. 6; 8, с. 28–34; 5; 9, с. 79–92; 10, с. 93–99].

В период 1999–2003 гг. формировался архив «устной истории» ветеранов вьетнамской войны, проживающих в Курске. Материалы предоставили полковники В.С. Васильев, А.А. Гусельников и подполковники В.А. Дегтярёв, В.Е. Ушкалов. Их воспоминания были оформлены в виде аудиозаписей и хранятся в личном архиве автора статьи, а также на кафедре всеобщей истории Курского государственного университета [1; 2; 3; 4].

Полковник Васильев Валентин Сергеевич (1929 г.р.), дважды побывал во Вьетнаме – в 1966–1967 гг. и в 1973–1975 гг. в должности начальника цикла огневого дивизиона службы вооружения зенитно-ракетной бригады; подполковник Дегтярёв Виктор Александрович (1939 г.р.), находился во Вьетнаме в 1966–1967 гг. в должности начальника 3-го отделения технического дивизиона; подполковник Ушкалов Владимир Елисеевич (1945 г.р.), служил на территории Вьетнама в 1966–1967 гг. специалистом по метеорологической службе; полковник медицинской службы Гусельников Анатолий Александрович (1932–2013 гг.), находился во Вьетнаме с 1969 г. по 1970 г., в силу профессии занимался вопросами медицинского обеспечения советских военных групп и оказанием квалифицированной медицинской помощи нашим гражданам, работающим в посольстве в Ханое.

Общение с курянами-ветеранами Второй индокитайской войны позволило уточнить отдельные сюжеты истории Второй индокитайской войны. К ним, например, относится вопрос о мотивации участия советских военнослужащих и их личном отношении к происходившим событиям.

Для интервью были подготовлены вопросы, направленность которых в значительной степени определялась научными интересами автора.

Прежде всего, как кадровые офицеры, респонденты были несколько удивлены постановкой первого вопроса: «Как и почему Вы попали во Вьетнам?» Ответ был у всех примерно одинаковый: «Поступил приказ, который не обсуждается – нужно быть готовым к его выполнению». Кроме того, многие из них были членами КПСС, что, как нам представляется, также обеспечивало политическую сознательность и понимание курса партии и правительства, учёт международной обстановки, понимание интернационального долга советского военнослужащего.

Подполковник В. А. Дегтярёв к моменту направления во Вьетнам (сентябрь 1966 г.) служил в 12-ой отдельной армии ПВО в звании старшего лейтенанта техдивизиона в г. Чимкент (Средняя Азия). Он рассказал, что в июле 1966 г. его отозвали из отпуска и предложили продолжить службу за

границей – в одной из стран с тропическим климатом (Юго-Восточная Азия), не уточнив в какой именно. Теоретически, ему была предоставлена возможность отказаться, но, как подчёркивал В.А. Дегтярёв, «... мы в то время были членами КПСС и прекрасно понимали, что это означает и чем подобный отказ может для нас закончиться. Были, конечно же, такие, которые отказывались, я лично тому свидетель ... для них продвижение по служебной лестнице с того момента было прекращено» [7, с. 201; 3].

Как отмечал В.А. Дегтярёв, он знал, что функционировало два учебных центра зенитно-ракетных войск, где осуществлялась подготовка направляемых в служебные командировки военнослужащих. Он проходил обучение на базе технического дивизиона в Душанбе. Вместе с ним там находились более 200 человек. После «учебки» старший лейтенант В.А. Дегтярёв был назначен начальником 3-го отделения технического дивизиона, в его подчинении находились 11 офицеров. Командование обеспечивало военнослужащих одеждой и обувью. К месту дислокации военнослужащие направлялись с гражданскими загранпаспортами и в гражданской одежде.

Полковник В.С. Васильев к моменту своей первой командировки во Вьетнам (он туда был направлен в сентябре 1966 г.) находился в звании майора. В Учебном центре в Душанбе был назначен на должность преподавателя координатной системы – начальником цикла огневого дивизиона Учебного центра (июнь 1966 г.). После завершения обучения, когда центр был реформирован в боевой полк, получил должность начальника цикла, старшего инженера службы вооружения зенитно-ракетной бригады. 15 сентября 1966 г. военно-транспортным самолётом рейсом Душанбе – Чита – Пекин – Ханой майор В.С. Васильев был отправлен в ДРВ.

Как отмечал полковник В.С. Васильев, вряд ли среди командировавшихся было много добровольцев. Во Вьетнам он был откомандирован, по его словам, в добровольно – принудительном порядке [7, с. 202; 1].

Подполковник В.Е. Ушкалов во Вьетнам был направлен сразу после окончания военного училища в октябре 1966 г. По его словам – заявления на направление во Вьетнам не писал, даже не думал, что после выпуска из училища сразу попадёт на войну. Как молодой офицер Советской Армии – просто выполнял приказ командования: «Помню, что расписывался за поведение, за отношение к иностранным гражданам, за то, чтобы мы не позорили свою страну, были образцом нашего, бывшего тогда, коммунистического Отечества. Никакой сверхсекретности не было, никто не предупреждал о том, чтобы никому ни слова не говорить» [7, с. 203; 4]. Дополнительно к основным обязанностям он выезжал на огневые позиции и ремонтировал поступавшую во Вьетнам советскую технику.

Полковник А.А. Гусельников также отмечал, что был направлен во Вьетнам весной 1969 г. в спецкомандировку, хотя в тот период у него было достаточно сложное семейное положение – родилась третья дочь, однако

это не являлось серьёзным основанием для отказа, тем более, что он был членом КПСС, секретарем партийной организации госпиталя и должен был служить примером для своих товарищей [7, с. 203; 2].

По информации полковника В.С. Васильева и подполковника В.Е. Ушкалова, особой идеологической подготовки с военнослужащими не производилось. Речь шла о достойном выполнении интернационального долга, а также соблюдении законов страны пребывания.

Во Вьетнаме регулярно для военнослужащих проводили политзанятия, так называемую «марксистско-ленинскую подготовку». Проводил занятия старший группы (офицер) или секретарь парторганизации. «Вся идеология заключалась в том, что мы честно выполняли свою работу. Мы учили вьетнамцев, помогали овладеть сложной техникой», – отмечал полковник В.С. Васильев. Первые два-три боя советские военнослужащие проводили в полном составе. В это время вьетнамские бойцы находились практически за спинами советских военных. Затем к орудиям допускались вьетнамцы под присмотром советских офицеров и солдат и, по мере того, как вьетнамцы осваивались, начиналось постепенное сокращение советского военного континента. Сначала на родину в СССР отправляли солдат, затем – офицеров. Из 120 человек, приехавших вместе с В.С. Васильевым, при штабе полка через несколько месяцев осталось 20 для консультаций, оказания технической помощи в устранении неисправностей. Военнослужащие оставались не по идейным соображениям, а в силу необходимости – «те специалисты, которые ещё были нужны» – рассказывал полковник В.С. Васильев, который с февраля по сентябрь 1967 г. находился практически на передовой, на юге Северного Вьетнама (в районе 17-ой параллели. – авт.). Его полк за 10 месяцев 2-мя дивизионами сбил 41 самолёт США [7, с. 205; 1].

Несколько иначе дела обстояли в 1970 г., в период службы во Вьетнаме полковника А.А. Гусельникова. В отличие от других офицеров, он подтвердил, что к идеологической подготовке личного состава отношение было серьёзным, кроме того, военнослужащим преподавали основы вьетнамского языка [7, с. 206; 2].

Значительный интерес представляет информация, предоставленная подполковником В.А. Дегтярёвым: «Замполит был, но ему было нечего делать – никого не надо было убеждать или агитировать, мы и так были воспитаны в коммунистическом, интернациональном духе. Были двое работников особого отдела из КГБ в придуманных специально для них должностях инструкторов по физкультуре. Партсобрания были, но не так часто, как в Союзе, да и идеологические вопросы на них, как правило, не рассматривались». В.А. Дегтярёв рассказывал, что им не рекомендовали разговаривать с китайцами (а их, по словам В.А. Дегтярёва, в то время во Вьетнаме было очень много) на политические темы (о культурной революции, о Мао Цзедуне). Присутствие китайцев объяснялось их поставками во Вьетнам устаревшей советской ствольной зенитной

артиллерии, полученной ими из СССР, которую ранее они сами эксплуатировали [7, с. 206; 3].

Впечатления от общения с вьетнамцами у ветеранов-интернационалистов также совпадали.

А.А. Гусельников подчёркивал, что вьетнамцы доброжелательно относились к русским. По его мнению, вьетнамцы – очень трудолюбивый народ. Выносливость и упорство у вьетнамцев, по словам советских офицеров, были колоссальными: они компенсировали ими недостаток физической силы, который, как считали советские офицеры, был следствием низкокалорийного питания. «Бывали случаи, когда вьетнамские летчики поначалу разбивались – при перегрузках теряли сознание. В связи с этим проводились серьёзные расследования состояния техники и готовности лётного состава к выполнению заданий на сверхзвуковых самолётах. К технике претензий не было. Тогда было принято решение об улучшении питания лётного состава (усилили лётный паёк, организовали питание в лётных столовых). После этих мер, несчастные случаи прекратились» – рассказывал А.А. Гусельников [7, с. 208; 2].

С мнением полковника Гусельникова А.А. был полностью согласен подполковник В.Е. Ушкалов: «Они (вьетнамцы – авт.) – очень мужественный народ. При налётах бежали сами (даже без приказа) поливать водой территорию, где располагались зенитно-ракетные установки, чтобы поднимающаяся пыль не мешала вести огонь – старались, как могли, помогать бойцам».

Вьетнамцы старались развлечь советских военнослужащих и почти каждую неделю устраивали концерты с исполнением песен на русском и вьетнамском языках. Как отмечал В.Е. Ушкалов, «ни один народ (а он позднее служил на Украине, в Германии, в Афганистане, на Дальнем Востоке, в Туркмении) – так хорошо не относился к русским военным. Они всё делали для того, чтобы нам было хорошо». При офицерах постоянно находились переводчики, которые старались обезопасить пребывание русских на территории их страны [4].

Полковник В.С. Васильев также отмечал, что вьетнамцы относились к советским военным очень хорошо и практически всё вьетнамское командование – командир полка, комиссар, командир дивизиона – все говорили по-русски. Однако, бывали случаи, когда они перепроверяли полученную информацию: один и тот же вопрос могли задавать разным советским офицерам, чтобы убедиться в правильности ответов; пытались ответственность за свои ошибки переложить на советских специалистов. В.С. Васильев привёл в качестве примера такой случай: вьетнамские техники слили в одну ёмкость горючее и окислитель. В результате произошёл взрыв. Стали уточнять, мог ли кто-то из советских офицеров предложить так сделать, чтобы вину за происшествие переложить на него. В данном случае всё произошло от недостатка знаний, а не по злому умыслу.

Специальных провокаций, как утверждают офицеры, в период их нахождения в ДРВ не было.

Неподдельное удивление у полковника В.С. Васильева вызывали особенности ведения американцами и вьетнамцами боевых действий: «Американцы воевали строго по распорядку дня. Во время завтрака, обеда и ужина боевые действия не велись. Вьетнамцы – тоже воевали по распорядку: 6.00 – подъём. 13.00 – обед – и до 15.00 – отдых. 18.00 – ужин, затем – темнело, и боевые действия не велись» [1].

Мнение подполковника В.А. Дегтярёва о вьетнамцах мало в чём расходилось с оценками других курян-ветеранов вьетнамской войны: «В целом, вьетнамцы очень доброжелательно относились к русским. Наша страна очень много поставляла во Вьетнам гражданского и военного оборудования, и они были благодарны за помощь».

По мнению полковника В.А. Дегтярёва, помощь с нашей стороны была очень значительной, на его взгляд, порой излишней, поскольку вьетнамцы, стараясь укрыть понадежнее в джунглях, вдоль дорог поставляемое вооружение, технику, продовольствие, иной раз сами забывали, где всё оставили и не могли найти – в результате техника ржавела и была уже непригодна к использованию.

Оценивая то, как вьетнамцы воевали и работали, офицеры подчёркивали физическую слабость вьетнамцев («Там, где у нас, например, в стартовой батарее расчёт был 4 человека, их приходилось ставить 8 человек, так как вчетвером они просто не могли откатить хода»), но сильный дух и волю к победе: «Слишком слабы были физически, но очень старались» [3].

У вьетнамцев до 1966 г. под китайским влиянием сложилось заблуждение, что Америка – «Бумажный Тигр» и его не стоит бояться. Советские военнослужащие постоянно предупреждали о серьёзности положения и на конкретных примерах демонстрировали реальность угрозы.

Опыт, полученный в результате участия СССР в Индокитайской войне, по мнению советских офицеров, был полезен нашим ВС: «Наше пребывание во Вьетнаме позволило приобрести Советским Вооружённым Силам колоссальный военный опыт в боевых условиях. Жаль только, что многое из того, чему мы там научились, так и осталось только на бумаге в отчетах и не нашло своего достойного применения» [3].

На вопрос о том, как относиться к участию советских военнослужащих в событиях Второй индокитайской войны, куряне-ветераны войны во Вьетнаме отвечали однозначно – относиться следует положительно. В тех условиях это было необходимо: нужно было помочь ДРВ в отражении агрессии, содействовать укреплению всего социалистического лагеря, отстаивая идеологические принципы, решительно выступать в защиту интересов своей родины. Необходимо было обезопасить СССР и иметь ряд баз для эффективного противостояния.

А.А. Гусельников так оценивал политику СССР в ДРВ: «В тот период страна была стабильной супердержавой и с Америкой говорила на равных, или почти на равных. По тем временам политика была правильной. Границы были отодвинуты, была единая идеология. Жизнь показывает, что отмена коммунистической идеологии, на сегодняшний день, не дала положительных результатов. И мы находимся в поиске объединяющих начал» [3].

В.Е. Ушкалов также отмечал: «Мы помогали народу борющегося Вьетнама, выполняли свой интернациональный долг. Мы дали новую технику и помогали освоить её. Мы, советские офицеры, выполняли поставленные перед нами задачи и считали это своим долгом» [4].

В целом, мнения курян-ветеранов Второй индокитайской войны по поводу необходимости пребывания наших ВС во Вьетнаме совпадают. Они считают, что это было необходимо, а они сами выполняли интернациональный долг офицеров, защищали интересы своей Родины.

После возвращения из Вьетнама офицеры писали отчеты о проделанной работе, которые вместе с личными документами сдавали в Москве в 10-е Главное Военное Управление. На руки получили прежние документы и направлялись по месту прежней службы. Как отмечал А.А. Гусельников, никакой подписки о неразглашении тайны по поводу спецкомандировки он не давал. Другие участники вьетнамских событий всё же говорили о наличии секретности.

В зависимости от занимаемых должностей, некоторые офицеры давали в Москве подписку о неразглашении военной тайны в течение 5-ти лет. Тем не менее, по их же словам, никакой особой секретности не было.

В.А. Дегтярёв по поводу секретности отмечал, что «вся система ПВО – только по допускам, и так всё секретно. Адрес для родных был – «Стройка – 313», письма шли в Посольство. Родные знали, где мы находимся, но особо никто не распространялся – «был в спецкомандировке» и больше никаких подробностей» [3].

Советские офицеры отмечали, что командировка во Вьетнам повлияла на дальнейшую службу – учитывалась при присвоении очередных званий и должностей. В 2000 г., когда проводилось интервьюирование, они отметили, что впервые за многие годы данная тема заинтересовала кого-то в Курске, что только в 1999 г. увидели передачу по телевидению, в которой поднимался вопрос об этих событиях.

Долгое время не осуществлялся сбор материала устной истории о Второй индокитайской войне, поскольку идеологическая составляющая ставила данное событие в разряд обычной практики советской дипломатии и военнослужащих ВС СССР в международных конфликтах. Значительную сложность создавал гриф секретности. На наш взгляд, это не совсем правильно, поскольку все офицеры, с которыми удалось пообщаться, честно и достойно выполняли свой интернациональный долг, ярким

свидетельством чего являются правительственные награды, полученные ими в период службы во Вьетнаме: полковник В.С. Васильев был награждён орденом Красной Звезды, полковник медицинской службы А.А. Гусельников – медалью «Дружбы» ДРВ, подполковники В.А. Дегтярёв, В.Е. Ушкалов – медалями «За отвагу», «За службу Родине».

Участие военнослужащих ВС СССР в событиях Второй индокитайской войны 1965–1973 гг. на сегодняшний день уже нашло отражение в отечественной и зарубежной историографии, тем не менее, материалы «устной истории» очень важны и призваны расширить круг источников, а региональный компонент, на наш взгляд, призван сыграть в этом процессе далеко не последнюю роль.

Источники и литература

1. Беседа с полковником Васильевым В.С. (от 23.10 2000 г.) – Личный архив автора.

2. Беседа с полковником Гусельниковым А.А. (от 25.10.2000 г.) – Личный архив автора.

3. Беседа с подполковником Дегтярёвым В.А. (от 30.10.2000 г.) – Личный архив автора.

4. Беседа с подполковником Ушкаловым В.Е (от 24. 10 2000 г.) – Личный архив автора.

5. Конорева И.А. Воспоминания советских участников войны во Вьетнаме как исторический источник при изучении локальных войн и конфликтов второй половины XX в. // Учёные записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. Выпуск 4 (8). – 2008 // <http://www.scientific-notes.ru/index.php?page=6&new=8>

6. Конорева И.А. Вьетнам: воевали по долгу, а не по расписанию // Молодая гвардия. – 2003. – 30 января. – С. 6.

7. Конорева И.А. Из истории «холодной войны»: идеологическое противостояние США и СССР по проблемам Индокитая в 1954–1975 гг. – Курск: Изд-во КГУ, 2004. – 208 с.

8. Конорева И.А. Куряне на вьетнамской войне. К 30-летию подписания Парижских соглашений по Вьетнаму // Педагогический поиск. Региональный научно-педагогический журнал. – 2003. – № 5 (Январь). – С. 28-34.

9. Конорева И.А. Общественное мнение СССР по проблемам войны в Индокитае (60-е гг. XX в.) // Проблемы преподавания и изучения истории зарубежных стран. Выпуск 4: Сборник научных трудов. – Курск: Изд-во КГУ, 2004. – С. 79 – 92.

10. Конорева И.А. Формирование общественного мнения Курской области по вопросам войны в Индокитае (по архивным документам областной организации общества «Знание» за 1960–1975 гг. // Проблемы

преподавания и изучения истории зарубежных стран. Выпуск 4: Сборник научных трудов. – Курск: Изд-во КГУ, 2004. – С. 93–99.

11. См.: Официальный сайт Межрегиональной общественной организации ветеранов войны во Вьетнаме // <http://www.nhat-nam.ru/vietnamwar/>; <http://www.nhat-nam.ru/vietnamwar/spravka.html>

А.Н. Манжосов,
*кандидат исторических наук,
заместитель председателя Курского городского совета ветеранов
войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов*

В.В. Коровин,
*доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры конституционного права
ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»*

УЧАСТИЕ ВОЕННО-САНИТАРНЫХ ПОЕЗДОВ В ЭВАКУАЦИОННЫХ ПЕРЕВОЗКАХ РАНЕННЫХ И БОЛЬНЫХ ВОИНОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В годы Великой Отечественной войны железнодорожным транспортом был осуществлен огромный объем перевозок раненых и больных бойцов Красной Армии. С первых дней войны на железных дорогах СССР развернулось массовое строительство военно-санитарных поездов. 24 июня 1941 г. приказом НКПС № С-256/Ц утверждался график формирования 288 поездов, из них – 150 постоянных и 138 временных [2, л. 20]. Для этого было выделено шесть тысяч вагонов. За весь период войны объем перевозок по эвакуации раненых советских бойцов составил 11836 поездов [7, с. 157]. По заданию НКПС на вагонно-ремонтных заводах Западной, им. Ф.Э. Дзержинского, Ленинской дорог, в вагоноремонтных участках Смоленска, Вязьмы, Калуги строились 54 военно-санитарных поезда [2, л. 22–23, 26–27, 31].

Каждый поезд (ВСП) состоял из специально оборудованных вагонов для тяжело- и легкораненых, изолятора, аптеки-перевязочной, кухни и других служебных вагонов. Санитарные летучки, обращающиеся на небольших расстояниях, формировались из крытых грузовых вагонов, оборудованных под перевозку раненых, а также вагонов для размещения аптеки-перевязочной, кухни, медицинского и обслуживающего персонала. Эти поезда обслуживали медицинские и поездные бригады, в которые входили проводники, поездные вагонные мастера, поездной электромонтер и машинист электростанции. Оборудование и формирование военно-санитарных поездов и летучек проводилось на железных дорогах и заводах транспорта. Ежедневно в НКПС поступали сообщения о готовности

поездов. За их формированием и отправлением в прифронтовые районы строго следили.

О том, какими были военно-санитарные поезда, писала Вера Панова: «...На дальних запасных путях, возле какого-то длинного забора, стоял красавец поезд: свежескрашенные темно-зеленые вагоны, алые кресты на белом поле; на окнах – ослепительной чистоты полотняные занавески ручной вышивки. Невдомек было мне, когда я с крохотным моим чемоданчиком входила в штабной вагон, какую роль в моей судьбе сыграет этот поезд, вернее – люди, к которым я иду. Эти люди жили на колесах уже почти три с половиной года: с первых дней войны собрались они в этом поезде и с честью, несли свою благородную службу. Поезд № 312, который был построен в июне 1941 года работниками Вологодского паровозоремонтного завода, был одним из лучших в Советском Союзе, и командование решило, что поездной коллектив должен написать брошюру о своей работе – для передачи опыта коллективам других санитарных поездов. Пермским отделением Союза советских писателей я была направлена им в помощь как профессиональный журналист; я была – перо, которое запишет их рассказы и расположит в должном порядке» [9, с. 12–14].

Для перевозки раненых и больных проводились мероприятия по развертыванию постоянных и временных поездов (ПВСП и ВВСП). ПВСП предназначались для эвакуации раненых и больных из госпитальных баз фронтов в госпитали тыла страны. Вместимость поезда колебалась от 374 до 507 человек в зависимости от того, нормальная или уплотненная была загрузка и какими (двух- или трехъярусными) станками были оборудованы вагоны [13, с. 241].

ВВСП предназначались для эвакуации раненых и больных из госпитальных баз армий в госпитальные базы фронта. Они состояли из постоянной и переменной частей. Постоянная часть состояла из 9 вагонов. Переменная часть формировалась на станциях погрузки из 41 крытого двухосного вагона. 20 вагонов, оборудованных носилками с пружинами, предназначались для тяжелораненых и 21 вагон с типовым воинским оборудованием – для легкораненых.

Вместимость поездов составляла от 598 до 857 человек [14, с. 57–61]. При чрезвычайных обстоятельствах вместимость поезда увеличивалась и до тысячи человек (для этого прицеплялись дополнительные вагоны).

ВВСП курсировали в полном составе (50 вагонов) без переформирований и многократно использовались для перевозки раненых и больных в тыл страны. Во время нахождения поездов в пути раненым производились несложные операции, проводились перевязки, осуществлялась смена гипсовых повязок, транспортных шин, обезболивающая терапия. Медицинский персонал санитарных поездов осуществлял уход за тяжелоранеными воинами (со спинальными поражениями, ранениями органов брюшной полости, таза и др.).

С началом Великой Отечественной войны появилась необходимость формирования военно-санитарных летучек (ВСЛ) для перевозки раненых и больных со станций головных участков. Военно-санитарные летучки имели постоянную и переменную части. Постоянная часть состояла из 7, а переменная – из 15-20 грузовых вагонов. В военно-санитарных летучках перевозилось по 500-600, а иногда и 800-1000 раненых.

20 сентября 1941 г. Главное военно-санитарное управление Красной армии дало указание эвакуировать 48300 раненых из эвакогоспиталей вглубь страны. Учитывая, что в крупных городах также размещалось большое количество госпиталей (до 2000 коек с ранеными), то и для их эвакуации требовалось 50 постоянных военно-санитарных поездов [11, с. 96].

Гитлеровские летчики с особым ожесточением бомбили поезда, отмеченные «красными крестами», в которых находились раненые бойцы. С июня по декабрь 1941 г. авиация противника произвела 224 нападения на военно-санитарные поезда, в ходе которых погибло 776 человек, получили ранения 1132 чел. [14, с. 214]. Это составило 3,8% от всех нападений вражеской авиации на железнодорожные объекты (в 1941 г. их было совершено 5939) [1, л. 11].

Военно-санитарные поезда, обслуживаемые бригадами железнодорожников, играли важную роль в военно-эвакуационных перевозках в ходе всех важнейших сражений Великой Отечественной войны. Так, в ходе битвы за Москву действовало 38 военно-санитарных поездов. В декабре 1941 г. по Ярославской и Московско-Курской железным дорогам был отправлен 141, а в январе 1942 г. – 142 ВВСП [13, с. 242]. Их личный состав часто действовал в крайне тяжелых условиях, вызванных налетами вражеской авиации и обстрелами. Начальник санитарной службы Западного фронта военврач I ранга М.М. Гурвич докладывал начальнику тыла Западного фронта генералу В.Н. Курдюмову, что на 5 декабря 1941 г. из 32 временных военно-санитарных поездов, подчинявшихся санитарному управлению фронта 10 вышли из эксплуатации (№№ 1025, 1036, 1043, 1089, 1161 находились в среднем и капитальном ремонте после полученных повреждений, а №№ 1024, 1044, 1048, 1049, 1059 полностью сгорели при вражеских налетах) [10, с. 189–190]. Оставшиеся 22 ВВСП не могли обеспечить своевременную эвакуацию раненых. Для этой цели дополнительно организовывали 18 железнодорожных летучек (в среднем по 10-14 вагонов) [10, с. 190]. Только за январь 1942 г. на Западном фронте санитарными летучками было перевезено 21796 чел., а во фронтовом районе ВВСП – 17414 чел., что превысило вдвое эвакуацию автомобильным и авиационным транспортом [14, с. 60].

Значительное место в эвакуации раненых и больных бойцов Красной армии в ходе битвы под Сталинградом имело широкое использование военно-санитарных поездов. Они курсировали по участкам Юго-Восточной и Рязано-Уральской железных дорог в непосредственной близости линии

фронта. В период обороны Сталинграда было задействовано 26 военно-санитарных поездов, из них 7 ПВСП (№№ 59, 129, 142, 171, 2002 и др.) и 19 ВВСП (№№ 1035, 1044, 1047, 1059, 1061, 1064, 1069, 1072 и др.) [12, с. 143]. 8 из них были оборудованы на железных дорогах Центрального направления.

К началу марта 1943 г. на сети дорог в эксплуатации находилось 293 ПВСП, 130 ВВСП и 250 санитарных летучек [5, с. 44]. Такое количество транспортных средств помогало полностью обеспечить нормальную санэвакуацию при условии точного планирования, максимального их использования и оперативного управления ими.

Подача порожних ВСП под погрузку строго планировалась по заявкам Главного военно-санитарного управления, а в пределах фронтов – санитарными управлениями фронтов. Маршруты движения ВСП определялись ЦУП ВОСО по согласованию. Как правило, выбирались кратчайшие и наименее загруженные перевозками направления (с учетом расположения на них пунктов снабжения, возможностей экипировки и ремонта).

С марта по июнь 1943 г. Брянскому, Центральному, Воронежскому, Степному, Юго-Западному фронтам и левому крылу войск Западного фронта под погрузку было подано 207 ВСП, из них до 140 поездов к армейским госпитальным базам. Общий объем санэвакуации с марта по август 1943 г. составил 474 ВСП [5, с. 45].

В условиях вражеских бомбежек, артиллерийских налетов военные медики, железнодорожники, обслуживавшие военно-санитарные поезда, мужественно и самоотверженно выполняли свой долг. Так, в мае 1943 г. на участке Валуйки-Купянск Северо-Донецкой железной дороги на следовавшую с ранеными в тыл санитарную летучку, налетели вражеские самолеты. Машинист паровозной колонны особого резерва НКПС № 46 А.В. Федотов, который сопровождал санитарный поезд, начал маневрировать, пытаясь воспрепятствовать авиации противника осуществить бомбардировку состава. Но путь вскоре был поврежден. В результате прямых попаданий загорелись четыре вагона с ранеными. Комплексная железнодорожная бригада включилась в тушение пожаров, борьбу за жизнь раненых. От осколков вражеских бомб погиб кочегар Самсонов, сильные ожоги получил машинист А.В. Федотов, главный кондуктор И.И. Ефимов. Но И.И. Ефимов продолжал выносить одного за другим раненых бойцов из огня. В ходе налета железнодорожники сумели потушить пламя, охватившее вагоны и восстановили путь. Раненый машинист А.В. Федотов доставил санитарный поезд к месту назначения [8, с. 198-199]. 5 ноября 1943 г. главный кондуктор ОРКП-46 И.И. Ефимов был удостоен звания Героя Социалистического Труда. Машинист А.В. Федотов был отмечен орденом Ленина и знаком «Почетному железнодорожнику» [3, л. 15].

Осенью 1943 г. на железных дорогах страны ощущались значительные сбои в продвижении таких поездов. 2 декабря 1943 г. нарком

путей сообщения СССР Л.М. Каганович подписал приказ № 883/Ц «О неудовлетворительном продвижении военно-санитарных поездов, санитарных летучек и подготовке их к работе в зимних условиях». Со всей прямотой военного времени в нем отмечалось, что «на ряде дорог начальники дорог, отделений движения и станций не уделяют должного внимания вопросам санитарной эвакуации, не проявляют заботы о раненых... Поезда с ранеными продвигаются медленно, простаивая на станциях в ожидании отправки. Имеют место преступные факты отправления раненых в необорудованных и неутепленных вагонах» [4, л. 311].

Так, одна из санитарных летучек находилась в пути 8 суток в невыносимо тяжелых условиях. Со станции Дроздовка Юго-Западной жел. дороги и до станции Льгов Московско-Киевской дороги (311 км) она продвигалась двое с половиной суток, на ст. Курск Московско-Курской дороги простояла 17 часов, на ст. Орел – 30 часов (в ожидании выгрузки тяжелораненых бойцов), на ст. Скуратово – 12 часов в ожидании свободного паровоза. Со ст. Люблино санлетучку не отправляли 5 часов из-за пропуска других воинских эшелонов.

В продвижении порожних санитарных поездов к линии фронта были также сбои. Временный военно-санитарный поезд № 1072 простоял на станциях Люблино, Гривно, Столбовая Московско-Курской дороги с 18 октября по 24 ноября 1943 г. (37 суток). С 22 ноября 1943 г. на ст. Курск простаивали 4 санитарных летучки (№№ 453, 477, 484, 485), направлявшиеся на Юго-Западную железную дорогу. В ноябре 1943 г. значительно задерживалась отправка военно-санитарных поездов на станциях Кочетовка (Московско-Рязанской ж.д.), Белгород (Южной ж.д.), на участках Москва – Можайск Западной дороги [13, л. 311]. На Московско-Рязанской, Ярославской, Казанской и других дорогах была задержка в ходе ремонта и подготовки к работе в зимних условиях санитарных поездов ВВСП №№ 1034, 1058, 1101, 1151; ПВСП № 7 и др. [4, л. 312].

Приказом № 883/Ц от 2 декабря 1943 г. наркомат путей сообщения наметил комплекс мер, направленных на срочное ускорение продвижения санитарных поездов. Так для обеспечения погрузки санлетучек и временных военно-санитарных поездов на дорогах к 15 декабря 1943 г. создавался специальный запас военного оборудования (например, на станциях Смоленск, Рудня, Рославль Западной дороги из 120 вагонов, на станциях Московско-Киевской – 80, Белорусской дорог – 60 вагонов) [4, л. 314об].

К 20 декабря 1943 г. на прифронтовых и ряде тыловых дорог создавался неприкосновенный запас топлива для обеспечения военно-санитарных поездов. Так, на Московско-Киевской, Московско-Курской, Московско-Донбасской, Московско-Рязанской дорогах он составил 1720 куб. метров дров и 600 тонн угля, на Западной дороге – 900 куб. метров дров, на Калининской – 1290 куб. метров дров, на Юго-Восточной и Южной – по 270 куб. метров дров [4, л. 315–315об.].

Для улучшения организации продвижения санитарных поездов, срочной эвакуации раненых на железных дорогах в штаты отдела военных перевозок (нач. отдела – С.Н. Кресик) Центрального управления движения НКПС вводились инспектора по военно-санитарным перевозкам на станциях Москва, Вязьма, Смоленск (Западной ж.д.), Калуга, Ворожба, Брянск, Льгов (Московско-Киевская ж.д.), Москва, Орел, Курск, Мармыжи (Московско-Курская ж.д.), Елец, Кашира (Московско-Донбасская ж.д.) [4, л. 317–317об.]. На начальников службы движения возлагалась личная ответственность за быстрейшее продвижение, разгрузку военно-санитарных поездов [4, л. 313].

Таким образом, медицинская служба железнодорожного транспорта в 1941-1945 гг. провела большую и своевременную работу по оказанию помощи раненым и больным железнодорожникам, членам их семей, раненым воинам Красной армии. Железнодорожным медикам часто приходилось работать в условиях, когда были разрушены все помещения поликлиник, производственных здравпунктов, острой нехватки медикаментов, перевязочных материалов. В трудных условиях военного времени увеличилось число лечебно-профилактических учреждений. Только на 26 дорогах в дни войны было открыто 50 поликлиник и амбулаторий, 160 медицинских и фельдшерских пунктов, свыше 30 больниц [6].

В период Великой Отечественной войны сложилась четкая система взаимодействия органов ВОСО, военно-санитарных структур Красной армии с медицинскими подразделениями железнодорожного транспорта по организации, снабжению, продвижению военно-санитарных поездов. Эти поезда находились на особом диспетчерском учете в органах военных сообщений. Маршрутная скорость движения ВСП достигла 400-450 км в сутки, а иногда и до 500-600 км в сутки. Снабжение продовольствием, создание установленных путевых запасов в военно-санитарных поездах и летучках на фронтовых железных дорогах осуществлялось с продовольственных армейских, фронтовых складов или из железнодорожных военно-продовольственных пунктов.

Эвакуация раненых и больных из фронтовых госпитальных баз в тыл страны постоянными военно-санитарными поездами составила – 55,3%, временными военно-санитарными поездами – 29,6%, военно-санитарными летучками – 15,1%. Военно-санитарные летучки на фронтовых и прифронтовых железных дорогах также выполняли большой объем работы. Ими было эвакуировано 59,6% раненых и больных, тогда как временными военно-санитарными поездами эвакуация составила – 26,8%, постоянными – 13,6% раненых воинов [14, с. 61].

За годы Великой Отечественной войны в стране было возвращено в строй 72,3% раненых и 90,6% больных воинов Красной армии. Большая заслуга в этом личного состава военно-санитарных поездов, которые стали важным и оперативным средством восстановления здоровья раненых и

больных. Органы движения железнодорожного транспорта делали все возможное для оперативного продвижения военно-санитарных поездов, их экипировки, ремонта, обеспечения необходимым продовольствием и инструментарием.

Источники и литература

1. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 1884. Оп. 31с. Д. 4652.
2. РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 49с. Д. 1081.
3. Центральный архив Министерства путей сообщения РФ (далее – ЦА МПС РФ). Ф. 1. Оп. 1-Л. Д. 120.
4. ЦА МПС РФ. Ф. 1. Оп. 1-спр. Д. 214.
5. Военные сообщения в битве под Курском. – М.: Воениздат, 1951. – 96 с.
6. Гудок. – 1944. – 4 августа.
7. История организации и управления железнодорожным транспортом России. Факты, события, люди. К 200-летию транспортного ведомства и образования на транспорте России / Под ред. А.А. Тимошина. – М.: ГОУ «Учебно-методический центр по образованию на железнодорожном транспорте», 2009. – 466 с.
8. Колонны паровозов особого резерва НКПС: Страницы памяти: [Сборник / Составление и лит. обраб. В.Д. Аленичева, А.И. Логинова]. – М.: Транспорт, 1990. – 206 с.
9. Панова В.Ф. Собрание сочинений. В пяти томах. Т. 1. – Л.: Художественная литература, 1969. – 448 с.
10. Русский архив: Великая Отечественная. Тыл Красной Армии в Великой Отечественной войне 1941–1945: Док. и матер. Т. 25(14). – М.: Terra, 1998. – 736 с.
11. Смирнов Е.И. Фронтовое милосердие. – М.: Воениздат, 1991. – 430 с.
12. Список управлений войсковых соединений и частей, принимавших участие в обороне Сталинграда 12.07.–18.11.1942 // Военно-исторический архив. – 2002. – № 8 (32).
13. Транспорт в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. Исторические хроники. – М.: Пан пресс, 2010. – 575 с.
14. Эшелон за эшелоном / Под ред. А.С. Клемина. – М.: Воениздат, 1981. – 248 с.

Г.А. Салтык,
*доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры художественного
образования и истории искусств
ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»*

ПОЛИЦМЕЙСТЕРЫ г. КУРСКА В РУССКО–ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ 1904–1905 гг.: НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ВОЛКОВ

Русско-японская война (1904–1905 гг.) была одним из ключевых событий в истории Российской империи начала XX века. Все усилия государства были направлены на победу над противником. Задача его заключалась в обеспечении себя таким инструментом власти, который бы мог мгновенно реагировать на какую-либо угрозу как извне, так и изнутри. Огромные надежды государство возлагало в сложившейся тогда чрезвычайной обстановке на органы правопорядка, которые были призваны выполнить все стоявшие перед ними задачи. Помимо выполнения своих прямых обязанностей по охране правопорядка, сотрудников полиции во время русско-японской войны 1904–1905 гг. оказывали поддержку членам общества Российского Красного Креста, благодаря которой его деятельность разрослась до огромных размеров.

Многие чины полиции были отмечены наградами Красного Креста – серебряной медалью «В память русско-японской войны 1904–1905 гг.». Среди них нам удалось обнаружить имена двух курских полицмейстеров – надворного советника Пантелеймона Петровича Покидаева (Покидова)¹ и статского советника Николая Васильевича Волкова.

Известно, что должность полицмейстера была введена в Российской империи в 1782 г. Тогда полицмейстер возглавлял управу благочиния. Согласно Временным правилам об устройстве полиции (1862) городская и уездная полиции были объединены в единую полицейскую систему. В губернских городах руководство полицией должен был осуществлять полицмейстер. Ему подчинялись все полицейские чины и учреждения города, с помощью которых он осуществлял «благочиние, добронравие и порядок», исполнение распоряжений высших властей, судебных приговоров и т.д. Большинство будущих полицмейстеров успели поработать исполнительными чиновниками полиции в качестве станových приставов и уездных исправников.

Примером тому – биография Николая Васильевича Волкова. В Государственном архиве Курской области в фонде Курского губернского

---

¹Покидов Пантелеймон Петрович, надворный советник. Родился в 1869 г. На государственной службе с 27 августа 1890 г. В должности курского полицмейстера с 25 марта 1908. Награжден: орденами Святой Анны 3 степени, Святого Станислава 3 степени, серебряной медалью «В память царствования императора Александра III» и серебряной медалью Красного Креста «В память Русско-японской войны 1904-1905гг.».

жандармского управления (КГЖУ) нам удалось обнаружить его формулярный список [1, л. 1–29]. Кроме того, нами были изучены документы, в которых имеются сведения о службе Н.В. Волкова в полиции Ярославской и Тамбовской губерний [2, л. 42–42об.; 3].

Николай Васильевич Волков родился 8 декабря 1861 г. Воспитывался в Нижегородской гимназии. Службу в органах полиции начал в 1882 г. в должности помощника пристава в Черниговской губернии.

В 1884 г. ему была объявлена благодарность «за успешное и сопряженное с опасностью для жизни тушение пожара, происшедшего 20 января 1884 г. в здании второй полицейской части г. Чернигова». По-видимому, это послужило поводом для перемещения его на службу в штат Московской столичной полиции исполняющим обязанности околоточного надзирателя. Указом Правительствующего Сената от 7 сентября 1886 г. был произведен в коллежские регистраторы со старшинством. Неоднократно ему объявлялась благодарность «за успешные розыски похищенного и имущества». О службе Н.В. Волкова в Московской полиции имеются сведения в работах В.И. Гурьева [4].

1 июля 1889 г. произведен за выслугу лет в губернские секретари со старшинством и назначен чиновником полицейского резерва, а также младшим помощником участкового пристава. В 1895 г. произведен в титулярные советники со старшинством.

В 1899 г. был назначен приставом второй части Каменец Подольска. Спустя год – помощником Винницкого уездного исправника.

В 1901–1902 гг. Н.В. Волков занимал должность Ковенского полицмейстера. В эти годы он также являлся членом Ковенского попечительства о народной трезвости. В августе 1902 г. его произвели в надворные советники со старшинством.

В 1903–1904 гг. Николай Васильевич служил Угличским уездным исправником, а с 1905 по 1910 гг. возглавлял полицию города Ярославля. Об этом периоде его жизни рассказывают документы, отложившиеся в Государственном архиве Ярославской области и опубликованные в сборнике «Служить Отечеству честь имею».

Их дополняют воспоминания ротмистра В.М. Немчинова – начальника охранного отделения г. Ярославля, который высоко оценил «полную готовность» нового полицмейстера Н.В. Волкова согласовывать «действия городской полиции с соображениями охранного отделения, делиться полученной информацией». По его мнению, благодаря действиям полицмейстера «... контакты общей полиции и охранной службы дали хорошие результаты, намного повысив результативность работы» [8].

Во время службы в Ярославле Н.В. Волков был произведен в коллежские советники.

В 1910 г. его перевели на службу в Тамбовскую губернию, о чем он писал следующее: «Отъезжая к месту нового служения в Кирсановский уезд Тамбовской губернии, считаю своим приятным долгом, всем Чинам

Полиции и Канцелярии Полицейского Управления, служившим со мной, начиная с 1906 года по настоящее время и несшим со мной все трудности полицейской службы, выражаю мою глубокую благодарность» [8].

1 февраля 1910 г. приказом Тамбовского губернатора Николай Васильевич был назначен исправником Кирсановского уезда. О его службе в этой должности имеются сведения в сборнике документов «Тамбовская полиция в начале XX века» [6].

Начальником полиции города Курска Н.В. Волков был утвержден приказом курского губернатора № 58 от 27 августа 1912 г. На протяжении четырех лет он исправно исполнял свои обязанности. Об этом свидетельствуют благодарности, которые ему неоднократно объявлялись главой Курской губернии, а именно:

«...за распорядительность и отличный порядок, во время крестного хода и народных гуляний 26 августа 1912 г. по случаю празднования столетнего юбилея Отечественной войны 1812 г.» (№ 12135);

«... за добросовестное исполнение служебных обязанностей по охране линии пути следования Императорского поезда в августе 1913 г.» (10 августа 1913 г., № 11130);

«... за прекрасный инструктаж подведомственных чинов полиции, командированных для содействия жандармерии железной дороги по розыску злоумышленников, свершивших 18 сентября 1913 г. кражу груза из товарного вагона на перегоне Коренная Пустынь-Курск»;

«...за добросовестный порядок во время трехдневного празднования в Курске 300-летнего юбилея учреждения Курского Знаменского монастыря»;

«... за распорядительность и добросовестность при охране пути следования Императорского поезда в декабре и в марте 1914 г.»;

«... за проявленное внимание к автомобилистам Южно-Русского клуба при пробеге их через г. Курск 6 апреля 1914 г.» (7 апреля 1914 г., № 9263);

«...за «отличное усердие и образцовые действия полиции во время выноса Святой Коренной иконы «Знамение» из Курска в Коренную Пустынь» (1 июня 1914 г.) [7, с. 46–47].

Кроме серебряной медали «В память Русско-японской войны 1904–1905 гг.» Н.В. Волков был награжден орденами, медалями и памятными знаками, а именно: орденами Святого Владимира 4-й степени, Святой Анны 2-й и 3-й степени, Святого Станислава 3-й степени, Бухарской золотой звезды 3-й степени, «За военные заслуги» (Болгария) 5-й степени (кавалерийский крест); медалями «В память коронации императора Александра III, Николая II», «В память Отечественной войны 1812 г.», «В память 300-летия царствования дома Романовых»; знаками Святой Нины 4-й степени, серебряным нагрудным знаком Императорского Пожарного общества, золотым жетон Московского Совета детских приютов

ведомственного учреждения императрицы Марии и наградным бриллиантовым перстнем.

О дальнейшей судьбе Н.В. Волкова известно немного. Нам удалось лишь выяснить, что в период 1914–1916 гг. ему приходилось решать важные вопросы по сохранению «благочиния и правопорядка» в г. Курске в условиях военного времени.

После революционных событий 1917 г., как и многие его коллеги – был расстрелян большевиками. Вот как он об этом писал в своих воспоминаниях Саша Ратиев: «В Курске в конце августа 1918 г. (не ранее 25 числа) по постановлению ЧК было расстреляно 18 человек, среди которых был и Николай Васильевич Волков – статский советник, полицмейстер (начальник) Курского городского полицейского управления, почетный член Пожарного общества. Расстрел происходил в здании пивоваренного завода Вильма. Место захоронения неизвестно...» [5, с. 173–174].

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области. Ф. 1642. Оп. 3л. Д. 221.
2. Государственный архив Ярославской области. Ф. 288. Оп. 1. Д. 944.
3. Верой и правдой: ФСБ. Страницы истории / А. Р. Хаиров [и др.]. – Ярославль: НЮАНС, 2001. – 526 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: yaroslavl.fsb.ru>book/gl25.html (дата обращения: 10.01.2019).
4. Гурьев В.И. Московская полиция в конце XIX – начале XX вв.: организация, структура, состав: автореф. ... дис. канд. ист. наук. – М.: ООО «Издательство Спутник +», 2012. – 24 с.
5. Донченко Ю. Курские дни князя Саши Ратиева. – Курск: Курскстат, 2007. – 371 с.
6. Кирсановская полиция // Тамбовская полиция в начале XX века: документы и материалы / сост. Н.В. Токарев. – Тамбов: изд-во ТОИПКРО, 2006. – 383 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа grad-kirsanov.ru>article.php?id=kirsanov_polic (дата обращения: 10.01.2019).
7. Курская полиция: взгляд через столетия / под ред. генерал-майора полиции Г.П. Кулика; авт. кол.: д.и.н., проф. В.В. Коровин, (рук.); д.и.н., проф. Г.А. Салтык [и др.]. – Курск: Полстар, 2018. – 576 с.
8. Служить Отечеству честь имею. Документы по истории органов внутренних дел Ярославского края в конце XVIII – начале XXI вв. – Ярославль: ОАО «Ярославский полиграфкомбинат», 2002. – 632 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: kniga.seluk.ru>k-istoriya/912188-4-ministerstvo-... (дата обращения: 10.01.2019).

МАТЕРИАЛЫ СЕКЦИОННОГО ЗАСЕДАНИЯ

О. Н. Аргунов,

*кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
отдела научно-исследовательской работы
и информационного обеспечения
ОКУ «Госархив Курской области»*

ЗАГОТОВКИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ В КУРСКОЙ ОБЛАСТИ (1943–1945 гг.)

Обеспечение населения и армии продовольствием является важнейшей задачей для государства не только в мирное время, но и особенно в военное, когда все ресурсы направлены на достижение главной цели – победы. В условиях Великой Отечественной войны, когда в первые ее месяцы были потеряны основные сельскохозяйственные территории СССР, производившие наибольшее количество валовой аграрной продукции, данная проблема была очень острой. Частично компенсировать эти потери удалось путем расширения посевных площадей в Сибири, на Урале и в не подвергшихся оккупации регионах Европейской России [18, с. 398], а также за счет значительной продовольственной помощи по ленд-лизу со стороны США, Канады, Австралии и др.

Путем огромного напряжения сил и значительной выкачки ресурсов из деревни за 1944–1945 гг. Советским Союзом было заготовлено более 70,0 млн т зерна, 50,5 млн ц мяса и других продуктов [18, с. 407, 411], а также миллионы центнеров продовольственной помощи поступило от союзников, что позволило не допустить массового голода не только в армейских частях, но и в крупных промышленных центрах, работавших на нужды фронта.

Однако даже увеличение посевных площадей в тыловых регионах СССР не позволяло в полной мере удовлетворять постоянно возрастающие потребности в сельскохозяйственной продукции. Также значительной проблемой, осложнявшей продовольственное обеспечение армии, были отрывы воинских частей от своих тылов в ходе наступательных операций, как это произошло, к примеру, в ходе наступления Красной Армии зимой 1942–1943 гг., которое освободило значительную часть территорий Курской области. Из-за отрыва от своих тылов многие воинские подразделения были вынуждены проводить самостоятельные заготовки продовольствия в только что освобожденных районах, а вместе с восстановлением работы партийно-государственного аппарата на этих же территориях начинали проводиться и централизованные заготовки. Поэтому о проблеме проведения сельскохозяйственных заготовок на территории Курской области можно говорить уже начиная с февраля 1943 г.

В настоящей работе мы рассмотрим три основных вида продовольственных заготовок: хлебозаготовки, мясозаготовки и картофелезаготовки в связи с тем, что именно эти три продукта составляли основу питания курских селян, и их недостаток серьезно влиял на жизнь колхозников.

Стоит отметить, что все самозаготовки воинских частей были строго регламентированы циркуляром Наркомзага СССР и начальника Главного управления продовольственного снабжения Красной Армии от 16 декабря 1942 г. и приказом Народного Комиссара Оборона от 13 октября 1942 г. Воинские части должны были проводить заготовки в четком соответствии с установленным планом с выдачей колхозам при этом чековых требований (расписок о получении продовольствия), которые те, в свою очередь, могли использовать их в качестве удостоверяющего документа при проведении централизованных государственных заготовок [6, л. 42–42 об.; 15, л. 17]. Однако на деле данные условия практически никогда не выполнялись. В большинстве случаев самозаготовки воинских частей больше напоминали бандитские налеты или же ограбления.

Документы архивного фонда «Курский областной Совет депутатов трудящихся и его исполнительный комитет» свидетельствуют, что случаи подобных «самозаготовок» были не единичными и проходили примерно одинаково. Приведем примеры. Из письма председателя Курского облисполкома В. В. Волчкова заместителю командующего по тылу 40-й армии Я. И. Балакину от 12 апреля 1943 г. узнаем, что бойцы 40-й армии, размещавшейся на территории Сажновского района, занимались незаконной реквизицией скота: было «самоуправно изъято у населения 80 коров» и 150 лошадей, при том, что чековые требования были выданы только на 30 голов крупного рогатого скота. Помимо этого, бойцы самовольно взламывали замки на амбарах и изымали семенное зерно и картофель колхозов [6, л. 58]. В письме председателя Корочанского райисполкома А. И. Бушеева в Курский облисполком 29 марта 1943 г. указывалось, что воинские части, размещенные на территории района, изыали у колхозов практически весь собранный семенной материал, а также значительную часть зерна, имевшегося у самих селян. Так, неизвестные бойцы ночью 10 марта ограбили амбар колхоза «Новая жизнь» Ломовского сельсовета, похитив 17,0 ц семенного зерна и угнав три коровы колхозников [4, л. 59–60].

Бесчинства бойцов Красной Армии не раз становились объектом внимания не только районных партийно-государственных органов, но областного руководства, ведь подобные «самозаготовки» мешали проведению централизованных закупок хлеба у населения. Между тем, уже 1 марта 1943 г. было принято первое решение Курского облисполкома о закреплении районов области по заготовкам картофеля и овощей для снабжения городского населения, а 15 апреля был принят план, согласно которому необходимо было заготовить в сельской местности 7,0 тыс. т

картофеля из урожая 1942 г. [8, л. 12–13, 112–113 об.]. Подобные планы принимались и по другим культурам в течение марта–апреля 1943 г.

Вместе с тем, заготовительные органы стремились провести заготовки в первую очередь в прифронтовых районах, в связи с тем, что, начиная с ранней весны 1943 г., шла активная подготовка прифронтовой полосы к предстоящим летним боям. В целом, заготовки сельхозпродукции 1942 г. были завершены к середине июня 1943 г. Наибольшее количество продовольствия было заготовлено именно в прифронтовых районах области, попавших в 25-километровую зону отселения, где население предпочитало сдавать свои запасы зерна в счет обязательных поставок государству или в фонд Красной Армии, так как зачастую возможности вывести самостоятельно эти запасы не было никакой возможности. На все сданные сельхозпродукты оформлялись чековые требования, что было обязательным условием их сдачи, оговоренным в приказе Главного управления продовольственного снабжения Красной Армии от 19 октября 1942 г. [10, л. 3–3 об.].

В общей сложности до начала массовой уборки зерновых воинскими частями на территории районов Курской области было заготовлено 18 727,0 ц зерна, при этом частями Центрального фронта заготовлено 12 402,0 ц, Воронежского – 5 934,0 ц, Юго-Западного – 391,0 ц [10, л. 65–67]. Вместе с тем, из письма Наркомата заготовок СССР уполномоченным по заготовкам этих фронтов от 14 ноября 1943 г., копия которого находится на хранении в госархиве Курской области, мы узнаем, что на значительную часть этого зерна чековые требования оформлены так и не были, что создавало для колхозов области значительные трудности во время обязательных поставок осенью 1943 г., и вызывало серьезное недовольство у населения [10, л. 153–153 об.; 11, л. 162–162 об.]. При этом план по самозаготовкам так и не был полностью выполнен частями Красной Армии [11, л. 93].

Также большие затруднения военные создавали и при проведении заготовок из нового урожая 1943 г. Это было обусловлено следующими причинами.

Во-первых, многие воинские части самостоятельно убирали хлеб в полосе отселения, но вместо положенной половины урожая они забирали его полностью, оставляя колхозников не только без пропитания, но и без семенного материала. Попытки колхозников оставить себе хотя бы часть собранного зерна успехами не увенчались. Остановить подобные действия не смогли даже письма партийно-государственного руководства области в штабы действовавших армий. Наиболее вопиющие случаи подобного отношения к селянам были выявлены в Дмитриевском и Хомутовском районах [5, л. 273; 16, л. 76], где серьезных боев летом 1943 г. не было.

Во-вторых, некоторые действия бойцов Красной Армии кроме как вредительством назвать нельзя. Нередки были случаи, когда во время учебных стрельб поджигались скирды и копны с убраным хлебом. По этой

причине только за конец августа 1943 г. в колхозе «Красное знамя» Артюховского сельсовета Ленинского (сельского) района сгорело 175 копен хлеба, что нанесло непоправимый вред не только делу хлебозаготовок, но колхозному хозяйству в целом [7, л. 333].

Однако уже с конца июля 1943 г. можно говорить о полноценных централизованных хлебозаготовках, которые планомерно проводились в Курской области и в последующие годы, за выполнением которых строго следило не только партийно-государственное руководство региона, но и уполномоченные наркомата заготовок СССР.

Фактически, если рассматривать централизованные государственные сельскохозяйственные заготовки в Курской области в 1943–1945 гг., можно увидеть, что они были круглогодичными, и продукция полеводства (в первую очередь это зерно и картофель) заготавливалась от урожая к урожаю. Однако наиболее высокие темпы сдачи можно было наблюдать в период с начала уборки и до конца осени, когда большая часть колхозов начинала выдавать продукцию на трудодни.

Вместе с тем колхозы зачастую не спешили сдавать собранный урожай. Во многом это было обусловлено объективными причинами.

Во-первых, недостаток рабочих рук не позволял отвлекать больших силы на транспортировку зерна. Колхозы чаще всего стремились как можно быстрее убрать свой хлеб, чтобы не допустить значительных потерь урожая. Как свидетельствуют выявленные источники, темпы уборки зерна в июле–августе значительно опережали темпы заготовок. К примеру, в 1943 г. к 5 августа по данным от 17 районов Курской области было убрано 1 527,1 га зерновых культур, намолочено 1 966,4 ц зерна (средняя урожайность 1,3 ц с га), из которых 845,8 ц было сдано государству [2, л. 41]. На 4 сентября план заготовок зерна по 56-и районам области был выполнен уже на 51,9 %, было заготовлено 44 284,0 т зерна при плане 85 200,0 т [3, л. 9–10, 77–77 об.]. Оставшуюся часть урожая колхозы продолжали сдавать практически до июня 1944 г. И такая картина наблюдалась в колхозах региона из года в год.

Во-вторых, в колхозах области наблюдался серьезнейший недостаток как гужевого, так и автотранспорта для перевозки убранного урожая. В некоторых случаях колхозникам приходилось запрягать в телеги собственных коров, чтобы доставить зерно на заготовительные пункты. Несмотря на имевшиеся директивы, согласно которым военный транспорт должен был активно привлекаться к перевозкам государственного зерна, военные предпочитали вывозить собственные заготовки и помогать колхозам только в исключительных случаях. Об этом свидетельствуют следующие данные: автотранспортом частей Воронежского фронта к 10 октября 1943 г. из 17-и районов области, входящих в тыл фронта, на склады Заготзерно было вывезено 1 296,0 т, а для собственных нужд – 11 921,0 т [16, л. 83–84]. В 1944–1945 гг. ситуация несколько улучшилась, но оставалась довольно сложной: достаточно большое количество зерна,

предназначавшегося для продажи государству, портилось, хранясь в ненадлежащих условиях.

В целом, говоря о хлебозаготовках в Курской области в 1943–1945 гг., стоит отметить, их достаточно напряженный характер, ввиду малых урожаев и больших планов. Особенно сложным был 1943 г., когда помимо государственных органов заготовки проводили еще и военные.

Оценивая масштабы заготовок, стоит сказать, что они совершенно не уступали довоенным, несмотря на значительное ослабление хозяйства региона. Так, в 1940 г. колхозы области собрали 20 442,0 тыс. ц зерна, из которых сдали государству 3 506,5 тыс. ц зерна, или 17,2 % от валового сбора. В 1943 г. валовый сбор зерновых культур был более чем в 5 раз меньше (3 829,0 тыс. ц), но процент сдачи зерна государству был даже больше, чем в 1940 г. – 19,2 % (732,0 тыс. ц). Однако государственные заготовки сильно возросли в 1944 и 1945 гг. – до 37,6 % и 35,5 % от собранного урожая соответственно, при том, что валовый сбор зерна только незначительно увеличился: до 6 025,0 тыс. ц в 1944 г. и 5 681,0 тыс. ц в 1945 г. [9, л. 3 об. – 4, 28 об. – 29, 35 об. – 36, 73 об. – 74].

Объяснить возросшие хлебопоставки в 1944 и 1945 гг. можно льготами, которые были предоставлены значительной части колхозов в 1943 г., хотя если разбирать хлебозаготовительные кампании в каждом отдельном районе, то легко заметить, что некоторые из них сдавали государству едва ли не половину собранного хлеба. Так, к примеру, было в колхозах Коньшевского района, где к 2 октября 1943 г. из собранных 50,0 тыс. ц зерна колхозы сдали 23,7 тыс. ц хлеба государству, или Валуйского, где сдали 22,5 тыс. ц из 44,2 тыс. ц валового сбора зерна [3, л. 36, 51].

Вместе с тем, на наш взгляд, хлебозаготовки в 1943 г. можно считать значительно большими по сравнению с теми же 1944 и 1945 гг. в связи с тем, что установить точное количество зерна, заготовленного армейскими частями вряд ли представляется возможным из-за «стихийности» самозаготовок военных. При этом, ни в одном из исследуемых лет выполнить полностью свои обязательства по зерну колхозы так и не смогли.

Так, в январе 1946 г. бюро Курского обкома ВКП(б) была принята серия постановлений, касающихся неудовлетворительных результатов заготовок 1945 г. в 28-и районах региона. Сотни колхозов остались должны государству десятки тысяч тонн хлеба. К примеру, из 66 колхозов Борисовского района только 14 полностью рассчитались по обязательным поставкам зерна государству, остальные, в общей сложности остались должны 11,7 тыс. ц хлеба. Похожая картина наблюдалась также в Ракитянском, Суджанском, Глушковском, Стрелецком и многих других районах [17, л. 17–26].

Такое отношение колхозов к хлебозаготовкам партийно-государственное руководство области объясняло бесхозяйственностью колхозного руководства и их плохой политической подготовкой. Мы только

лишь отчасти разделяем это мнение. На наш взгляд, существует еще несколько не менее важных причин нежелания колхозов сдавать зерно.

Первая, это низкая урожайность зерновых культур, не позволявшая вырастить достойные урожаи, способные в полной мере удовлетворить потребности не только государства, но и самих колхозников.

Вторая, как руководство сельскохозяйственных артелей, так и рядовые колхозники зачастую были свидетелями бесхозяйственного отношения должностных лиц к вопросам сохранения сданного государству хлеба. Очень часто хлеб хранился в ненадлежащих условиях, от чего пропадал и выкидывался [1, л. 125]. Многие директора заготовительных пунктов относились к проданному государству зерну как к своему собственному: обменивали на него предметы быта, отдавали за долги и пр. По этой причине в январе 1944 г. был снят с работы директор Новоскольского пункта Заготзерно Мерзликин [13, л. 73]. За период с лета 1943 по лето 1944 г. только в одном Большесолдатском районе было разбазарено со складов Заготзерно свыше 2,9 тыс. ц зерна [14, л. 102]. На наш взгляд, многие председатели колхозов именно по этим причинам не спешили сдавать государству доставшееся тяжелым трудом зерно.

Не менее значительными для курских колхозников были мясозаготовки, поскольку в 1943–1945 гг. они были выполнены преимущественно за счет самих колхозников, так как только незначительная часть колхозов из более чем пяти тысяч имевшихся в Курской области участвовали в мясозаготовительных кампаниях, остальные были освобождены от обязательной сдачи мяса государству. Например, в 1943 г. в данной кампании участвовали только 310 колхозов и почти 200,0 тыс. хозяйств колхозников и единоличников [12, л. 3].

Однако при этом мясопоставки выполнялись практически полностью из года в год, а в 1943 г. значительное количество мяса было сдано авансом на будущий год, что так же, как и в случае с хлебопоставками, объясняется сдачей скота при проведении работ по отселению из прифронтовой зоны весной 1943 г. В общей сложности, в 1943 г. по обязательным поставкам Курской областью было сдано 63,3 тыс. ц мяса, из которых колхозы сдали только 413,0 ц [12, л. 3]. Похожая картина наблюдалась и в 1944 г., когда всего заготовили 54,7 тыс. ц, из которых колхозы сдали 473,0 ц. Однако уже в 1945 г. колхозные хозяйства стали активно продавать мясо государству: общий объем поставок возрос до 121,2 тыс. ц мяса, из которых колхозы сдали 50,4 тыс. ц [12, л. 23, 48]. Это объясняется значительными успехами, которых достигли курские животноводы в деле восстановления колхозного поголовья.

Что касается картофелепоставок, то для колхозов и колхозников Курской области в военное время они были достаточно болезненными, учитывая, факты того, что, во-первых, картофель был главным продуктом питания курских селян, а во-вторых, за три первых постоккупационных урожая колхозы Курской области в общей сложности собрали меньше

картофеля, чем в предвоенном 1940 г.: за три года с 1943 по 1945 г. удалось вырастить 2 230,0 тыс. ц картофеля, а только за 1940 г. собрали 2 983,0 ц. При этом, в 1940 г. государству было сдано 345,0 тыс. ц картофеля, а за 1943–1945 гг. – 396,0 тыс. ц [9, л. 3 об.–4, 28 об.–29, 35 об.–36, 73 об.–74]. Сколько картофеля было выращено и сдано в хозяйствах колхозников и единоличников – неизвестно, но мы можем не без оснований предполагать, что эти цифры значительно выше, чем в колхозах.

Помимо обязательных поставок государству существовало еще несколько каналов по выкачиванию ресурсов из колхозов, среди которых наиболее обременительной была натуроплата за работу МТС, которую в настоящей работе мы не рассматриваем. В связи с чем мы можем сделать вполне закономерный вывод о том, что в первые постоккупационные годы колхозы и колхозники были вынуждены отдавать около половины, а зачастую и более, урожая, что, в конечном счете, не могло не отразиться на физическом здоровье сельского населения. Отметим, что массовых голодовок в курской деревне в это время не наблюдалось, но за счет собственного недоедания курские колхозники сполна обеспечивали Красную Армию и промышленные центры продовольствием, тем самым неуклонно приближая победу.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-369. Оп. 3. Д. 9.
2. ГАКО. Ф. Р-3272. Оп. 4. Д. 2.
3. ГАКО. Ф. Р-3272. Оп. 4. Д. 3.
4. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 10. Д. 6.
5. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 10. Д. 11.
6. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 10. Д. 14.
7. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 10. Д. 21.
8. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 22. Д. 7.
9. ГАКО. Ф. Р-5006. Оп. 17. Д. 1.
10. ГАКО. Ф. Р-5010. Оп. 1. Д. 1.
11. ГАКО. Ф. Р-5010. Оп. 1. Д. 2.
12. ГАКО. Ф. Р-5010. Оп. 1. Д. 6.
13. ГАКО. Ф. Р-5010. Оп. 1. Д. 9.
14. ГАКО. Ф. Р-5010. Оп. 1. Д. 10.
15. ГАКО. Ф. Р-5010. Оп. 18. Д. 1.
16. ГАКО. Ф. Р-5010. Оп. 18. Д. 4.
17. Государственный архив общественно-политической истории Курской области. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 13.
18. История социалистической экономики СССР. В 7 т. Т. 5. 1938–1945 гг. – М.: Изд-во «Наука», 1978. – 565 с.

С. В. Безрядин,
*кандидат исторических наук,
сотрудник ФГКВООУ ВО «Воронежский институт
правительственной связи (филиал)
Академии Федеральной службы охраны
Российской Федерации»*

МОРСКИЕ ВРАЧИ ВО ВРЕМЯ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904–1905 гг.

В период Русско-японской войны 1904–1905 гг. врачи Российского Императорского флота приняли активное участие в военных действиях в качестве некомбатантов.

Надо отметить, что врачебный корпус русского флота в период войны с японцами 1904–1905 гг. понес серьезные потери. Погибли 16 квалифицированных врачей: А.Н. Волкович и П.Н. Костромитинов (взрыв броненосца «Петропавловск» 31 марта 1904 г.), Э.Г. фон Брауншвейг (в бою на крейсере «Рюрик» 1 августа 1904 г.), П.П. Юрьев и Б.Л. Бертенсон (в бою на броненосце «Александр III» в Цусимском сражении), Ф.М. Лукин и А.Э. Герцог (в бою на эскадренном броненосце «Бородино» в Цусимском сражении), А.М. Надин и А.М. Матавкин (в бою на эскадренном броненосце «Князь Суворов» в Цусимском сражении), К.Н. Кречунеско и А.Г. Аронет (в бою на эскадренном броненосце «Наварин» в Цусимском сражении), Г.С. Васильев и Г.Р. Бутинг (в бою на эскадренном броненосце «Ослябя» в Цусимском сражении), В.Н. Подобедов и К.Г. Калевич (в бою на эскадренном броненосце «Сысой Великий» в Цусимском сражении), К.С. Обнинский (в бою в транспорте «Камчатка» в Цусимском сражении). Старший судовой врач броненосца «Сысой Великий» коллежский советник В.Н. Подобедов и броненосца «Бородино» надворный советник А.Э. Герцог, за поход в составе 2-ой эскадры З.П. Рождественского получили ордена Станислава 3-ей степени [1, с. 14].

Тогда же подобного ордена были удостоены судовой врач транспорта «Анадырь» коллежский асессор Ион и судовой врач мореходной канонерской лодки «Запорожец» коллежский асессор Алешин [1, с. 15].

Журнал «Морской врач» выразил соболезнования семьям погибших медицинских сотрудников русского флота: «Вечная память вам, незабвенные товарищи – гордость нашей морской врачебной семьи – вам, принесшим свою жизнь в жертву долгу Родине, вам, незаметным труженикам, в виду смерти без устали работавшим, и свято исполнившим свой нравственный и служебный долг – помогать раненым воинам, имея против вооруженного врага одно только оружие – человеколюбие! Погибли вы в безжалостной пучине, а с вами погибли и все надежды ваших близких, но память о вас будет вечно в наших сердцах и будет всегда священна!» [5, с. 330].

Вскоре, 7 февраля 1909 г., всем морским врачам, убитым в ходе Русско-японской войны 1904 – 1905 гг., в церкви Николаевского морского госпиталя в Кронштадте был установлен памятник [6, с. 1].

Непосредственные события русско-японской войны 1904–1905 гг. нашли отражение только в августовском номере журнала «Морской врач» за 1905 г. в отчете судового врача В. Булатова с крейсера «Алмаз» о бое в Корейском проливе 14 мая 1905 г. [2, с. 114]. Необходимо упомянуть и донесения флагманского врача 1-ой Тихоокеанской эскадры статского советника А.А. Бунге, написавшего о последних днях своего соединения кораблей, погибшего на рейде Порт-Артура [3, с. 168]. В январском номере журнала «Морской врач» в 1906 г. вышел отчет старшего судового врача Г.А. Макарова об участии в Цусимском бою на броненосце «Орел» [4, с. 17].

В целом же указанное издание старалось печатать в период войны статьи профессиональной направленности без какой-либо идеологии или хроники боевых действий.

Наиболее часто во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. военно-морских врачей награждали орденом Святого Станислава 3-ей степени [7, с. 1], бывшим более гражданским, а не военным знаком отличия. Даже принимавшие участие в боевых действиях судовые врачи обычно получали орден данной степени. Так, старший судовой врач крейсера 1-го ранга «Баян» надворный советник Григорий Метцнер за отражение минной атаки на рейде Порт-Артура в ночь с 26 на 27 января 1904 г. (дата начала Русско-японской войны 1904–1905 гг. – авт.) единственный из медицинского персонала получил орден Святой Анны 3-ей степени. Все остальные судовые врачи удостоились того же Станислава 3-ей степени, правда, с мечами, что придавало гражданскому ордену военное значение [7, с. 2].

19 января 1906 г. по указу императора Николая II учреждают «Медаль Красного Креста в память Русско-японской войны 1904–1905 гг.». В положении о новой военно-медицинской медали говорилось: «...для выдачи лицам обоего пола, которые во время войны с Японией принимали участие в деятельности «Российского Общества Красного Креста»: чиновникам, врачам, фармацевтам, сестрам милосердия, студентам, санитарам, лазаретным служащим и т.д.» [8, с. 173]. Можно было вручать медаль и общественным деятелям, пожертвовавшим в период войны значительные денежные суммы и вещественные ценности. В 1907 г. право на получение награды «Медаль Красного Креста в память русско-японской войны 1904–1905 гг.» было распространено на все чины военного ведомства.

За подготовку 2-ой Тихоокеанской эскадры к плаванию в 1905 г. «Высочайшая благодарность» была объявлена: главному медицинскому инспектору флота, лейб-хирургу двора Его Императорского Величества действительному тайному советнику Кудрину, почетные лейб-медики

двора Его Императорского Величества главный доктор Санкт-Петербургского морского госпиталя, медицинский инспектор Санкт-Петербургского порта Рамбах, главный доктор Николаевского морского госпиталя в Кронштадте Исаев. «Монаршего благоволения» удостоился аптекарь Николаевского морского госпиталя в Кронштадте статский советник Гинтер [1, с. 15].

В целом же следует признать, что военно-морские врачи проявили как свои организационные, так и профессиональные навыки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. о чем свидетельствуют их государственные и международные награды, полученные в исследуемый период.

Источники и литературы

1. Высочайшие награды // Морской сборник. – 1905. – № 1. – С. 14–16.
2. Булатов В. Медицинский отчет о бое 14 мая 1905 г. в Корейском проливе // Морской врач. – 1905. – № 8. – С. 114–119.
3. Бунге А.А. Из донесения бывшего флагманского врача эскадры Тихого океана // Морской врач. – 1905. – № 9. – С. 166–173.
4. Макаров Г.А. Эскадренный броненосец «Орел» в Цусимском бою // Морской врач. – 1906. – № 1. – С. 17–23.
5. Некрологи морских врачей, погибших в боях за время Русско-японской войны // Морской врач. – 1905. – № 11. – С. 330–332.
6. От редакции // Морской врач. – 1909. – №3. – С. 1–2.
7. Официальные сведения // Морской врач. – 1904. – № 7. – С. 1–2.
8. Полная энциклопедия орденов и медалей России – Ростов н/Д.: ИД Владис, РИПОЛ Классик, 2008. – 448 с.

Г.О. Бобрышев,
военнослужащий

ФОРМЫ РЕКРЕАЦИОННОГО ДОСУГА НИЖНИХ ЧИНОВ МАНЬЧЖУРСКИХ АРМИЙ В ПЕРИОД РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904–1905 гг.

В период военного времени досуг выступает важной частью повседневного быта военнослужащих. В условиях частых боев, колоссальных физических и психологических нагрузок часы свободного времени приобретают особую ценность.

Досуг в армейских частях можно разделить на три типа: рекреативный (развлекательный), культурно-просветительский и девиантный. Первые два типа времяпрепровождения имели как официальную, так и неофициальную часть. В данной работе мы остановимся на рекреативном досуге.

В период Русско-японской войны 1904–1905 гг. к рекреативному виду досуга в первую очередь относились высокаторжественные и торжественные дни: празднование восшествия на престол императора, его коронация, тезоименитства и дни рождения членов императорского рода [10, с. 52]. В действующей армии подобные памятные даты отмечались с обязательным проведением парада, а также общим застольем для офицеров. Нижние чины приводили в порядок свое обмундирование, участвовали в параде, присутствовали на молебне, после чего возвращались на передовые позиции [10, с. 58–59].

Более широко проводились полковые праздники, которые были приурочены к определенным датам церковного календаря. Например, в Псковском полку такое торжество проходило 21 (8) сентября [13, с.10], что соответствовало Рождеству Пресвятой Богородицы. Приготовлением к празднику занимались в первую очередь нижние чины, которые должны были заготовить дрова, воду и сделать столы. Украшение территории расположения войск зачастую доставляло удовольствие солдатам и позволяло отвлечься от событий военного времени. Так, полковой священник М.О. Серебрянский вспоминает: «...артисты же наши солдаты. Из простого огорода с китайскою редькою устроили цветущий сад. Выровняли большой четырехугольник ... обсадили срубленными деревьями ... все принимали их за настоящие. Собрали массу цветов, украсили ими деревья ... сделали две зеленых арки и на одну из них поставили игрушечного барана, а на другую повесили китайскую корзину с цветами. Стол для иконы весь в цветах. Нужно было видеть восторг солдат-строителей: как дети утешались они, глядя ... на изумление гостей при виде их «художества» [14, с. 155].

После окончания приготовлений проходило общее построение полка с регалиями и полковым знаменем. Если существовала угроза неожиданного нападения японцев в построении участвовало по 10 человек от нижних чинов каждой роты и несколько офицеров при максимальном приближении к передовым позициям [19, с. 32]. После построения следовало богослужение. В проповеди полкового священника как правило говорилось о необходимости оставаться порядочными и богобоязненными людьми. Так в одной из своих речей М.О. Серебрянский приводил в пример святого Феодосия, который принадлежал к военной семье, что «не помешало его спасению». Священник призывал «воинов отбросить ложный взгляд, будто на военной службе можно себе позволить много лишнего, греховного, чего никогда бы в гражданской жизни не сделал: Бог-де простит. Разве военная служба привольная, греховная? Нет и нет» [14, с. 160].

После молебна выносили подарки, которые специально выделялись к праздникам для полка военным начальством маньчжурских армий. Так описывает этот момент полковник Псковского полка М.В. Грулев: «Во время богослужения, когда весь полк стоял перед аналоем, появился вблизи

откуда-то небольшой обоз, с десятком голов скота ... это—подарки для нижних чинов и офицеров полка, присланные ко дню полкового праздника генерал-адъютантом Куропаткиным через своего адъютанта ... в эту минуту было в высшей степени своевременно, потому что при расположении на передовой нет возможности уделять внимание хозяйственным заботам, и ко дню праздника у офицеров даже не было сахара к чаю» [9, с. 337–339]. Кроме провизии в качестве подарков выступали нательные «образки» [5, л. 58]. Стоит иметь в виду, что приведенный пример был максимально приближенным к официальным положениям по проведению полковых праздников. Вот что мы узнаем из воспоминаний ординарца Ф.И. Шидуца: «... сегодня у нас праздновался полковой праздник. Собрались офицеры и по 10 человек нижних чинов от каждой роты полка. На площади поставили столик, пришел священник, отслужил обедню, благодарственный молебен о здоровых и панихиду... По окончании богослужения командир полка поздравил присутствовавших с полковым праздником и пожелал всего хорошего на многие лета и победы над врагами. Угощения никакого не было, потому что его негде было достать» [19, с. 32]. Зачастую положенные в праздники угощения хоть и поступали, но были скромны, иногда доставлялись позже назначенного срока [19, с. 35] или вообще отсутствовали. Тем не менее подарки были важным атрибутом праздника, так как кроме утилитарных функций несли и психологическую нагрузку. Они указывали на особую благосклонность к данному полку и свидетельствовали о том, что командиры помнят о нижних чинах, что благоприятно влияло на боевой дух солдат. Этой же цели служили и речи командующего состава.

После вручения подарков происходил торжественный обед. Столы для солдат всегда стояли отдельно от офицерских, отличался и рацион. В торжественный день продовольственные нормы для нижних чинов увеличивались, разрешалось употребление спиртных напитков. По возможности, на стол подавали белый хлеб, колбасу, яйца, а также фрукты – яблоки и груши [14, с. 155]. В период застолья нижние чины нередко танцевали и пели хором [14, с. 160], что свидетельствовало о достижении необходимой цели праздника – расслабления, отвлечения от общей угнетающей обстановки.

В разряд официально допустимого досуга рекреативного типа входили религиозные праздники. К ним, в первую очередь, относились Рождество Христово, Благовещение, Пасха, Воскресение Христово, а также торжества в честь святого Георгия и Николая Угодника. Несмотря на некоторые особенности проведения, общим для всех было построение, молебен, целование креста и проповеди со стороны полковых священников. Ординарец Ф.И. Шидуц так вспоминает о проведении религиозного праздника: «Прибыл полковой священник ... Стали в глубоком и широком овраге, за Высокой сопкой, и священник отслужил здесь обедню, после которой все присутствовавшие стали подходить к кресту. ... По окончании

богослужения начальство пошло в землянку батальонного командира подполковника Ф., где пробыли не больше часа, выпили и закусили там, а я зашел к фельдфебелям и тоже выпил и закусил с ними» [19, с. 49–50].

Наиболее важным религиозным праздником являлось Рождество Христово, поэтому приготовления к нему были особыми со стороны полковых священников: заготовка праздничной провизии, сосен, проведение всенощной службы и святой литургии. Нижние чины приводили в порядок территорию, украшали сосны разноцветной бумагой. После приготовлений проходили литургии и молебны, а затем торжественные мероприятия. По воспоминаниям участников в этот день японская сторона заранее предупредила русские передовые части о том, что она не планирует наступление и дала возможность отпраздновать день без каких-либо опасений: «Японцы прислали письмо, поздравляют с праздником и дают слово сегодня весь день не стрелять, если и мы сделаем то же. Кажется, обе стороны выполнили условие, и день прошел мирно» [14, с. 353]. В Рождество нижние чины отдыхали целый день. Интересная традиция существовала в праздник святого Георгия. В этот день на торжество в отдельный безопасный населенный пункт приглашались георгиевские кавалеры, где проводились церемониальные марши в присутствии обер-офицеров, полковников и генералов. Затем следовал обеденный прием с музыкой, песнями и театральными представлениями в наскоро построенных балаганах (временные легкие строения для выступлений) [19, с. 47]. Другие религиозные праздники также проходили в торжественно-религиозной обстановке, но с меньшими гуляниями, так как в эти дни опасались нападений со стороны Японии.

Существовал и неофициальный рекреационный досуг. В первую очередь к нему стоит отнести ночные собрания солдат после официального отбоя. Эти часы военнослужащие прежде всего проводили в беседах друг с другом. На таких собраниях можно было поделиться впечатлениями о происходящем, рассказать коллективу о своих проблемах. Кроме того, возможность обсуждать определенную информацию существовала только на таких неофициальных собраниях. Вот как вспоминает об этом Ф.И. Шидуц: «от встреченного мной одного георгиевского кавалера я узнал, что Порт-Артур взят японцами, но это хранилось в секрете, и не велено было никому говорить об этом, пока не получится подтверждение известия из России» [19, с. 47]. Зачастую в процессе общения нижние чины переходили к пению [4, л. 31], так как это было действенным средством отвлечься от суровой военной реальности. На таких вечерах солдаты пели песни, отличные от тех, что исполнялись на торжественных мероприятиях. Кроме веселых и грустных песен, прославлявших славные воинские победы русской армии («За горой Ляохэ загорались огни ...», о разведчике Василии Рябове «Не скажу я вам ни слова ...» и т. д.) [16, с. 69], исполнялись и протяжные, безнадежные, «арестантские» [8, с. 24].

Еще одной формой досуга наряду с пением являлись танцы. Этот вид времяпрепровождения не был внесен в официальную часть досуга, поэтому нами отнесен к неофициальной. Выражение своих чувств через танец было широко распространено в армейской среде. Так, во время остановок поездов на станциях солдаты, стесненные условиями ежедневной дороги и крайней скученности в товарных вагонах, зачастую предпочитали бездеятельному отдыху танцы. В мемуарной литературе не мало описаний подобного отдыха, которое оказывало благотворное влияние не только на исполняющего, но и на окружающих. Нередко исполнение танцев принимало вид соревнования: кто-то начинал плясать, его окружали, чтобы оценить выступление, и кто-нибудь составлял исполнителю компанию: «... иногда, – нечаянно, сама собою, – вдруг на каком-нибудь полустанке вспыхивала бешеная пляска. Помост трещал под каблуками, сильные тела изгибались, приседали, подпрыгивали, как мячики, и в выжженную солнцем степь неслись безумно-веселые уханья и присвисты» [8, с. 13]. Иногда это обретало форму некоего представления под аккомпанемент музыкальных инструментов [9, с. 132–133]. Полковые оркестры старались подхватить случайное резкое повышение настроения и играли торжественную музыку [5, л. 27]. В начале войны особенно яркие и живые выражения чувств наблюдались у солдат при новости о том, что им доведется увидеть любимого командира: «Я сказал одному солдату, что ... едет командир корпуса ... [он] сейчас же побежал к кучке солдатиков ... картина несколько переменилась, заиграла гармоника плясовую и двое молодцов хватили трепака ...» [4, л.1]. Танцы высоко ценились офицерами, так как это открытое выражение положительных эмоций быстро увеличивало успех проведения праздника, а значит поднимало боевой дух солдат [15, с. 1]. Поэтому офицеры на официальных праздниках буквально заставляли солдат танцевать и петь, если они этого не делали [19, с. 96].

Еще одной формой неофициального досуга были азартные игры. На официальном уровне азартные игры в армии были запрещены, также, как и продажа игральных карт для нижних чинов [1, л. 70–71]. Стоит отметить, что проведение азартных игр было широко распространено в офицерской среде маньчжурских армий [17, с. 148]. Увлеченность процессом игры была настолько велика, что отвлекала людей от реально происходивших событий. Полковник М.В. Грулев в своих воспоминаниях так описывает момент получения известия о начале войны с Японией: «... Ваше—ство, война уже началась - Японцы взорвали уже наш флот под Артуром. ... Нельзя сказать, чтобы это сногшибательное известие, при всей своей неожиданности, произвело бы достождный эффект, на который имело право: в карточной комнате, после минутной паузы, опять вспыхнули споры о бубнах и пиках...» [9, с. 98–99]. Вслед за офицерами, нижние чины также прибегали к проведению азартных игр [11, с. 133–134]. Подобная форма досуга была весьма популярна, многие играли целыми ночами: «Ночь прошла весело: играли в карты, и я выиграл 38 рублей» [19, с. 59]. Наиболее популярными

играми были штос, макао и т. п. игры [9, с. 332–333], так как их правила были просты и рассчитаны на большое количество людей. Ставкой в играх обычно выступали деньги. Помимо карт играли в домино и кости [19, с. 102]. Такое времяпрепровождение отрицательно сказывалось на сплоченности армейского коллектива, его моральных нормах и соблюдении режима.

Зачастую проведение азартных игр сопровождалось кутежом. Под этим термином следует понимать разгульное времяпрепровождение в компании неопределенного количества лиц, сопровождающееся употреблением алкоголя. Потребление спиртосодержащих напитков для солдат допускалось только в праздничные дни или в случае нестандартных ситуаций с разрешения начальства. Данное правило постоянно нарушалось по различным причинам [12, с. 82–83]. Алкоголь использовался как согревающее средство в период сильных морозов и длительных переходов, от чего некоторые пьянели и замерзали в стужу: «... только что переехали на лошадях знаменитое Байкальское озеро. Чуть не замерзли! Спасение в водке ... продают на середине Байкала в импровизированной хижине. Как мерзнут солдатики. (...) люди замерзшие подбираются и в Тонкое (станция на сей стороне Байкала) имеется уже кладбище с жертвами Байкальских морозов» [6, л. 71]. Однако главной причиной употребления алкоголя выступало желание абстрагироваться от реальности. Несмотря на высокую цену нижние чины покупали алкогольные напитки в складчину. Данная ситуация способствовала широкому распространению нелегального оборота алкогольной продукции. Поставщиками выступали как русские купцы, так и местные китайские лавочники [1, л. 40–54]. Торговля шла через ряды унтер-офицеров, которые перекупали дешевый китайский ханшин или нелегальный коньяк и продавали солдатам [1, л. 55–56]. Как отмечает С.С. Шерстнев, частота кутежей имела регулярность на порядок ниже офицерских [18, с. 247], что было обусловлено низким жалованием рядовых военнослужащих [19, с. 60,65,68]. Тем не менее пьянство в среде нижних чинов все равно имело широкое распространение. На это указывает тот факт, что специальное жандармское отделение, располагавшееся в Маньчжурии, имело одной из своих целей борьбу с употреблением алкоголя [1, л. 1]. Командование принимало меры для борьбы с пьянством. Так, нижним чинам было запрещено продавать и вносить в буфеты любой алкоголь [2, л. 46; 3, л. 52]. Суды маньчжурских армий оставили целый пласт судебных решений по преступлениям, совершенным в состоянии алкогольного опьянения [7, л. 4–7, 23, 11–121, 164, 165].

Таким образом, проведение свободного времени военнослужащих нижних чинов имело широкое разнообразие в рамках военного быта. На официальном уровне рекреативным видом досуга выступали полковые и религиозные праздники, а также торжества, связанные с императорской фамилией. В эти дни военнослужащим как правило выдавали дополнительный провиант и подарки. Праздники всегда связывались с

религиозной тематикой, что по мнению военного руководства должно было создавать разряжающую обстановку, придавать идеологическую обоснованность и повышать моральные качества солдат. В целом подобный, разрешенный вид времяпрепровождения ограничивался представленными группами, что не отвечало потребностям солдата. Следствием сложившейся ситуации стало широкое распространение неофициальных видов рекреативного досуга. К данной группе следует отнести исполнение песен и танцев, выведенные в эту подгруппу по причине различного репертуара песенников. Неофициальным досугом являлось проведение азартных игр и кутежи, сопровождавшиеся употреблением алкоголя. Данный вид времяпрепровождения негативно сказывалось на моральном духе солдат, вел к нарушению субординации, дисциплины и совершению преступлений.

Источники и литература

1. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 1182. Оп. 1. Д. 11.
2. ГАРФ. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 13.
3. ГАРФ. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 14.
4. Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 752. Оп. 1. Д. 689.
5. РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 99.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 279. Оп. 2. Д. 203.
7. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 15121. Оп. 1. Д. 4.
8. Вересаев В.В. На японской войне // Собрание сочинений в 5-ти т. Т.3. – М.: Правда, 1961. – 494 с.
9. Грулев М.В. В штабах и на полях Дальнего Востока: воспоминания офицера Генерального Штаба и командира полка о Русско-японской войне. – СПб.: Труд, 1908. – 368 с.
10. Жукова Л.В. Праздники на фронте (по материалам Русско-японской войны) // Историческая психология и социология истории. – 2015. – №1. – С. 52–74.
11. Нодо Л. Письма о войне с Японией. – СПб.: тип. инженера Г.А. Бернштейна, 1906. – 328 с.
12. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. – 383 с.
13. Соваж С. Российская императорская армия. – СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1894. – 56 с.
14. Серебрянский М.О. Дневник полкового священника, служащего на Дальнем Востоке. – М.: Отчий дом, 1996. – 352 с.

15. Телеграммы: Хабаровск // Байкал. – 1904. – №11. – С. 1–7.
16. Фетисова Л.Е. Русско-японская война 1904-1905 гг. в песенном фольклоре Дальнего Востока // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2015. – №2 (46). – С. 68–72.
17. Чернов Л.А. Повседневная жизнь офицерского корпуса русской армии в Маньчжурии в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг.: дисс. канд. ист. наук: 07.00.02. – Иваново, 2014. – 223 с.
18. Шерстнев С.С. Официальные и личностные оценки состояния морального духа действующей армии в годы Русско-японской войны // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2009, т. 11. – №6. – С. 244–248.
19. Шикунц Ф.И. Дневник солдата в Русско-японскую войну: в 2-х ч. – М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2003. – 232 с.

М. В. Вольский,
*подполковник внутренней службы,
начальник отделения по работе с личным составом
ФКОУ ВО «Воронежский институт
Федеральной службы исполнения наказаний России»*

УЧАСТИЕ ОТДЕЛЬНЫХ КОНВОЙНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ НКВД СССР В ОБОРОНЕ г. ВОРОНЕЖА В ИЮЛЕ 1942 г.

В связи празднованием 75-летия разгрома немецко-фашистских войск под Воронежем особый интерес представляет вопрос изучения судеб командиров и бойцов воинских частей и подразделений, героически защищавших город в годы Великой Отечественной войны. В частности, речь идет о 233-м полке конвойных войск (далее – КВ) НКВД СССР, участвовавшем в боях за Воронеж летом 1942 г.

Боевой путь указанного подразделения начался с г. Львов, где полк нес службу еще до войны по охране следственных изоляторов и тюрем.

В Российском государственном военном архиве обнаружены уникальные документы по истории данного подразделения. По сути, это новые героические страницы военной истории нашего Отечества, ведь о роли подразделений НКВД в боях на фронтах Великой Отечественной известно далеко не все.

Интересен тот факт, что 233-й полк КВ НКВД СССР начал формироваться с 24 ноября 1939 г. на основании приказа НКВД СССР № 2258 с подчинением его командиру 13 дивизии (с 12 марта 1942 г. командиру 35 дивизии конвойных войск НКВД СССР) с дислокацией в г. Львове. 31 декабря 1939 г. полк закончил свое формирование [2, л. 4].

Основой формирования полка явились подразделения частей конвойных войск НКВД СССР: 230-го, 231-го и 227-го полков; 135-го и 137-го отдельных батальонов НКВД.

В период с 5 по 17 декабря 1939 г. полком были приняты под охрану тюрьмы в гг. Львове, Перемышле, Тернополе, Луцке, Вл. Волынске, Ровно [2, л. 5].

26 февраля 1941 г. на доукомплектование полка прибыл личный состав бывшего 130-го отдельного батальона конвойных войск (приказ по полку № 57а от 26.02.1941) [2, л. 5].

В период с 1939 по 1951 гг. полк выполнял задачи по охране тыла Воронежского фронта, охране тюрем, пунктов военнопленных, спецгоспиталей и конвоированию заключенных.

В июле 1942 г. 233-ий полк КВ НКВД СССР принимал участие в обороне Воронежа [2, л.6].

Он, по сути, входил в состав действующей Красной Армии с 26 июня 1941 г. по 15 августа 1944 г.

Командирами 233-го полка конвойных войск НКВД СССР были:

1. майор ЦЕГИЧКО Григорий Яковлевич – с 24 ноября 1939 г. по 13 мая 1941 г.;
2. подполковник ДЮЛЬДИН Александр Матвеевич – с 14 мая 1941 г. по 21 июня 1943 г.;
3. майор КРАСНОВ Аркадий Яковлевич – с 22 июня 1943 г. по 14 июня 1944 г.;
4. майор ГЕОРГИЕВСКИЙ Евгений Федорович – с 15 июня 1944 г. по 18 августа 1944 г.;
5. майор АРХАРОВ Виктор Яковлевич – с 19 августа 1944 г. по 29 июля 1947 г.;
6. подполковник БЫШУК Илья Иович – с 30 июля 1947 г. по 20 июля 1951 г. [1, л.6].

При изучении материалов военного архива лишь небольшого периода – июль 1942 г. – ясно видно, что обстановка в районе города Воронежа в тот период складывалась драматично. Гитлеровцы предпринимали ряд попыток овладеть Воронежем, как стратегическим пунктом.

Генерал-лейтенант Голиков, прибывший в Воронеж лично по приказу И.В. Сталина, на совещании командиров рассказал о плачевной ситуации на фронте, о прорыве фашистских войск, об отступающих частях 13, 40 и 21-й армий и о будущих раздумьях относительно обороны Воронежа. Помощи было ждать не откуда. Поэтому Воронеж должен сам найти возможности для обороны. Именно так стоял вопрос перед командованием.

Почти все командиры дислоцировавшихся здесь подразделений уже имели приказы своих прямых начальников о выводе частей за пределы Воронежа для выполнения задач в прифронтовой зоне. Однако командир 233-го полка КВ НКВД СССР подполковник А. М. Дюльдин решил защищать город. Главное было задержать противника, выиграть время для подтягивания резервов.

Таким было мнение и других командиров. В соответствии с планом штаба на северо-западной окраине Воронежа, от Задонского шоссе до

улицы 9-го Января, окапывались подразделения 233-го полка подполковника А. М. Дюльдина (военком – батальонный комиссар Г. П. Мазур, начальник штаба – майор М. О. Урбан). На правом фланге полка, с задачей прикрыть улицу Плехановскую с севера, расположилась рота ополченцев.

Доблестный полк организовал огневые точки, готовый стоять до последнего. С учетом местности создавались искусственные преграды для продвижения бронетехники противника. Особенно удобными для ведения огня считались ряд зданий на ул. Плехановской, ул. Весенней, ул. Клинической, ул. Правосудия, ул. 9-го Января.

Создать сплошную линию обороны на окраинах правобережной части Воронежа не удалось. Опасных направлений было больше чем подразделений. Между полками, батальонами и даже ротами имелись большие разрывы. Прикрыть промежутки, создать какие-либо резервы не было возможности. Оборона носила очаговый характер.

4 июля 1942 г. на основании указания начальника Управления конвойных войск НКВД генерал-майора Кривенко, перед начальником Воронежского областного УНКВД СССР майором госбезопасности тов. Голубевым, был поставлен вопрос об использовании 233-го полка для конвоирования заключенных, на что был получен ответ, что «согласно приказа Ставки Верховного Командования все части Воронежского гарнизона, в том числе части НКВД, переходят в подчинение командующего Брянским фронтом и остаются для обороны города Воронежа» [1, л. 30].

Становится ясно, что нашим командованием собираются все подразделения, бывшие в тот момент в городе, для оказания отпора врагу. И в их числе были бойцы 233-го полка.

Из доклада командира полка подполковника А. М. Дюльдина о боевых действиях 233-го полка конвойных войск НКВД при обороне г. Воронежа с 3 по 31 июля 1942 г. видно, что на основании приказа начальника Воронежского боевого участка – начальника гарнизона полковника тов. Глатоленкова, 233-й полк занял непосредственную оборону Воронежа на участке от северной части города до его центра (район Воронежского сельскохозяйственного института – завод Коминтерна – Чернавский мост), с задачей оборонять северо-западную окраину города Воронежа.

Учитывая обстановку, сложившуюся на курском направлении, был составлен план обороны данного участка. В гарнизоне Воронежа полевых войск не было. Здесь находился штаб 232-й стрелковой дивизии, только что приступившей к занятию обороны почти на 80-километровом фронте по левому берегу Дона – от Горожанки до впадения реки Воронеж в Дон. Это была свежая стрелковая дивизия. Многие ее бойцы, юноши 18-19 лет, не имели боевого опыта.

Интересен тот факт, что 233-й полк оказался по сути одним из немногих боеспособных соединений на тот период времени, которые оказались на пути гитлеровцев к Воронежу. Правда оборонять город было особенно не чем. У бойцов в руках были лишь «трехлинейки».

В связи же с тем, что полк не был полностью вооружен, были предприняты меры по его довооружению.

С трудом к вечеру 7 июля 1942 г. было получено 199 винтовок, 2 миномета, 8 автоматов ППШ и дополнительное количество ручных гранат [1, л. 30]. И все это вооружение – против немецких танков!

Командный пункт полка занимал здание Воронежского мединститута, находившееся в непосредственной близости от линии фронта.

При этом несмотря на сложившуюся обстановку бойцы полка продолжали параллельно выполнять основные свои функции по конвоированию спецконтингента.

Так, например, 1-й стрелковый батальон 233-го конвойного полка был направлен в ночь на 5 июля 1942 г. для конвоирования в глубь страны заключенных. Но одновременно участок обороны города Воронежа для бойцов подразделения остался прежним, просто его занял 2-ой стрелковый батальон этого же полка, располагаясь на широком фронте между отдельными узлами сопротивления и имея средства усиления – 7 станковых пулеметов и 4 ротных миномета (так называемая – пулеметная рота) [1, л. 30].

5 июля 1942 г. в связи с ранением начальника воронежского гарнизона полковника Глатоленкова распоряжением командующего Брянского фронта генерал-лейтенанта Голикова командир 233-го полка КВ НКВД СССР подполковник Дюльдин был назначен исполняющим должность начальника боевого участка и начальником гарнизона. В 21.00 он передал командование полком своему заместителю майору Якубенко и ушел на КП боевого участка.

6 июля 1942 г. обстановка складывалась еще более драматично. Противник накануне своими танковыми подразделениями и пехотой форсировал реку Дон у села Малышево и прорвав оборону стоявшей здесь 232-ой стрелковой дивизии, вышел на юго-западную окраину Воронежа (отм. 173,3) [1, л. 31].

К вечеру 6 июля 1942 года танки противника с автоматчиками прорвались в центр города вдоль набережной реки, которая разделяет Воронеж на правобережную и левобережную части, и заняли его южную часть.

Подлинный героизм проявляли бойцы 233-го полка конвойных войск НКВД СССР в обороне Воронежа. Прорвавшиеся к центру города фашисты напорлись на стойкие позиции бойцов данного подразделения.

На северной окраине ул. Плехановской рота лейтенанта Н. Ларина в одном из дворов окружила большую группу автоматчиков и полностью

истребила ее. Также успешно рота истребляла фашистов на рубеже водосточного канала Песчаный Лог.

Сложно представить себе, что полк, не имея практически вооружения, справлялся с танками противника.

Длительное время удерживала оборону двухэтажного дома в районе Березовой рощи города группа сержанта М. Назарова, красноармейцев С. Лебедева и А. Ситникова. Немцы применяли против бойцов орудия, пулеметы, гранаты и были сильно удивлены стойкостью и героизмом оборонявших дом советских солдат. Группа Назарова держалась до тех пор, пока не израсходовала последние патроны и гранаты. Впоследствии дом, который они удерживали, назвали «крепостью Назарова».

Неподалеку от «крепости Назарова» отважно действовал расчет ручного пулемета, в состав которого входил комсомолец Г. Фаттахов. Пулеметчики все время меняли позиции, умело маскируясь в развалинах подпускали фашистов на близкое расстояние и били по ним в упор. Когда погиб первый номер, Фаттахов продолжал бой один. Гитлеровцы долго гонялись за «неуловимым» пулеметчиком, но каждый раз окружали те места, которые он уже успел покинуть [1, л. 32].

Для гитлеровцев важным было захватить Чернавский мост через реку Воронеж, обеспечив переправу своих подразделений. Но и здесь они встретили яростное сопротивление бойцов взвода 233-го полка НКВД под командованием младшего лейтенанта Алексея Арефьева, которые открыли ответный огонь, не допуская противника к мосту.

Затем отбив атаки врага уже 7 июля 1942 г. взвод Алексея Арефьева был направлен на северную окраину города для ведения разведки. Группа успешно внедрилась в стан врага и завладела важными документами.

Во время боя у Петровского сквера Воронежа взвод младшего лейтенанта А. С. Арефьева оказался отрезанным от основных сил 233-го полка. По крутому спуску улицы Степана Разина подразделение отступило к Манежной площади. Маневрируя от одного здания к другому, взвод снова и снова успешно отражал нападения. Дольше всего удалось продержаться в трехэтажном доме. Не сумев сломить сопротивления наших бойцов, противник прикатил противотанковую пушку и открыл огонь с близкого расстояния.

В ответ раздавались выстрелы, полетели гранаты. Здание загорелось, преграждая пути к отходу и, казалось, взвод Арефьева попал в западню, но тут умную мысль подсказал юный воронежец Слава Алексеев. Мальчик показал командиру водосточную трубу, по которой взвод успешно ускользнул от преследователей. Непобежденный взвод А. Арефьева занял позиции у Чернавского моста и боролся до последнего, держался в развалинах моста до позднего вечера под непрерывным обстрелом...

Возвратились 13 июля в полк только командир отделения мл. сержант Раздрокин и сын полка Слава Алексеев, которые переправились

через линию фронта в район боев полка, рассказали о героической смерти своих товарищей...

233-й полк, который вел бой, будучи по сути уже «прижатым» к реке, днем 7 июля 1942 г. занял оборону и в районе узловой воронежской станции Отрожка с задачей не допустить переправы противника через реку Воронеж.

Части 232-й стрелковой дивизии, продолжали обход города Воронежа с севера – запада и сосредотачивались севернее станции Отрожка на восточном берегу реки Воронеж.

Интересен тот факт, что практически в это же время за город Воронеж вели бои еще ряд подразделений: 125-й полк НКВД оборонял воронежские железнодорожные мосты и станцию Отрожка, 41-й полк НКВД оборонял воронежскую станцию Придача, а в самом городе Воронеже вел уличные бои 287-й полк конвойных войск НКВД [1, л. 32].

8 июля 1942 года 233-й полк КВ НКВД СССР продолжил оборону в районе станции Отрожки и получил приказ, сосредоточившись на западном берегу реки Воронеж, атаковать противника в районе Сельскохозяйственного института, очистить данный район и выйти на северную окраину города Воронежа. Полку придавалось четыре орудия, пулеметное подразделение, а также девятнадцать танков 174-й танковой бригады.

«В 3.00 9 июля 1942 г., по сигналу, 233-й полк НКВД начал атаку при поддержке четырех орудий противозенитной обороны, но не был поддержан атакой танков, так как последние опоздали и прибыли только к 8:00, при этом не принимали участие в атаке полка, не смотря на неоднократные заявки командования полка, полк вынужден был сам без их поддержки вести бой.

Развернув две роты полк стремительно пошел в атаку, сбил огневые передовые точки противника, расположенные в роще и в овраге.

Не смотря на сильный пулеметный и минометный огонь противника бойцы и командиры полка смело продвигались вперед, поддерживаемые пулеметами и минометами пулеметной роты и к 18.00 заняли окраину СХИ и Кирпичный завод. «В 18.00 9 июля 1942 года противник, воспользовавшись открытым флангом полка (справа наших частей не было) просочился группами в лес восточнее сельхозинститута и поставил полк под угрозу окружения. Своевременно обнаружив эту угрозу, командование полка поставило задачу 6-й роте (командир роты лейтенант Нехорошко) выбить противника из леса. 6-я рота успешно выполнила боевую задачу выбив противника» [1, л. 33].

Из этих скурых архивных строк боевых донесений полка видно, что бойцы и командиры 233-го конвойного полка НКВД в боях за город Воронеж проявляли истинные образцы стойкости и героизма. Хотя не секрет, что сегодня ряд «авторов» и так называемых СМИ, стремятся сознательно очернить роль и место подразделений НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны. Находятся среди «писателей» наших дней и

те, кто видит в подразделениях народного комиссариата внутренних дел, участвовавших в боях, лишь «заградотряды» и «штрафбаты».

Поэтому необходимо продолжать научно-поисковую работу во имя исторической памяти. Ведь целью данных исследований является, в том числе, и воспитание молодежи в духе патриотизма на исторических примерах мужества, стойкости и героизма.

Источники и литература

1. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 38095. Ед. хр. 3а.
2. РГВА. Ф. 39026. Оп. 17с. Д. 38.

Е. А. Головин,

кандидат исторических наук

Р. С. Воронцов,

аспирант кафедры конституционного права

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

ПРОДУКЦИЯ, НЕОБХОДИМАЯ ФРОНТУ (ИЗ ОПЫТА ВОССТАНОВЛЕНИЯ СПИРТОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ В 1943 ГОДУ)

Одним из самых тяжелых испытаний для нашей страны в XX веке стала Великая Отечественная война, которая наложила свой отпечаток на деятельность не только народного хозяйства в целом, но и на функционирование его отдельных отраслей. Так, в экономическом развитии Курской области длительное время ведущую роль играло пищевое производство. Например, до начала войны на территории региона действовало 23 спиртовых завода. Из них 20 предприятий (с суточной мощностью 14175 дкл.) работали на картофельно-зерновом сырье, а 3 завода (с суточной мощностью – 9950 дкл.) – на паточном сырье. Спиртовыми заводами области в 1940 г. было выработано 4724 тыс. дкл. спирта-сырца [1, л. 33].

Помимо спиртовых заводов в Курской области работало 3 ликеро-водочных завода, находившихся в Курске, Льгове и Валуйках. До Великой Отечественной войны Курский ликеро-водочный завод имел суточную производственную мощность в размере 3500 дкл. ликеро-водочных изделий. У Льговского и Валуйского заводов довоенная производственная мощность равнялась 1000 дкл. ликеро-водочных изделий в сутки [1, л. 33].

Характеризуя деятельность Курского ликеро-водочного завода в военное время, необходимо отметить следующее. В период с 22 по 30 октября 1941 г. завод временно перестал существовать как ликеро-

водочный, но продолжил функционировать как предприятие, вырабатывающее вооружение для Красной Армии – противотанковую горючую смесь. С 30 октября 1941 г. Курский ликеро-водочный завод был объявлен временно закрытым (в соответствии с приказом директора завода П. Миронова № 209 от 30.10.1941 г.) [2, л. 2].

После освобождения Курской области от немецко-фашистских захватчиков спиртовая и ликеро-водочная промышленность региона оказалась в критическом состоянии, и ни одно предприятие отрасли без капитального восстановления не могло возобновить производство выпускаемой ранее продукции. Разрушения характеризуются ущербом, составившим по спиртовым заводам 45386 тыс. руб. и по ликеро-водочным заводам – 13557 тыс. руб. [1, л. 33].

Восстановление предприятий пищевой индустрии Курской области началось сразу после освобождения региона в 1943 г. В числе активно возрождаемых необходимо упомянуть предприятия спиртовой и ликеро-водочной промышленности. В соответствии с постановлением СНК СССР от 19.05.1943 г. Курский Спиртотрест был обязан восстановить к 1 ноября 1943 г. Мелавский и Бекетовский спиртовые заводы, а к 15 августа 1943 г. – цех розлива водки Курского ликеро-водочного завода [1, л. 8, 19].

Важным фактором, определявшим необходимость принятия первоочередных мер по восстановлению отрасли, являлось то обстоятельство, что сырьевая база для спиртовых заводов региона была сформирована еще в предвоенный период и находилась, как правило, вблизи предприятий. Именно этим и обуславливалось требование руководства страны скорейшего восстановления спиртовой и ликеро-водочной промышленности Курской области.

Благодаря героическому труду людей, не жалея сил, работавших на восстановлении производства, а также широкому развитию соцсоревнования между предприятиями и отдельными бригадами рабочих [3, с. 126, 142–143], планируемые к восстановлению спиртовые заводы были подготовлены к работе досрочно: Бекетовский – к 20 октября, Мелавский – к 15 сентября 1943 г. Цех розлива водки на Курском ликеро-водочном заводе был готов к работе для фасовки продукции в укрупненную тару только к 25 октября 1943 г. Нарушение сроков запуска конвейерных линий на данном предприятии произошло по причине несвоевременного освобождения от горючего цистерн для спирта фронтальной базой снабжения [1, л. 8, 18].

Необходимо отметить, что близость фронта, отрицательно сказывавшаяся на восстановлении предприятий, не помешала досрочно запустить спиртовые заводы. Так, летом 1943 г. вражеские бомбежки нанесли разрушения восстанавливаемому Бекетовскому спиртзаводу: были полностью разрушены зерносклад и спиртовая цистерна [1, л. 7]. Но даже, несмотря на это, данное предприятие было восстановлено раньше установленного срока.

За короткий срок восстановления Бекетовского, Мелавского спиртзаводов и цеха розлива Курского ликеро-водочного завода на этих предприятиях была проделана колоссальная работа. Например, на Бекетовском спиртовом заводе была заново сооружена крыша над всеми отделениями производственного корпуса, смонтирована дымовая труба. Помимо этого, было изыскано, восстановлено и установлено для эксплуатации такое оборудование как главная пармашина, солододробилка, заторный чан, брагоперегонный аппарат, зерновой и картофельный элеваторы, картофелемойка и многое другое. Для технологически правильного расположения оборудования на этом предприятии было произведено частичное расширение производственного корпуса. Также за летний период 1943 г. для этого спиртзавода было подготовлено 5 зерноскладов общей площадью более 2200 м². Помимо этого, на Бекетовском спиртовом заводе был произведен неотложный ремонт жилищного фонда, культурно-бытовых, подсобных и административно-хозяйственных зданий для возможности их эксплуатации [1, л. 2об.].

В период восстановления Мелавского спиртзавода был проведен восстановительный ремонт оборудования, а также имела место полная перепланировка цехов предприятия с пополнением отсутствовавшего оборудования. На данном заводе была восстановлена и покрашена крыша производственного корпуса и было подготовлено 4 зерносклада общей площадью 1250 м². Здесь же был проведен неотложный ремонт жилищного фонда, культурно-бытовых и подсобных помещений [1, л. 3].

Серьезные восстановительные работы были произведены на Курском ликеро-водочном заводе. Цех розлива водки был оборудован на территории бывшей Курской госмельницы № 19 в Рышково. Для своевременного технологического запуска цеха в короткие сроки удалось освоить значительный объем ремонтно-строительных работ, смонтировать все необходимое оборудование и провести коммуникации. В течение лета-осени 1943 г. была восстановлена кровля над всем зданием, а также проведены капитальные работы по укреплению деформированной стены.

Рабочими была произведена очистка старой заброшенной артезианской скважины с установкой новых труб и насоса, а также обустроено крытое помещение над скважиной. В короткие сроки, в прифронтных условиях, на предприятие было привезено и установлено значительное количество оборудования: водонапорный бак, два сортировочных бака, четыре конических мерника, локомотив и многое другое. Кроме того, для запуска цеха розлива водки были произведены работы по устройству и прокладке водопровода (от скважины к цеху) и канализационной сети. Были смонтированы центробежные насосы для приемки спирта с железной дороги и подачи его в спиртовое хранилище.

Для энергоснабжения предприятия была восстановлена линия электропередачи высокого напряжения (протяженностью 2,8 км), установлен трансформатор мощностью 50 кВт, и смонтировано освещение

по цеху. С целью обеспечения сохранности оборудования, сырья и готовой продукции было произведено ограждение заводской территории забором из колючей проволоки общей протяженностью 1,5 км. Для рабочих оборудовали баню, столовую, временную ремонтную мастерскую с необходимым инструментом и общежитие на 7 семейных квартир [1, л. 3–3об].

Во второй половине 1943 г. в дополнение к заданию Правительства были развернуты работы по восстановлению спиртзавода им. Калинина, а также Песчанского, Макаровского и Весело-Лопанского. По состоянию на 1 декабря 1943 г. из этих четырех спиртовых заводов только Весело-Лопанский был полностью готов к пуску. По спиртзаводу заводу им. Калинина к декабрю 1943 г. работы были выполнены только на 50 %, по Макаровскому – на 70%, по Песчанскому – на 65% [1, л. 2].

Исследование архивных материалов о восстановлении Макаровского спиртового завода, приводит к выводу о том, что во время немецко-фашистской оккупации как сам корпус завода, так и его технологическое оборудование подверглись сильному разрушению. На этапе восстановления этого предприятия проблем с обеспечением аппаратурой и оборудованием завода было гораздо больше, чем с организацией строительных работ. Это обусловлено тем, что всё металлическое оборудование было вывезено с завода оккупантами, а оставшееся оказалось в непригодном состоянии [1, л. 12]. Но, несмотря на возникшие затруднения, к декабрю 1943 г. на этом спиртовом заводе была восстановлена крыша над производственным корпусом и над солодовней, предприятие было укомплектовано главной паровой машиной и оборудовано брагоперегонным аппаратом. Специалисты предприятия отремонтировали солододробилку, зерновой и картофельный элеваторы, водяные и питательные насосы и некоторое другое оборудование [1, л. 4].

На Песчанском спиртовом заводе к декабрю 1943 г. рабочие восстановили паровой котел; сварили и установили 6 бродильных чанов; отремонтировали главную паровую машину; отремонтировали и установили насосы и солододробилку. Кроме того, на предприятии заново была сооружена и покрашена крыша над производственным корпусом, а также было выполнено переустройство бродильного отделения, оборудованы уборные и душевые комнаты [1, л. 3об.].

На спиртовом заводе им. Калинина перед наступлением немецко-фашистских захватчиков основное оборудование и инструменты были эвакуированы на восток страны, а котлы ТЭЦ приведены в непригодное для эксплуатации состояние. При отступлении оккупанты подорвали здание электростанции и некоторые другие помещения завода. По состоянию на 1 декабря 1943 г. восстановление производственного корпуса спиртзавода им. Калинина заключалось в ремонте крыши, обустройстве 75 % лестниц и перегородок. Взорванная стена и несущий железобетонный каркас были восстановлены на 30 %, электростанция – на 35 % [1, л. 4].

Особо примечателен тот факт, что восстановление спиртовых предприятий происходило не за счет реэвакуации, а путем использования местных ресурсов и оставшегося в области оборудования, подлежащего восстановлению и ремонту [1, л. 18–19].

21 ноября 1943 г. Курским обкомом ВКП(б) и Исполкомом областного совета депутатов трудящихся за самоотверженный труд по восстановлению спиртовых предприятий были награждены 27 работников отрасли. Так, почетные грамоты стахановцев военного времени за восстановление спиртзавода им. Калинина получили И.С. Припутнев, А.Н. Захлебная, С.С. Солодов; Бекетовского спиртзавода – 5 человек: А.Д. Лапшин, Н.А. Дудко, Г.В. Щеклин, М.В. Зеленкевич, И.В. Жиленков; Мелавского – Г.М. Еремин, Г.Ф. Золотарев, П.А. Понарьев, С.Е. Шумов, К.И. Трефилов, М.В. Суслов, А.А. Шевченко, Макаровского – И.М. Чучеров, Т.И. Нестеренко, А.Ф. Киреева, Г.И. Найденко, Песчанского – К.И. Гапонов, К.А. Черников, Д.Ф. Шопин, Н.А. Лазебный; Весело-Лопанского – И.Ф. Аксенов, С.И. Стельмах, Я.Е. Поддубный. Кроме того, почетной грамотой наградили инженера-строителя Курского спиртотреста Л.А. Шугаева, активно участвовавшего в восстановлении предприятий [1, л. 10–11].

В рассматриваемый период изделия спиртовых и ликеро-водочных заводов были, в первую очередь, необходимы для удовлетворения потребностей в продовольственном обеспечении войсковых частей и фронтовой медицины – в антисептических средствах, поэтому восстановление предприятий выпускающих такую продукцию, являлось важной стратегической задачей. В целом, благодаря эффективной реализации комплекса организационных мероприятий, а также добросовестному труду, самопожертвованию и целеустремленности задействованных на восстановительных работах сотрудников удалось в кратчайшие сроки возобновить производство на предприятиях спиртовой и ликеро-водочной промышленности Курской области.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 4436. Оп. 3. Д. 9.
2. ГАКО. Ф. 4436. Оп. 3. Д. 10.
3. «ВРЕМЯ ВЫБРАЛО НАС...» Вклад молодых курян в Великую победу (1941-1945 гг.) / В.В. Коровин, А.Н. Манжосов, Е.А. Головин [и др.]. – Курск: ЗАО «Университетская книга», 2018. – 300 с.

С. Л. Гуринов,
кандидат исторических наук, доцент
ФГОУ ВО «Воронежский государственный аграрный университет
им. императора Петра I»

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫЕ ДАННЫЕ ОБ АДМИРАЛЕ ХЭЙХАТИРО ТОГО НАКАНУНЕ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904–1905 гг.

Одной из самых трагических вех российской истории в начале XX в. стала Русско-японская война 1904–1905 гг. Морское министерство России знало об ее приближении. Поэтому накануне боевых действий военно-морской агент в Японии, капитан 2-го ранга А.И. Русин, выполнявший фактически функции военного разведчика, предоставил сведения о наиболее видных японских флотоводцах, в том числе и о будущем триумфаторе данной войны, разгромившем Российский Императорский флот в Цусимском сражении, адмирале Хэйхатирос Того. Данные сведения находятся в материалах фонда Наместника Его Императорского Величества на Дальнем Востоке, вице-адмирала Е.И. Алексева в Российском Государственном архиве Военно-Морского Флота (РГА ВМФ).

Надо сказать, что А.И. Русин был известным русским военно-морским специалистом, сделавшим впоследствии блестящую карьеру. В 1908–1909 гг. он возглавлял Николаевскую морскую академию и Морской кадетский корпус [2, с. 538]. Всю Первую мировую войну вице-адмирал А.И. Русин руководил Морским Генеральным Штабом и был уволен в 1917 г. большевиками за монархические взгляды. Затем эмигрировал во Францию, жил в Марокко, активно участвовал в антибольшевистских общественных организациях [2, с. 539].

Военно-морской агент в Японии, капитан 2-го ранга А.И. Русин сообщал, что адмирал Хэйхатирос Того родился в 1847 г., получил 16 февраля 1895 г. чин контр-адмирала, а 14 мая 1895 г. был произведен в вице-адмиралы. Среди занимаемых высших должностей:

1. Главный командир порта Майдзуру;
2. Главный командир порта и верфи в Сасебо;
3. Начальник постоянной эскадры [5, р. 61].

Происходил будущий великий японский флотоводец из провинции Кагосима, город Сацума. В 13 лет он сменил свое имя Накагоро на известное всему миру Хэйхатирос. Когда в 1867 г. правители Сацумы создали собственный флот, Хэйхатирос Того отправился служить на него вместе с двумя родными братьями. На боевом корабле этого флота «Касуга» он принимал участие в 1867 г. в японской гражданской войне, положившей конец влиянию Токугавского сегуната и приведшей к власти императора Хирохито, направившего страну на буржуазный путь развития [5, р. 60].

Собственно, данная гражданская война и стала началом блестящей военно-морской карьеры Хэйхати́ро Того. В 1871 г. молодой человек поступает в Токийское морское училище [5, р. 63].

А.И. Русин отмечал, что во время руководства постоянной эскадрой и Японо-китайской войны 1894 – 1895 гг. Хэйхати́ро Того тоже отличился как воинскими талантами, так и жестокостью. Прежде всего, крейсер «Нанива» под его командованием совершил первый выстрел Японо-китайской войны по крейсеру китайского флота «Цзиюань» [4, р. 18]. Однако больше всего Хэйхати́ро Того прославился потоплением британского парохода «Коушинг» с китайским десантом на борту. Причем он отдал команду расстрелять китайских солдат, находившихся в воде [4, р. 20].

Одновременно А.И. Русин указывал на крайнюю замкнутость адмирала Хэйхати́ро Того, не желавшего общаться с иностранными военно-морскими специалистами из-за незнания языков. Российский военно-морской агент считал, что японский адмирал лукавит в данном вопросе, т.к. он проходил обучение в английском Портсмуте и военно-морском колледже в Гринвиче [3, с. 108]. Надо отметить, что Хэйхати́ро Того отправили учиться в Великобританию еще в феврале 1872 г. вместе с еще одиннадцатью кадетами успешными в военно-морских науках [5, р. 65]. Получается, что в Токийском морском училище будущий японский адмирал отучился меньше года. Помимо этого, Хэйхати́ро Того участвовал в кругосветном путешествии на английском корабле «Хэмпшир» и, даже, занимался математическими науками в Кембридже [3, с. 110]. Отсюда, с языковой практикой у него должно было быть все в порядке.

О качествах Хэйхати́ро Того как флотоводца военно-морской агент в Японии, капитан 2-го ранга А.И. Русин докладывал следующее: «... Вице-адмирал Того мало сведущ в вопросах тактики и стратегии, постоянная эскадра под его командованием плохо маневрировала; по мнению иностранных офицеров, имевших случай наблюдать постановку на якорь или съемку с якоря, под флагом адмирала Того, маневрирование выполнялось весьма неудовлетворительно» [1, л. 8].

Вместо себя для общения с иностранными военно-морскими специалистами командующий постоянной эскадрой вице-адмирал Хэйхати́ро Того отправлял своего заместителя контр-адмирала Сигэта Дева. Кстати, именно Сигэта Дева военно-морской агент в Японии, капитан 2-го ранга А.И. Русин считал «... одним из выдающихся адмиралов современного японского флота» [1, л. 9]. Вероятно, на мнение капитана 2-го ранга А.И. Русина повлияли доступность японского контр-адмирала и положительное мнение об этом флотоводце других иностранных адмиралов и офицеров. Интересно, что в вице-адмирале Хэйхати́ро Того российский военно-морской агент особенных флотоводческих талантов не обнаружил. Наверное, свою роль сыграли неудовлетворительные результаты маневрирования постоянной эскадры под командованием вице-адмирала

Хэйхати́ро Того. Как показали последующие события Русско-японской войны 1904–1905 гг. русский военно-морской разведчик серьезно ошибался.

В тоже время капитан 2-го ранга А.И. Русин отмечал, что: «... лично вице-адмирал Того храбр, должно быть решителен и жесток» [1, л. 10]. В данном случае мнение военно-морского агента опиралось на боевой эпизод потопления британского парохода «Коушинг» с китайским десантом. Получается, что А.И. Русин не отказывал Хэйхати́ро Того во многих положительных качествах необходимых для морского офицера, он только выражал сомнение в его флотоводческих способностях.

Однако вскоре после донесения военно-морского агента в Японии, капитана 2-го ранга А.И. Русина имя вице-адмирала Хэйхати́ро Того стало упоминаться в связи с крупнейшим поражением за всю историю Российского Императорского флота.

Надо сказать, что капитан 2-го ранга А.И. Русин составил подробные характеристики по всем известным японским флотоводцам. Не обошел российский военно-морской агент в своих донесениях и новейшие тактико-технические данные японского флота. Несмотря на это, Наместник Его Императорского Величества на Дальнем Востоке, вице-адмирал Е.И. Алексеев и Морское министерство отнеслись к донесениям военно-морского агента в Японии, капитана 2-го ранга А.И. Русина с крайней долей пренебрежения. В придворных и высших военных российских кругах накануне Русско-японской войны 1904–1905 гг. прочно укоренилось мнение о грядущей скорой и триумфальной победе. Отсюда, информация российского военно-морского агента в Японии была оставлена как не имеющая серьезного военного значения для будущих боевых действий на море.

Источники и литературы

1. Российский государственный архив Военно-Морского Флота. Ф. 32. Оп. 1. Д. 168.
2. Залесский К.А. Кто был кто в Первой мировой войне. – М.: АСТ, 2003. – 894 с.
3. Скрицкий Н.В. Сто великих адмиралов. – М.: Вече, 2003. – 432 с.
4. Paine S.C.M. The Sino-Japanese War of 1894–1895. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 412 p.
5. Peattie M.R. Peattie Akiyama Saneyuki and the Japanese Naval Doktrine // United States Naval Institute Proceedings – 1977. – № 1. – P. 60–65.

А. Ю. Золотухин,
*кандидат исторических наук,
преподаватель МБОУ СОШ №15 г. Курска*

А. Н. Манжосов,
*кандидат исторических наук, заместитель председателя
Курского городского Совета ветеранов войны, труда,
Вооруженных сил и правоохранительных органов*

ВЛИЯНИЕ БЫТОВЫХ ФАКТОРОВ НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КУРСКИХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ НА ПРИФРОНТОВОЙ СТАНЦИИ МАРМЫЖИ ЗИМОЙ – ВЕСНОЙ 1942 г.

В период коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны, осенью 1943 г., выдающийся ученый железнодорожного транспорта, академик Владимир Николаевич Образцов в своей книге «Железнодорожный транспорт в дни Великой Отечественной войны» отмечал, что «будущий историк, который соберет факты героизма железнодорожников, покажет, что это был не героизм отдельных лиц, а массовый героизм народа, защищавшего свободу, жизнь, свое национальное будущее» [9, с. 9].

Этими словами в полной мере можно характеризовать деятельность курских железнодорожников на прифронтовой станции Мармыжи железной дороги им. Ф.Э. Дзержинского зимой – летом 1942 г.

В начале ноября 1941 г. в связи с занятием г. Курска немецко-фашистскими захватчиками, предприятия Курского железнодорожного узла были эвакуированы на станцию Мармыжи, расположенную в 108 километрах восточнее по линии железной дороги Касторная – Курск. Но уже в ночь на 5 декабря 1941 г., развивая наступление на Касторненском направлении, гитлеровцы захватили узловую станцию Мармыжи [10, с. 277]. Курские железнодорожники были вынуждены эвакуироваться на Восток.

20 декабря 1941 г. в период наступательных боев войны 87-й (командир – полковник А.И.Родимцев) и 160-й (командир – полковник М.Б. Анашкин) стрелковых дивизий освободили железнодорожный узел Мармыжи [6, с. 102]. В связи со значительным объемом разрушений, причиненных немецко – фашистскими захватчиками железнодорожному узлу Мармыжи, большинство служб Курского отделения паровозного хозяйства продолжали работать в депо Воронеж–2 и Касторная–Новая Московско–Донбасской железной дороги. Они смогли возвратиться в Мармыжи лишь в феврале 1942 г. сразу после проведения восстановительных работ, которые осуществляли воины 79-го отдельного путевого батальона 5-й железнодорожной бригады.

Какие же бытовые условия были в железнодорожном поселке Мармыжи к моменту реэвакуации курских железнодорожников? Обратимся

к воспоминаниям ветерана, военфельдшера Р.И. Кожуховой: «Условия жизни жителей поселка тогда были невыносимыми. Бани не было. В домах проживало не более 15–16 семей. Остальные ютились в землянках. Воду приходилось набирать из одной колонки, расположенной в кирпичном здании, что была против железнодорожного магазина. Этот магазин располагался в вагончике, столовая – в землянке... В связи с эпидемией сыпного тифа в Мармыжи врачебно–санитарной службой дороги была направлена дезкамера, которой руководил санитарный врач Рахманинов...» [7, с. 28]. Тогда в Мармыжах требовалось срочное улучшение бытовые условия, без которых была невозможна работа паровозных бригад.

Еще до выезда в Мармыжи руководство паровозного депо Курск (начальник – А.И. Мисяк) приступило к решению бытовых проблем. В воспоминаниях почетного железнодорожника А.И. Мисяка (1908–1987) отмечалось: «Мы не были уверены в том, что будем находиться всегда рядом с Курским ОРСом. Мы были должны заготовить сами резервы продуктов. В Касторной закупили разделанную тушу коровы. Тушу подвесили на крюках в вагоне – кладовой. Мясо замерзло, и задача его сохранности была решена... Нужно было решить и проблему хлеба, мыла, без чего выезжать в сторону фронта было бы неразумно. Воронежский облторготдел удовлетворил наши просьбы. Печеный хлеб – тысяча килограммов (пятнадцатидневный запас) аккуратно сложили в неотопливаемый вагон и заморозили. 600 кг мыла оказались хорошим по качеству (жидкое, зеленого цвета). Нас обеспечили небольшим количеством копченой колбасы и сахара. По приезду на станцию Мармыжи выяснилось, что машинист депо И.А. Бочаров владеет ремеслом сапожника. Ему поручили подобрать подручных (5–6 человек) и приступить к починке валенок и личной обуви рабочих. И.А. Бочаров с помощниками трудились почти два месяца за сапожными станками. Несмотря на то, что И.А. Бочаров неоднократно просил возвратить его на паровоз, он ремонтировал обувь, т.е. выполнял работу по значимости не меньшую, чем машинист у реверса паровоза» [8, с. 36–37].

Паровозные бригады (весной 1942 г. более 70 человек работало в депо Мармыжи), которые проживали в грузовых вагонах, нашли способ как купаться. Они брали горячую воду в ведра и тазы. Паром из паровозного котла удавалось выпаривать даже белье. В марте 1942 г. ремонтники Курского депо смогли оборудовать передвижную душевую, сварив два больших бака – для холодной и горячей воды.

Так, принятые меры помогли остановить эпидемию сыпного тифа, которая назревала в Мармыжах. Как вспоминал А.И. Мисяк, «среди работников паровозного депо случаев заболевания тифом не наблюдалось. Это был результат своевременно принятых мер и строжайшего порядка: регулярно, один раз в неделю ими принимался душ, осуществлялось мытье головы с мылом, пропаривание нательного белья и постельных

принадлежностей с исключением контакта с сельским населением в поселке Мармыжи» [8, с. 42–43].

8 мая 1942 г. СНК СССР принял постановление № 661 «Об улучшении снабжения железнодорожников». С мая 1942 г. приказом НКПС № 342/Ц от 18 мая 1942 г. на прифронтовых дорогах и важнейших узлах (в том числе на станции Мармыжи железной дороги имени Ф.Э. Дзержинского – авт.) продажу товаров первой необходимости осуществляли по нормам потребности общественного питания.

Например, машинистам, их помощникам, кочегарам, вагонным мастерам и смазчикам, составителям поездов, сцепщикам, рабочим занятым на работах по формированию и движению поездов, экипировке паровозов и вагонов продавалось: ежедневно 800 гр хлеба, 2200 гр мяса в месяц, 500 гр сахара, 600 гр жиров, 1500 гр макарон и крупы, 25 гр чая, 400 гр хозяйственного мыла, 3 коробки спичек [1, л. 163–164].

Иждивенцы и члены семей железнодорожников, проживавшие тогда в Мармыжах, получали 300 гр хлеба в сутки, 200 гр сахара и кондитерских изделий, 600 гр крупы и макарон [7, л. 165].

В условиях прифронтовой станции Мармыжи железнодорожники трудились, часто своевременно не получая заработной платы. В качестве примера приведем содержание справки, выданной руководством 6-го Курского отделения паровозного хозяйства в июне 1942 г.

«Выдана машинисту депо Мармыжи Баранищеву В.А. в том, что за неимением денег в кассе ТН – 6 [отделение паровозного хозяйства – авт.] ему не выдано содержание, причитающееся к выдаче: за 1-ю пол. июня 1942 г. – 186.00; за 2-ю пол. июня – 9.84; итого не выдано 195.84 (Сто девяносто пять руб. 84 коп.). Выдана для получения денег в Управлении дороги» [5, л. 21]. 11 работников депо Мармыжи (машинисты А.С. Судаков, Д.В. Сотников, П.Г. Карачевцев, К.И. Поповский, П.П. Власов, помощники машиниста С.Д. Глушева, Н.М. Уваров, Ф.Р. Болдырев и др.) также своевременно не получили денежное содержание за июнь 1942 г. [5, л. 16–27].

Подчеркнем, что серьезные бытовые неудобства несли и члены семей курских железнодорожников, эвакуированные на ст. Мармыжи.

В конце июня 1942 г. в связи с участвовавшими вражескими бомбежками, семьи железнодорожников были отправлены на станцию Кшень (в 12 км восточнее Мармыжей). 29 июня 1942 г. в ходе налета вражеских самолетов на эту станцию погибло 48 местных железнодорожников и члены семей курских машинистов: Д.Р. Болдырева, И.Т. Алпеева, Д.Ф. Бабкина и др. [3, л. 3, 5об].

Несмотря на бытовые трудности, сопровождавшие курских железнодорожников на станции Мармыжи, они работали самоотверженно. Так, 28 июня 1942 г., при бомбежке пассажирского поезда около станции Мармыжи был тяжело ранен машинист А.Д. Бочаров. В будке паровоза сгорели его личные вещи и документы, но раненый машинист смог

доставить поезд к месту назначения. 18 июля 1946 г. А.Д. Бочаров был отмечен орденом Красной Звезды [2, л. 229–230; 4, л. 166].

Приводимые в статье примеры свидетельствуют, что в экстремальных условиях прифронтовой полосы забота о быте, питании, отдыхе людей, которая осуществлялась руководством Курского паровозного отделения, приводила к оперативному решению задач, стоящих перед военными железнодорожниками на станции Мармыжи.

Источники и литература

1. Российский государственный архив экономики. Ф. 1884. Оп. 49с. Д. 1507.
2. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее – ГАОПИКО). Ф.П – 2. Оп. 1. Д. 358.
3. ГАОПИКО. Ф.П – 2130. Оп. 1. Д. 69.
4. ГАОПИКО. Ф.П – 2160. Оп. 1. Д. 166.
5. Объединенный ведомственный архив Курского отделения Московской железной дороги. Ф.3. Оп. 1-Л. Д. 1.
6. Коровин В.В., Манжосов А.Н., Немцев А.Д., Цуканов И.П. Победу приближали как могли. – Курск: ИД «Славянка», 2006. – 322 с.
7. Манжосов А.Н., Золотухин А.Ю. Работа курских железнодорожников на прифронтовой станции Мармыжи в 1942 г. // Труды 2-й международной краеведческой конференции «Краеведение в Курском крае: прошлое и современность». Ч. 3. – Курск: ИЦ «Юмэкс», 2007. – С. 27–30.
8. Научно – вспомогательный фонд музея железнодорожного транспорта – Курск. Воспоминания А.И. Мисяка, 1974 г.
9. Образцов В.Н. Железнодорожный транспорт в дни Великой Отечественной войны. – М.: Профиздат, 1943. – 64 с.
10. Суровая правда войны. 1941 год на курской земле в документах архивов. Ч. 1. – Курск: МУП «Курская гортипография», 2010. – 314 с.

Д.А. Капустин,

*студент 1 курса ОП «История» факультета гуманитарных наук
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

К ВОПРОСУ О СОЛДАТСКИХ ВОССТАНИЯХ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ СЕВЕРНОЙ ОБЛАСТИ

В этом году исполнится ровно один век самым известным и решающим событиям Гражданской войны и истории Белого движения в России – «Походу генерала Деникина на Москву» и наступлению войск

адмирала Колчака на Восточном фронте. Масштаб и значение этих боевых действий как бы отодвинули на второй план интерес историков к событиям, происходившим на Русском Севере весной-летом 1919 г. Хотя в последние годы в отечественной историографии появился ряд работ, посвященных боевым действиям и операциям на Северном фронте Белой борьбы [12, 14]. Однако исследователями уделяется мало внимания вопросу морального состояния противоборствующих сторон и факторам, повлиявшим на возникновение солдатского недовольства [20]. В западной исторической литературе преобладает точка зрения о сезонности солдатских мятежей и дезертирства, влиянии на них цикла сельскохозяйственных работ в деревне [21, р. 309]. События весны-лета 1919 г. на Северном фронте Белой борьбы демонстрируют яркий пример воздействия на солдатский бунт различных событий как на фронте, так и в тылу. Рассмотрим данные факторы на примере восстания 5-го Северного стрелкового полка 20 июля 1919 г.

Для начала следует рассмотреть организацию и становление русских воинских частей в Онежском районе. После высадки вооруженных сил Союзных держав в Архангельске, в Онеге и ее окрестностях начинают формироваться крестьянские партизанские отряды, а после проведения мобилизационных мероприятий в сентябре-ноябре 1918 г. создаются отдельные 1-й и 3-й Северные батальоны. До этого момента основной боевой силой были английские стрелковые роты, прибывшие сюда к ноябрю 1918 г. В делопроизводстве штаба командующего Онежского района сохранился важный документ – рапорт штабс-капитана Мациевского, организатора крестьянских формирований в Чекуеве. В данном источнике содержится важное упоминание: «Небольшой процент из них (партизан – авт.) был отправлен в бой, так как крестьяне по-своему понимали борьбу с большевиками как пассивную оборону города. С приходом союзников партизаны начали активно выражать недоброжелательство к англичанам и почти все ушли с фронта» [1, л.13–13об.]. Можно сделать вывод о том, что крестьяне не хотели принимать активное участие в боевых действиях. Так Л.Г. Новикова считает, что крестьянские партизанские отряды распались после того, как фронт откатывался от их деревень, и уходила опасность большевистской мобилизации [19, с. 204–205].

К апрелю 1919 г. командование Русской армии и Союзное командование после долгих споров приняло решение о начале наступления по Онеге. Эта операция ускорила мобилизацию местного крестьянства в белые воинские формирования [1, л. 50]. Но к маю становится ясно, что существующие воинские единицы для повышения их боевых возможностей, а также для удобства управления ими, как на поле боя, так и в повседневной жизни, должны быть сведены в полки. В это же время командованием английских войск началась проработка мероприятий на случай возможной их эвакуации из Архангельска. Эти события ускорили появление секретного приказа генерала Миллера от 14 мая 1919 г. о формировании 5-го Северного стрелкового полка [1, л. 171].

Теперь следует остановиться на другом важном аспекте: комплектование полка личным составом, призванным из запаса. Документов, посвященных начальному этапу его формирования, не сохранилось, они, по-всей видимости, были уничтожены в ходе восстания. Можно предположить, что мужчины ближайших к городу Онеге поселений стали основным источником мобилизационного ресурса русских частей в Онежском оборонительном районе [6, л. 124]. Также следует обратить внимание на то, что полк, как единый воинский механизм, не был отлажен. Из донесения о бое за Кожеозерский Монастырь можно видеть, что есть четкое разделение между солдатами 2-й роты 5-го Северного стрелкового полка, партизанами, влившимся в состав полка, и партизанами Кожского отряда [2, л. 5, 6, 10].

Солдатский бунт и его отражение в эмигрантском мемуарном наследии генералов и штаб-офицеров, занимавших командные должности в войсках Северной области, представляет особую важность для понимания восстания его современниками. Особенно ценным источником является работа В. Александровича «К познанию характера Гражданской войны». Факты и оценки, которые приводит автор, проверяются с документами. Так, автор пишет о том, что красноармейцы ежедневно (описание относится к концу мая началу июля 1919 г. – авт.) давали перебежчиков, которые стремились служить в Белой армии [11, с.11]. Эти сведения могут быть проверены на основании допросов военнопленных, проводившихся в 5-м полку. Они в один голос утверждают, что пошли служить в Красную армию из-за голода, а к белым перебежали, так как: «есть нечего» [4, л. 33, 34, л. 38–38 об.]. Описание боевых действий также коррелируется с отчетом о боевых действиях 2 -й роты 5-го полка [2, л. 10].

Теперь следует обратиться к мемуарам старших воинских чинов Северной Области. Начать следует с мемуаров генерала В.В. Марушевского «Год на Севере». Цепь восстаний, произошедших и предотвращенных в июле-августе 1919 г., полностью объясняется наличием в полках большевистских агитаторов, активной пропагандистской деятельностью со стороны красного командования [18, с. 52]. Там же есть отдельное предположение о том, что в деревнях была горячая пора сенокоса и поэтому крестьяне разошлись по домам [18, с. 49–53]. Но описания хода восстания соотносятся с данными В. Александровича. Однако из самого текста источника становится ясно, что мемуары генералом В.В. Марушевским неоднократно правились. Если сравнивать описания боевых действий и восстания в Архангелогородском полку (декабрь 1918 г.), которые были опубликованы в 1926 г., и тем что было издано в 1927 г., то можно проследить, что все описания восстаний сводятся к тому, что они решающим образом повлияли на решение союзников эвакуировать свои войска [17, с. 54]. Одновременно автор пытается оправдаться за неудачи и ошибки в деле руководства Северным фронтом. Рефреном через весь текст проходят фразы о «потере надежд на возможность сопротивления» [17,

с. 53–54]. Но есть еще один источник личного происхождения – работа С.Ц. Добровольского «Борьба за Возрождение России в Северной Области». Мемуары были написаны в 1920 г. Обратим внимание и на положение, которое занимал автор; он исполнял должность прокурора Области. Еще можно сделать предположение, что при написании работы автором использовались отрывки из материалов расследований причин восстаний летом 1919 г. [15, с. 41]. Но обнаружить материалы следствия пока не удалось, так их нет ни в фондах Военно-Окружного Суда Северной Области, ни в материалах Военного Прокурора Области. По всей видимости, они были потеряны при эвакуации из Архангельска в феврале 1920 г. Можно сделать вывод о том, что для авторов воспоминаний, описывающих восстания в 5-м Северном полку, основной причиной бунта была большевистская агитация в солдатских рядах.

Теперь следует обратиться к вопросу о большевистской агитации среди личного состава 5-го Северного полка. Александрович пишет о том, что «заводчиком» бунта был младший унтер-офицер Щетинин, который начинает распространять слухи о бунте на соседнем участке фронта. Возможность участия унтер-офицера в какой-то операции разведки РККА представляется невозможной. Об этом говорит отсутствие его имени среди списка солдат-большевиков [6, л. 2]. Следует подчеркнуть, что Белое командование рассчитывало опереться на унтер-офицерский состав. Как полагали военные, он менее всего подвергся разложению в 1917–1918 гг. Так генерал Марушевский писал, что унтер-офицеры должны были играть роль авторитетного начальника [17, с. 43]. Но, как показала практика, подобные надежды не оправдались. Так при дезертирстве солдатские группы возглавлялись унтер-офицерами. Для примера приведу данные из выписки картотеки соседнего с Онежским районом Мурманского военно-контрольного пункта за август 1919 г. Побег 20 солдат возглавлялся 4 унтер-офицерами [8, л. 1–2]. Интересные случаи происходили и в армиях под командованием Колчака. Например, проведение мобилизации унтер-офицерского состава в Сучанской волости Приморской области не принесло результатов. Барон Будберг пишет, что: «Этот приказ (о мобилизации – авт.) ничего кроме озлобления или ухода в те же сопки не вызовет» [13, с. 290–291].

Также следует отметить особенности солдатского «большевизма» в Северной армии. Показательный случай произошел в апреле 1919 г., когда был опубликован приказ генерала Марушевского о возможности всем большевикам и им сочувствующим покинуть Северную Область. На Онежском фронте произошло возмущение. 70 солдат заполнили документы на сдачу оружия и на возможность перехода на территорию, подконтрольную большевикам. Когда командир обратился к своим подчиненным, они ответили, что хотят пойти на родину [3, л. 2]. Штабс-капитан попытался выяснить зачинщиков, ему указали на унтер-офицера. В ходе допроса выяснилось, что он желает вернуться в Петроград, так как у

него осталась больная мать 43 лет [3, л. 5]. Можно сделать вывод о том, что на «большевизацию» солдат оказывали влияние не столько сезонные факторы (сенокос, сельхоз работы), сколько личные.

Обратимся к вопросу агитации среди солдат на Онежском направлении СФ. В материалах Чекуевского военно-контрольного пункта сохранились документы о том, что с апреля по июнь проводилось расследование о большевистской агитации в округе. На основании документа можно сделать вывод о том, что распространение большевистских листовок носило не идейный характер. Наличие листовок в г. Онега объясняется не идейным фактором, а денежной суммой и едой, которые красноармейцы передали своему знакомому, дабы тот разбросал их по городу [9, л. 11–11 об.]. Их могли передавать при переходе из одного села в другое или при дезертирстве из одной армии в другую. Также интересным документом является прошение крестьян деревни Сергиевской о том, что они берут на поруки 17-летнего односельчанина, который не уйдет в Красную армию. Также они обязуются выдать его брата Федора, если тот еще раз появится в селе [10, л. 2]. Стоит отметить и тот факт, что расследование об агитации остается без судебного решения. Дополним, что во время проведения следственных мероприятий было уничтожено большевистское подполье в Чекуеве, но расследование о пропаганде зашло в тупик.

Теперь следует от вопроса пропаганды перейти к краткому изложению причин и хода восстания. После тяжелого сражения за Кожеозерский монастырь 2-я рота 5-го полка должна была быть переброшена в д. Усолье на отдых. Здесь следует отметить, что во время боя из роты выбыл старший офицерский состав [11, с. 13] и рота понесла ощутимые потери. Восстание началось на борту парохода, когда младший унтер-офицер начал распространять слухи о прорыве большевиками фронта. Как свидетельствует Марушевский, причиной распространения подобных слухов стало отсутствие на борту командования роты (по его данным на пароходе было 2 прапорщика) [18, с. 55]. В Чекуеве восставшими было арестовано командование Онежского оборонительного района. При аресте случился примечательный эпизод. Марушевский пишет о том, что часть офицеров начала отстреливаться из пулеметов, а Александрович отмечает, что большинство офицеров были безоружными [11, с. 15]. И лишь один из них, штабс-капитан Мациевский (чей рапорт о крестьянах приводился выше – авт.), застрелился. Аналогичные свидетельства содержатся в воспоминаниях С. Добровольского [15, с. 44]. Из данного отрывка следует, что из офицеров в плен сдаваться не пожелал лишь командир партизанских формирований в районе. Далее, по свидетельству Александровича, начинается грабеж английских продовольственных складов, а уже через сутки информация распространилась по отрядам, входившим в 5-й полк. Солдаты начали

расходиться по родным деревням. Как отмечает Александрович, уже 21 числа в Чекуеве и Клещове стоял 156-й Камышинский полк красных.

Желали ли сами солдаты 5-го полка после восстания воевать «за власть Советов»? По мнению обер-офицеров, в Белой армии большинство солдат переметнулось к большевикам. Например, в воспоминаниях Н.П. Зеленова встречаем: «Пятое восстание произошло в 5-м Северном полку, где солдаты перебили своих офицеров и ушли к большевикам» [16, с. 211]. Однако, если обратиться к документам, становится ясно, что говорить о полном переходе солдат на сторону красных не приходится. Так, среди материалов отдельного партизанского отряда 5-й Северной стрелковой бригады, действовавшей на Мурманском участке фронта, есть рапорт о том, что для поимки дезертиров 5-го Северного стрелкового полка в деревнях Ньюгозеро и Комчиха оставлены группы солдат [7, л. 11]. Также в материалах командования Онежского района находим телеграмму генералу Марушевскому от управнудел Иванова. В нем указано, что повстанцы и большевики действуют отдельно друг от друга, и что последние направляются в противоположную от большевиков сторону: «создали среди населения тревогу призывами к миру» [1, л. 279]. Еще следует обратиться к тому моменту, что, по данным разведки, не все солдаты сложили оружие. В донесениях все того же 5-го партизанского отряда можем найти сведения о том, что вторая рота полка заперлась в Кожеозерском монастыре и вела бои с большевиками [7, л. 50]. Данное свидетельство может быть обусловлено тем, что с захватом Чекуева была перерезана линия связи, и то что первые сообщения, если судить по материалам Оперативной переписки штаба Онежского района, начали поступать через шесть дней после начала бунта. По данным Александровича, эта рота в полном составе перешла к красным и «отлично» сражалась на Онежском фронте [11, с. 22]. Здесь стоит отметить, что особо поддерживали большевиков чины, которые получили какие-то образовательные навыки, были грамотны и т.д. Тому подтверждение обнаруживаем в документах штаба 1-го Северного полка. В списке военнопленных за ноябрь-декабрь 1919 г. 8 человек [5, л. 13] были инструкторами пулеметной школы 5-го Северного стрелкового полка в Чекуеве. Также имеется приписка о том, что трое из них «Самсонов, Докукин и Анисимов, взяты в бою под д. Дениславской, при чем упорно оборонялись, продолжая стрелять по нам в упор. По этим данным можно судить, что сочувствуют большевикам» [5, л. 40].

Таким образом, на основании данных исторических источников, приходим к следующим выводам. На момент начала солдатского восстания 5-й Северный стрелковый полк не был единым подразделением с отлаженным механизмом управления. Это было формирование, объединившее ряд отдельных сил русских войск ВУСО. Моральное состояние воинских частей было нестабильным. На это влияло как положение дел со снабжением и продовольствием на Северном фронте, так

и состояние личных дел солдат. На солдат могли влиять отрывочные свидетельства большевистской пропаганды, но целенаправленная разведывательная операция красных была невозможна, опора большевиков – Чекуевское подполье – была уничтожена. Влияние сезонного фактора, сенокоса, не нашло отражения как в переписке, так и в делопроизводственном материале. По всей видимости, это были последующие домыслы генерала Марушевского. Большевизм солдат ставится под вопрос, противоречивые свидетельства о переходе в полном составе 2-й роты полка на сторону красных так и не подтверждены источниками. Идеино сражались против белых лишь те, кто мог понять и воспринять идеи красных агитаторов. Продвижение крестьян-солдат к родным жилищам еще раз свидетельствует о том, что на возникновение бунта повлияла усталость после трудной операции по овладению Кожеозерским монастырем [1, л. 12].

Источники и литература

Автор выражает благодарность своему научному руководителю Людмиле Геннадьевне Новиковой, кандидату исторических наук, доценту Школы исторических наук ФГН НИУ ВШЭ, за ценные замечания и рекомендации, сделанные в ходе работы над статьей.

1. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 39450. Оп. 1. Д. 32.
2. РГВА. Ф. 39450. Оп. 1. Д. 37.
3. РГВА. Ф. 39450. Оп. 1. Д. 395
4. РГВА. Ф. 39453. Оп. 1. Д. 14.
5. РГВА. Ф. 39882. Оп. 1. Д. 39.
6. РГВА. Ф. 39898. Оп. 1. Д. 45.
7. РГВА. Ф. 40046. Оп. 1. Д. 1.
8. РГВА. Ф. 40311. Оп. 1. Д. 1.
9. РГВА. Ф. 40314. Оп. 1. Д. 14.
10. РГВА. Ф. 40316. Оп. 1. Д. 21.
11. Александрович В. К познанию характера Гражданской войны. Бунт в 5-м Северном стрелковом полку 20 июля 1919 г. – Белград: Русская типография, 1926. – 28 с.
12. Белая гвардия: альманах. №9. – М.: Посев, 2006. – 161 с.
13. Будберг А.П. Дневник // Архив Русской революции. Т. III /Изд. И.В. Гессеном. – Берлин: 1924. – 306 с.
14. Голдин В.И., Журавлёв П.С., Соколова Ф.Х. Русский Север в историческом пространстве российской гражданской войны. – Архангельск: Солти, 2005. –С. 83–120.

15. Добровольский С.Ц. Борьба за возрождение России в Северной области. Т. III. // Архив Русской революции / Изд. И.В. Гессеном. – Берлин: 1921. – 270 с.

16. Зеленов Н.П. Трагедия Северной области // Белый Север 1918–1920 гг. Мемуары и документы. Вып. II // сост. В.И.Голдин. – Архангельск: 1993. – 495 с.

17. Марушевский В.В. Год на Севере // Белое дело. Летопись белой борьбы. Т. 1 / ред. А.А.Фон Лампе. – Берлин: Медный всадник, 1926. – 205 с.

18. Марушевский В.В. Год на Севере // Белое дело. Летопись белой борьбы. Т. 3 / ред. А.А.Фон Лампе. – Берлин: Медный всадник, 1927. – 236 с.

19. Новикова Л.Г. Провинциальная «контрреволюция»: Белое движение и Гражданская война на Русском севере 1917-1920. – М.: НЛО, 2011. – 384 с.

20. Трошина Т.И. «Взгляд из другого окопа» Трагедия белого офицерства глазами рядовых (по материалам Архангельского Истпарта) // 1920 год в судьбах России и мира: сборник материалов международной научной конференции, (Архангельск, 27-28 апреля 2010 года). – Архангельск: Солти, 2010. – С. 264–269.

21. Figes O. Peasant Russia, Civil war. The Volga countryside in Revolution 1917–1921. – London: Phoenix Press, 2001. – 400 p.

Н.Г. Кононов,
кандидат исторических наук,
заслуженный работник культуры РСФСР

ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ КУРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ШВЕЙНОЙ ФАБРИКИ № 1 В 1943-1945 гг.

Поведение даже небольшой ячейки общества - семьи, трудового коллектива - в годы великих испытаний является показателем духовного и нравственного состояния всего народа, его отношения к своему Отечеству.

Нравственное состояние советского народа в годы Великой Отечественной войны, его отношение к тем ценностям, которые были у него воспитаны в довоенный период, как-то: любовь к социалистической Родине, готовность к самопожертвованию ради её защиты, коллективизм, общественное благо, чувство долга и др., мы можем проследить на примере жизнедеятельности трудового коллектива Курской государственной швейной фабрики № 1 после освобождения области от немецко-фашистских оккупантов.

Курская государственная швейная № 1 была организована в соответствии с декретом СНК РСФСР от 23 июня 1921 г. и приказом

Управления «Курскшвейя» за № 100 от 9 сентября 1922 г. в результате слияния всех военно-пошивочных и гражданских швейных мастерских города Курска. Подчинялась «Курскшвейю», а с 17 июня 1923 г. – «Курскшвейпрому». С 30 июня 1926 г. была переименована в Курскую швейную фабрику № 1. В соответствии с решением Курского облисполкома за № 8/8 от 23 января 1937 г. передана в областное Управление лёгкой промышленности и вместе с ним входила в систему Народного комиссариата лёгкой промышленности РСФСР (НКЛП РСФСР).

До начала Великой Отечественной войны на фабрике работало 240 универсальных швейных машин. Фабрика производило различной швейной продукции до 7 млн. рублей в неизменных ценах 1926/27 г. (далее производство продукции даётся в н/ц) и была самым крупным швейным предприятием в области. На фабрике работало от 1200 до 1300 человек.

Коллектив фабрики ежегодно успешно выполнял и перевыполнял установленную для него производственную программу, давая стране много швейной продукции.

В период временной немецкой оккупации города Курска с октября 1941 г. по февраль 1943 г. фабрика не работала. Ей был нанесён значительный материальный ущерб, который, с учётом эвакуации и реэвакуации, исчислялся в 1885777 руб. [10, л. 2]

С освобождением Курска от немецко-фашистских оккупантов 8 февраля 1943 г. старые рабочие прибыли на фабрику и начали работу с расчистки завалов, по уборке мусора во дворе и в цехах фабрики. Временно исполняющим обязанности директора фабрики была назначена Валентина Германовна Шафранова, а несколько позже директором фабрики стал Павел Фёдорович Ягодкин.

К работе фабрика, по существу, приступила с 21 апреля 1943 г. Именно в этот день был заключён договор с одной из воинских частей на изготовление 1500 шинелей, 1000 х/б гимнастёрок, 1000 х/б шаровар, 1000 ватных курток, 6500 х/б рубашек и 6500 кальсон. Речь шла о ремонте солдатского имущества [9, л. 62].

В апреле 1943 г. на фабрике уже трудились 48 рабочих, из них 41 надомница, которые занимались починкой обмундирования для бойцов Красной Армии. Остальные работники занимались текущим ремонтом, изыскивали необходимое оборудование и инвентарь.

Швейных машин фабрика не имела и до конца 1943 г. работала на 50 швейных машинах, которые принесли с собой рабочие. К 15 декабря 1943 г. фабрика получила часть машин и приступила к установке агрегатов и замене ручных машин на моторные [4, л. 221].

В соответствии с постановлением СНК СССР «О первоочередных мероприятиях по восстановлению хозяйства гор. Курска и Курской области» за № 522 от 19 мая 1943 г. и приказом по Управлению лёгкой промышленности области за № 28 от 16 июня 1943 г. было предписано

восстановить Курскую швейную фабрику мощностью 50 швейных машин в июле 1943 г. На эти цели выделялось 70 тыс. руб. [9, л. 91]

Для выполнения производственного плана 1943 г. фабрике был установлен план по труду. Планировалось иметь 88 человек производственного персонала, в т.ч. 63 рабочих. Фактически же трудились 78 человек, из них 57 рабочих. Они были призваны произвести валовой продукции на 199 тыс. руб. [5, л. 21]

Включившись в предмайское социалистическое соревнование, коллектив фабрики уже в III квартале 1943 г. произвёл работы по восстановлению корпуса фабрики, и она была частично восстановлена мощностью на 51 универсальную машину с выпуском валовой продукции на 343 тыс. руб. [1, л. 12]

Коллектив фабрики принял активное участие в соцсоревновании в связи с предстоящей 26-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции.

Предоктябрьское социалистическое соревнование 1943 г. совпало с 25-летием образования Ленинского Комсомола (29 октября). К этому юбилею все 3 комсомольско-молодёжные бригады фабрики (секретарь комитета комсомола Калинина) соревновались за лучшие производственные показатели. Члены молодёжных бригад - Бобовникова, Сабельникова, Шошина, Лобан, Никифорова и др. - выполняли по 2–3 нормы в смену [17, с. 338].

Благодаря таким передовикам коллектив фабрики смог справиться с отставанием в её работе, которое было связано с отсутствием сырья, а также с тем, что весной-летом почти половина работниц были заняты на строительстве оборонительных сооружений. Уже в сентябре 1943 г. производственный план был выполнен на 120%, а в октябре – на 210% [16, л. 57].

В ходе предоктябрьского социалистического соревнования швейная фабрика № 1 заняла первое место среди предприятий Управления лёгкой промышленности (УЛП) области.

Успешно отметив 26-ю годовщину Октября, коллектив фабрики вступил в соцсоревнование за досрочное выполнение производственной программы 1943 г. и за достойную встречу 2-й годовщины со дня освобождения города Курска от немецко-фашистских оккупантов. Некоторые стахановцы взяли на себя обязательство выработать не менее двух норм за смену (Калинина, Тараканова, Синицына, Куракина и др.). С каждым месяцем увеличивалась численность стахановцев.

К концу 1943 г. фабрика начала переходить на конвейерную систему, что способствовало значительному повышению производительности труда коллектива [18, 20 ноября; 11, л. 74].

Усилия трудового коллектива швейной фабрики привели к успешному выполнению взятых на себя социалистических обязательств.

И если планом на 1943 г. предусматривалось произвести валовой продукции на 199 тыс. руб., то она была выработана на 243 тыс. руб., или на 122,1%.

Среднегодовая выработка на 1 рабочего в денежном выражении (производительность труда) возросла с плановых 3160 руб. до 4243 руб., или на 134,7% [5, л. 21].

Лучшие люди фабрики-стахановцы Татьяна Ивановна Калинина, Лидия Ивановна Амелина, Дарья Прокофьевна Хлебова и др. стали во главе коллектива и не только выполнили свою производственную программу, но и помогли другим в её выполнении [4, л. 29]. В итоге в 1943 г. фабрикой было выработано 11069 различных изделий [5, л. 19].

Коллектив фабрики успешно решил задачу и по снижению себестоимости произведённой продукции. Она была снижена на 11,6%, в результате чего фабрика дала государству сверх плана 55,5 тыс. руб. накоплений [4, л. 184].

Одновременно шёл процесс восстановления фабрики. В 1943 г. на эти цели было направлено вместо 70 тыс. руб. 95 тыс. руб., выполнено работ по фактической стоимости – на 79 тыс. руб. Введено в действие машин и оборудования на 23 тыс. руб. [10, л. 92–93]

На освоенные средства к концу 1943 г. был получен и установлен агрегат на 50 швейных машин, из которых к 26 января 1944 г. установлено и пущено в ход 32 машины [19, 26 января]. Восстановлены и отремонтированы своими силами производственный корпус и подсобные помещения.

Принимались меры к обучению рабочих. В 1943 г. было подготовлено и переведено на самостоятельную работу 45 молодых рабочих. В начале 1944 г. ещё было подготовлено 40 человек. Обучением по линии техминимума было охвачено 105 человек [4, л. 184].

В ходе соцсоревнования промышленных предприятий г. Курска за 1943 г. и январь 1944 г. швейная фабрика № 1 завоевала второе место [14, л. 21].

Итак, несмотря на многие трудности, с которыми столкнулся коллектив Курской швейной фабрики № 1 в 1943 г., он в целом успешно выполнил постановление Советского правительства о восстановлении первой очереди своего предприятия. Благодаря этому фабрика дала фронту и гражданскому населению значительное количество швейной продукции. В 1943 г. была проведена большая работа и по подготовке кадров.

Успехи были достигнуты швейной фабрикой в 1943 г. в условиях острой нехватки сырья, когда значительная часть рабочих трудилась на оборонительных сооружениях и на сельскохозяйственных работах. На эти виды работ было затрачено 1060 человеко-дней. Оставшиеся на фабрике рабочие трудились по 10 часов в день. За этот ударный труд весь коллектив фабрики получил благодарность от директора предприятия [4, л. 234].

На 1944 г. перед Курской швейной фабрикой № 1 были поставлены новые задачи. В соответствии с установленным планом на 1944 г. ей

предстояло произвести валовой продукции на 1750 тыс. руб., в т.ч. военной продукции по заданию Наркомата Обороны (НКО) – на 562 тыс. руб. и гражданской – на 1188 тыс. руб.

По заданию НКО фабрике планировалось пошить 30 тыс. х/б гимнастёрок, столько же шаровар, 55 тыс. нательных рубах и столько же кальсон.

Для выработки указанного количества продукции в 1944 г. фабрике планировалось иметь 271 работника, в т.ч. 200 человек производственных рабочих [5, л. 9, 21].

Для успешного выполнения производственной программы 1944 г. коллектив фабрики взял на себя повышенные обязательства. Ставилась задача довести мощность фабрики до довоенного уровня, восстановить производственный корпус на 285 швейных машин.

Планировалось поднять производительность труда к достигнутому уровню не менее 25%, добиться не менее 2% экономии материалов при раскройке против установленной нормы и др. [4, л. 246]

Для реализации этих задач коллективом фабрики активно участвовал в соцсоревнование за достойную встречу первой годовщины со дня освобождения города Курска от немецко-фашистских оккупантов и 26-й годовщины образования Красной Армии.

Особую роль в выполнении взятых коллективом фабрики обязательств призван был сыграть и общественный смотр организации труда, который проводился в I квартале 1944 г.

Общественный смотр дал возможность фабрике более рационально использовать труд рабочих, повысить его производительность на 19–20%. По раскройному цеху был применён линеечный накат текстиля, что увеличило производительность труда и дало 2% экономии материала (2400 м в год) [13, л. 124].

На основе развёрнутого соцсоревнования коллектив фабрики успешно выполнил производственную программу I квартала 1944 г. Себестоимость продукции была снижена против плана на 12%, производительность труда повышена на 13%. Сэкономлено материалов при раскрое на 4,1%, что в натуральном выражении составляло 214 погонных метров, из которых было решено пошить ко дню годовщины Красной Армии 90 детских костюмов, 250 детских платьев и 200 штук детского белья для детей фронтовиков.

К концу I квартала 1944 г. подготовлены агрегаты к пуску 50 швейных машин, из которых вступили в эксплуатацию 40 машин. 10 машин не было запущено в производство из-за отсутствия челноков.

За достигнутые производственные успехи Курский горком ВКП(б) и горисполком вручили фабрике переходящее Красное знамя [4, л. 184, 273об.].

Включившись в предмайское соревнование, коллектив швейной фабрики взял на себя новые повышенные обязательства.

Для их выполнения нужна была и дополнительная рабочая сила. Взять её было негде. Тогда, как свидетельствует газета «Курская правда» от 25 февраля 1944 г., общее собрание трудового коллектива фабрики высказалось за создание на своём предприятии из рабочих и служащих 5 добровольческо-строительных бригад. Каждый из работников фабрики обязывался отработать в одной из строительных бригад на восстановлении предприятия и городского хозяйства не менее 10 часов в месяц.

Почин трудового коллектива фабрики был одобрен Курским горкомом ВКП(б) и исполкомом горсовета, которые рекомендовали всем трудовым коллективам предприятий города Курска и его жителям поддержать инициативу швейников, включиться в соцсоревнование за скорейшее восстановление городского хозяйства и оказание всевозможной помощи фронту [19, 5 марта].

Выполняя решение общего собрания коллектива, 22 марта 1943 г. директор швейной фабрики № 1 издаёт приказ, в соответствии с которым на фабрике создавались следующие бригады:

- бригада штукатуров в составе 21 человека (бригадир В. Калинина);
- бригада маляров в составе 21 человека (бригадир М.А. Бирюкова);
- бригада каменщиков в составе 11 человека (бригадир Курносова);
- бригада стекольщиков в составе 6 человека (бригадир Шитиков).

Не вошедшие в состав добровольческо-строительных бригад рабочие и служащие также призваны были добровольно отработать на восстановлении предприятия необходимое количество человеко-часов [4, л. 248].

В связи с развернувшимся предмайским соцсоревнованием на фабрике был организован конкурс на лучшего мастера и лучшую мотористку.

В ходе предмайского соревнования весь коллектив фабрики вступил в бригады: каменщиков, штукатуров, маляров, кровельщиков. Уже к апрелю 1944 г. швейники подняли и подправили 400 кв. м потолка, запаслись материалами и за короткий срок отработали на стройке 780 рабочих часов. С осени 1944 г. швейная фабрика уже готовилась перейти в новое помещение, пустить в эксплуатацию все машины и дать стране и городу дополнительно на десятки тысяч рублей швейных изделий [17, с. 300–301].

По итогам предмайского соцсоревнования фабрика завоевала 1-е место среди предприятий города Курска.

Пятимесячный план по производству валовой продукции фабрикой был выполнен на 113%, план в ассортименте – на 100%. Был выполнен план по росту производительности труда и снижению себестоимости продукции.

К июню 1944 г. на фабрике работало 11 добровольческо-строительных бригад с охватом 279 человек, которые отработали 13000 человеко-часов [15, л. 163–164].

Рабочие, ИТР и служащие фабрики с не меньшим энтузиазмом включились и в предоктябрьское социалистическое соревнование.

В ходе развернувшегося социалистического соревнования добровольческо-строительные бригады швейной фабрики № 1 показали замечательные образцы социалистического труда. К сентябрю 1944 г. они отремонтировали и восстановили 2 корпуса фабрики. В этих корпусах было настлано 612 кв. м пола, восстановлено 120 кв. м чердачных перекрытий, сделано 550 кв. м оконных переплётов, оштукатурено 282 кв. м стен, побелено 6320 кв. м стен. Бригады дали экономию фабрике по восстановлению здания в 12645 руб. 259 человек отработали на восстановлении фабрики 15154 человеко-часов.

Ударно трудились все 3 комсомольско-молодёжные бригады. Особо отличились секретарь комсомольской организации Т.И. Калинина, М.А. Бобовникова, А.В. Шошина, Лобан, Никифорова и др., дававшие по 2–3 нормы в смену [17, с. 330, 338].

Благодаря усилиям всего коллектива фабрики план октября был выполнен на 115,9%. Все ударники соцсоревнования были награждены почётными грамотами и премированы отрезами на платье, шерстяными юбками, туфлями и т.п. [2, л. 83]

Немало было сделано и по успешному выполнению годового, 1944 г., плана и по восстановлению предприятия. За проделанную работу по восстановлению фабрики всему её коллективу была объявлена благодарность. Особо отличились смена Беликовой, молодёжная бригада во главе с бригадиром-мастером Амелиной, мотористка-двухстаночница К.И. Михеева, мотористка Синякова и др. Они также были награждены грамотами и ценными подарками [2, л. 117-118].

Одновременно с работой по производству продукции шел процесс дальнейшего восстановления производственных мощностей фабрики. Для решения этой важной задачи в 1944 г. фабрике выделялось 180 тыс. руб. капиталовложений [5, л. 10]. Их освоение позволило увеличить мощность фабрики до 104 универсальных машин с выпуском продукции на 1852 тыс. руб. [1, л. 12]

В 1944 г. продолжался количественный рост стахановцев и ударников. На 1 января 1945 г. они составляли 41,3% ко всем рабочим фабрики [7, л. 377]. Среди них немало было передовых рабочих, которые не только выполняли, но и значительно перевыполняли установленные для них производственные нормы. Например, К.И. Павлова, А.И. Дурнева, В.П. Звягинцева, Выскребенцева и др. выполняли установленную для них норму выработки от 200 до 250% [6, л. 55–56, 63а].

Основную массу работников швейной фабрики составляли женщины. Из 450 работников фабрики, которые состояли на учёте на 1 января 1945 г., 404 человека составляли женщины [3, л. 5].

В 1944 г. на фабрике большое внимание уделялось подготовке и переподготовке кадров. Основная масса учащихся обучалась швейному делу. Так, швейников было подготовлено и переподготовлено 423 человека,

механиков – 4, ременщиков – 4, нормировщиков – 2, закройщиков – 3, конторщиков – 1 человек [3, л. 3об., 18].

С ростом трудовой активности коллектива фабрики, численности оборудования росла и производительность труда в расчёте на 1 рабочего. Если в 1943 г. среднегодовая выработка на 1 рабочего составляла 4263 руб., то в 1944 г. – 6499 руб., или увеличилась на 152,5%. Однако она оказалась ниже плановой на 25,7%.

Производство валовой продукции возросло с 243 тыс. руб. в 1943 г. до 1352 тыс. руб. в 1944 г., или увеличилась по сравнению с 1943 г. почти в 5,6 раза, однако по сравнению с плановым заданием оно составило всего 77,3% [7, л. 29].

Не был выполнен и план по производству товаров в натуральном выражении. Планировалось произвести 317816 изделий, а было произведено – 230732, или 72,6% к плану [6, л. 84].

Невыполнение фабрикой производственной программы во многом зависело от того, что фабрике своевременно не поставлялись необходимые материалы, сырьё, электроэнергия. Швейное оборудование не всегда приходило в необходимой комплектации, из-за чего часть его приходилось отправлять на склад.

В 1945 г. государственная швейная фабрика продолжала наращивать производство продукции. В этом году планировалось выработать 473600 изделий на 3260 тыс. руб., в т.ч. по заданию НКО – 180 тыс. х/б гимнастёрок и столько же шаровар.

Как видим из приведённых выше данных, 76% швейных изделий планировалось произвести для нужд армии [7, л. 205].

Для выполнения производственной программ 1945 г. фабрике планировалось иметь 533 человек производственного персонала, в т.ч. рабочих 433 человека. Фактически работало меньше [7, л. 213].

В этих условиях ставка делалась на повышение эффективности в работе трудового коллектива фабрики, на поиск новых возможностей по повышению производительности труда. Работники Курской швейной фабрики, изучив новый способ работы укрупнёнными бригадами по методу Егора Агаркова, решили применить этот метод на своём предприятии. На первых порах реорганизовали 4 бригады, объединив их в 2. Это высвободило двух квалифицированных мастеров, которые были направлены на другие виды работ. В этих двух укрупнённых бригадах вместо 24 машин стали работать на 36.

Были вскрыты и другие возможности повышения производительности труда. В частности, бригады были переведены на несъёмный процесс работы (непрерывный поток), что дало значительный эффект, сказавшийся уже с первых дней работы по-новому. Ликвидирован процесс перезарядки машин. Тем самым сокращён расход ниток и увеличена плотность рабочего времени. Это внесло также большую чёткость в учёт выработки продукции.

Найден также способ экономии ниток путем перевода машин с трёх ниток на две. Этот способ давал возможность экономить 1200 катушек ниток в месяц [18, 12 января].

Одновременно фабрика пополнялась новыми швейными машинами.

Как и в предыдущие годы, трудовой коллектив швейной фабрики № 1 активно участвовал в социалистическое соревнование в связи со 2-й годовщиной со дня освобождения города Курска от немецко-фашистских захватчиков, днём рождения Красной Армии, днём 1 Мая. Было развёрнуто массовое индивидуальное соревнование по профессиям.

Всё это позволяло трудовому коллективу фабрики даже в крайне тяжёлых условиях наращивать производство валовой продукции. Так, в первом полугодии 1945 г. планировалось произвести 201 тыс. штук изделий, а было произведено 276 тыс., или на 137,7% больше. Правда, в денежном выражении план не был выполнен, поскольку фабрика в основном выпускала дешёвую продукцию: подушечные наволочки (54,8 тыс. штук), мешки из материала заказчика (65,8 тыс. штук) и др.

Были и другие причины невыполнения производственного плана. Для выполнения установленной на 1945 г. производственной программы фабрике в 1-м полугодии требовалось иметь при работе в 2 смены 230 швейных машин, в т.ч. надомниц с 32 машинами, во 2-м полугодии – 341 швейная машина, из которых надомниц с 41 машиной [7, л. 204].

Однако, к концу 1945 г. на швейной фабрике насчитывалось только 243 усовершенствованных швейных машин, 17 – специальных, а всего 260 машин. Из них действующих универсальных – 150, специальных – 6 машин.

Остальные машины находились на складе, как не имевшие полной комплектации.

Из действующих универсальных машин 26 были заняты под школу ФЗО [7, л. 378].

В 1945 г. руководство фабрики большое внимание уделяло подготовке и переподготовке кадров. В этом году было подготовлено и переподготовлено 642 человека [3, л. 52]. Кроме того, 95 человек подготовлено через школу ФЗО, которая была организована при фабрике в 1944 г. [1, л. 10]

Важным условием роста производительности труда являлся перевод рабочих на сдельную оплату труда. По отчёту УЛП области, из 342 человек среднесписочных рабочих на 1 января 1945 г. на сдельщине трудились 312 (91,2%), на 1 января 1946 г. – соответственно из 391 и 354 рабочих, или 90,5% [12, л. 3 об.].

В 1945 г. продолжалась работа по восстановлению фабрики и наращиванию её производственной мощности. Из выделенных в 1945 г. 280 тыс. руб. капиталовложений было использовано 190 тыс. руб. (67,8%) [12, л. 224].

На выделенные средства был произведён монтаж и сданы в эксплуатацию 50 швейных машин на трансмиссионных установках, сделан монтаж силовой установки на 95%, восстановлен 3-й этаж главного корпуса с технической готовностью 60% [12, л. 2].

Несмотря на усилия трудового коллектива, в 1945 г. фабрика вынуждена была длительное время простаивать из-за несвоевременных поставок материалов и электроэнергии.

По отчёту УЛП области из фактически отработанных в 1945 г. 624954 человеко-часов общие простои фабрики составили 232920 человеко-часов (37,3%), в т.ч. из-за отсутствия электроэнергии - 221033 человеко-часов, или 94,9% ко всем простоям [12, л. 2 об.].

Вследствие этого в 1945 г. фабрика работала крайне неравномерно.

Длительные простои из-за недопоставок материалов и электроэнергии привели, в конечном итоге, к невыполнению фабрикой производственной программы. Производственную программу планировалось выполнить на 3260 тыс. руб., она же была выполнена только на 1839,6 тыс. руб., или на 56,4% к плану [12, л. 2].

Не был выполнен план и в номенклатуре. Так, в 1945 г. планировалось произвести 424585 штук изделий, фактически произведено 374260 штук (88,2%).

По заданию НКО было произведено 100384 х/б гимнастёрок, 102548 х/б шаровар, 907 шерстяных гимнастёрок, 1136 х/б кальсон, 4075 шерстяных шаровар, 54844 подушечных наволочек. Было пошито большое количество гражданской одежды [6, л. 66 об., 75–76].

Тем не менее на швейной фабрике № 1 работало немало передовиков производства. Из 366 человек среднесписочного состава производственных рабочих на 1 января 1945 г. стахановцев насчитывалось 130 человек, ударников – 13 человек, или 39,1%. К концу 1945 г. стахановцев уже насчитывалось 173 человека, а ударников – 27 человек, или 55,7% к среднесписочному составу производственных рабочих [6, л. 72].

За ударный труд в 1945 г. 4 человека были занесены в Книгу почёта фабрики. Им также было присвоено звание лучших по профессии.

На Доску почёта фабрики занесены 22 человека. За активную работу в добровольческо-строительных отрядах награждены почётными грамотами Курского горкома ВКП(б) и горсовета: А.И. Базарова, Л.И. Амелина, В.В. Калинина, М.С. Голенищева и др.

Нагрудным значком «Отличник социалистического соревнования НКЛП СССР» были награждены 9 человек [12, л. 4об.].

Итак, за 1943–1945 гг. трудовой коллектив Курской государственной швейной фабрики № 1 проделал большую работу по её восстановлению. За эти годы были в основном восстановлены главный корпус фабрики, столовая, медпункт, красный уголок, общежитие для школы ФЗО и т.п.

С каждым годом возрастала производственная мощность фабрики, что позволяло трудовому коллективу фабрики наращивать производство

валовой продукции. И если в 1943 г. её было выработано на 243 тыс. руб., то в 1945 г. – на 1836 тыс. руб., или в 7,6 раза больше.

Если учитывать, что в 1940 г. фабрика произвела валовой продукции в неизменных ценах 1926/27 г. на 6750 тыс. руб., а в 1945 г. – на 1839,6 тыс. руб., то увидим, что это составляло всего 27,2% к довоенному уровню.

В натуральном выражении в 1940 г. было произведено 400 тыс. швейных изделий, а в 1945 г. – 374300 [8, л. 128], или 93,6% к довоенному уровню. Правда, эта продукция в значительной мере состояла из дешёвых изделий.

Наращенная к 1946 г. производственная мощность фабрики, в случае своевременной поставки материалов и электроэнергии, позволяла ей производить значительно больше продукции.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р- 410. Оп. 1. Д. 1.
2. ГАКО. Ф. Р-410. Оп. 1. Д. 2.
3. ГАКО. Ф. Р-410. Оп. 1. Д. 39.
4. ГАКО. Ф. Р-410. Оп. 1. Д. 51.
5. ГАКО. Ф. Р-410. Оп. 1. Д. 52.
6. ГАКО. Ф. Р-410. Оп. 1. Д. 54.
7. ГАКО. Ф. Р-410. Оп. 1. Д. 55.
8. ГАКО. Ф. Р-410. Оп. 1. Д. 56.
9. ГАКО. Ф. Р-410. Оп. 1. Д. 161
10. ГАКО. Ф. Р-410. Оп. 1. Д. 163
11. ГАКО. Ф. Р-4393. Оп. 1. Д. 3.
12. ГАКО. Ф. Р-5080. Оп. 1. Д. 74.
13. Государственный архив общественно политической истории Курской области (далее – ГАОПИКО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3198.
14. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3348.
15. ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 790.
16. ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 793.
17. Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Сб. док. и материалов. Т. 2. – Курск: Кн. изд-во, 1962. – 643 с.
18. Курская правда. 1943;
19. Курская правда. 1944.
20. Курская правда. 1945.

В.В. Коровин,
*доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры конституционного права
ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»*

ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЕННО-ПОЧТОВОЙ СВЯЗИ НА ЦЕНТРАЛЬНОМ ФРОНТЕ ВЕСНОЙ - ЛЕТОМ 1943 ГОДА

Важным морально-психологическим фактором повышения боеготовности войск во время Великой Отечественной войны стало своевременное обеспечение военнослужащих на фронте почтовой корреспонденцией и периодическими изданиями, являвшимися существенным источником информации о состоянии родных и близких, а также о положении дел в тылу. Поэтому органами государственной власти и военного командования уделялось особое внимание вопросам организации перемещения почтовых грузов по территории страны и на передовой.

18 августа 1941 г. газета «Правда» писала: «Важно, чтобы письмо бойца родным, письма и посылки бойцам, которые идут со всех концов страны, не задерживались по вине связистов. Каждое такое письмо, каждая такая посылка именем отцов, матерей, братьев и сестер, родных и знакомых, именем всего советского народа вливают новые силы в бойца, вдохновляют его на новые подвиги».

Учитывая опыт, накопленный в предвоенные годы, военно-полевая почта (ВПП) была возрождена в июле 1941 г. Порядок ее деятельности регламентировался отдельными нормативными актами и инструкциями. Вводимые ими в 1941-1943 гг. изменения касались, прежде всего, порядка адресации фронтовой корреспонденции и ведомственной принадлежности. 21 января 1943 г. был издан приказ № 075 Народного комиссариата обороны СССР «О введении в действие „Наставления по службе военно-полевой почты в Красной Армии“» [1]. Согласно вступившему в силу «Наставлению...», служба военно-полевой почты предназначалась для обеспечения взаимной почтовой связи фронта и тыла страны.

Основными задачами военно-полевой почты являлись: прием и пересылка в тыл и из тыла и доставка адресатам на фронте почтовых отправок, адресованных личному составу Красной Армии и принимаемых от него; прием, пересылка и доставка несекретной служебной корреспонденции войсковых частей (соединений, штабов) и учреждений Красной Армии; пересылка и доставка адресатам на фронте газет, журналов и иных периодических изданий; направление по назначению корреспонденции и запросов гражданских организаций, отдельных военнослужащих и членов их семей, не имеющих полного почтового адреса или адресованных неправильно.

Почтовая связь признавалась одной из важнейших форм взаимной связи фронта и тыла страны, поэтому от личного состава военно-полевой почты требовалось в любых условиях боевой обстановки обеспечивать бесперебойную работу всех военно-почтовых органов, полную сохранность почтовых отправок, их своевременную доставку и вручение адресатам.

На личный состав службы военно-полевой почты возлагалась ответственность за сохранение служебных сведений, являющихся военной тайной. К их числу относились данные о количестве проходящих через каждое учреждение почтовых отправок; о направлении движения военных почт на различных этапах, включая схемы движения; о количестве и группировке приписанных к военно-почтовым станциям и агентствам номеров полевых почт; о предполагаемом изменении пунктов обмена и дислокации различных учреждений военно-полевой почты.

Штабы и политорганы частей и соединений Красной Армии обязывались оказывать службе военно-полевой почты всемерное содействие в выполнении возложенных на нее задач.

В структурном отношении служба военно-полевой почты (ВПП) входила в состав войск Красной Армии. Одним из ключевых звеньев службы ВПП являлись военно-почтовые сортировочные пункты (ВПСП), организуемые для сбора, сортировки и направления на фронт почтовых отправок и газет с прикрепленной к каждому пункту зоны (части территории страны).

Не менее важным структурным элементом в этой сложной системе являлись военно-почтовые базы армий, которые создавались для обработки корреспонденции, направляемой в обслуживаемую базой армию и обратно в тыл страны, а также для перевозки почт на уровне звена: армия – соединение (часть).

Военно-почтовые станции создавались для производства операций по приему и выдаче почтовых отправок при штабах соединений всех родов войск и в отдельных войсковых частях. Войсковые и ротные почтальоны, выделяемые частями и подразделениями, занимались получением почты и газет от военно-почтовых станций и доставкой их адресатам, а почтовые отправления военнослужащих они, соответственно, сдавали в военно-почтовые станции.

Для организации доставки почтовых отправок, пересылаемых военно-полевой почтой, территория СССР распределялась по зонам, прикрепленным к военно-почтовым сортировочным пунктам в соответствии с маршрутами движения почтовых вагонов. Распределение зон и план направления почт согласовывался Главным управлением связи Красной Армии с Народным комиссариатом связи (НКСвязи).

Вся корреспонденция, адресованная на полевую почту, направлялась гражданскими предприятиями НКСвязи в ВПСП своей зоны. Военно-почтовые сортировочные пункты поступающую к ним корреспонденцию сортировали по почтовым адресам и направлениям, согласно имевшимся у

них дислокационным данным, в обменные пункты военно-почтовых баз и военно-почтовых сортировочных пунктов фронтов.

Военно-почтовые базы сортировали поступавшие к ним почтовые отправления по приписанным военно-почтовым станциям. Военно-почтовые станции сортировали корреспонденцию по приписанным к ним номерам полевых почт воинских частей и выдавали войсковым почтальонам частей и подразделений.

Почтовые грузы, отправляемые из учреждений военно-полевой почты и следующие в их адрес, признавались срочными военными грузами. От предприятий НКСвязи до ВПСП и далее к обменным пунктам военно-почтовых баз армий грузы перевозились средствами НКСвязи, курсирующими на данных направлениях.

От обменных пунктов военно-почтовых баз и ВПСП фронтов до ВПС (или до пунктов обмена с ними) корреспонденция перевозилась транспортными средствами военно-почтовых баз. Военно-почтовые станции поступившую к ним почту доставляли своими транспортными средствами и со своим сопровождающим. Все остальные воинские части, учреждения и их подразделения получали почтовые отправления через войсковых почтальонов.

В условиях военного времени лица, ответственные за сопровождение и охрану военно-почтовых грузов в пути, обязаны были принимать решительные меры к сохранению доверенного им груза и к недопущению захвата его противником. В случае неминуемой угрозы захвата военной почты противником она подлежала уничтожению.

Периодическая печать (газеты, журналы, листовки и другие печатные издания) в действующие части и соединения Красной Армии также экспедировались службой военно-полевой почты. Тиражи центральной печати доставлялись издательствами в Главный военно-почтовый сортировочный пункт средствами издательств. Оттуда, согласно разрядке Главного политического управления Красной Армии, периодические издания поступали в военно-почтовые сортировочные пункты фронтов, а далее – по описанной выше схеме.

6 февраля 1943 г. приказом № 0105 НКО СССР был изменен порядок адресации корреспонденции в Красной Армии. Существовавшая до этого система адресации секретной корреспонденции с указанием пунктов дислокации, а также простой корреспонденции по номерам полевых почтовых станций и условным номерам частей, была признана не обеспечивающей в должной мере скрытности дислокации войск, а также усложняющей и замедляющей доставку корреспонденции адресатам.

С целью скрыть истинные наименования частей и соединений Красной Армии, а также для обеспечения большей секретности дислокации войск и упорядочения адресации корреспонденции для всех частей и соединений Красной Армии устанавливались пятизначные номера полевых почт, которые должны были являться официальным наименованием части и

соединения для сношений с гражданскими организациями и частными лицами, а также постоянным несменяемым адресом для направления простой корреспонденции как служебной, так и военнослужащим.

Организационному управлению Генерального штаба к 15 февраля 1943 г. предписывалось присвоить централизованным порядком всем отдельным частям, соединениям и учреждениям действующей армии, а также всем строевым частям и соединениям, дислоцируемым на территории военных округов, номера полевых почт. С момента получения номера полевой почты командирам частей, соединений и учреждений запрещалось вести переписку с гражданскими организациями и частными лицами по действительному наименованию части. Для этой цели можно было использовать только номер полевой почты, как официальное наименование части, имеющее юридическую силу. Переход на новую систему адресации корреспонденции осуществлялся с 1 апреля 1943 года [2].

Во исполнение приказа НКО СССР № 0105 от 6 февраля 1943 г. и в соответствии с приказанием начальника штаба Центрального фронта № 0056 от 12 марта 1943 г. начальникам связи 21-й, 65-й, 70-й и 2-й танковой армий, отделений военно-полевой почты (ОВПП) 19-й, 67-й, 70-й и 2-й танковой армий, а также Военного почтово-сортировочного пункта № 15 (ВПСП-15) были направлены номера полевых почт всех воинских частей, соединений и учреждений, входящих в состав перечисленных объединений.

Приказанием начальника связи Центрального фронта генерал-майора П.Я. Максименко от 12 марта 1943 г. № 0192 для обеспечения своевременного доведения новых почтовых адресов личному составу, а также проведения организационных мероприятий по оформлению приписки полевых почт частей к Военно-почтовым станциям, был отдан ряд указаний.

Во-первых, начальникам связи частей и соединений приказывалось немедленно довести новые почтовые адреса до личного состава. Одновременно провести широкую разъяснительную работу среди личного состава частей о новом порядке адресации, о необходимости срочно сообщить родным новые адреса. Прежде всего, требовалось проинструктировать войсковых почтальонов.

Во-вторых, во всех частях и подразделениях предлагалось произвести проверку назначения войсковых почтальонов. Там, где почтальонов не было, предстояло немедленно их выделить, оформив приказом по части. Все почтальоны частей до 31 марта 1943 г. обеспечивались новыми доверенностями на получение корреспонденции. Доверенности выдавались на бланках со штампами и печатями по номеру полевой почты, присвоенному части.

В-третьих, одновременно с сообщением номеров полевых почт частям, предполагалось организовать немедленную приписку войсковых

частей и учреждений к военно-почтовым станциям (ВПС) по номерам полевых почт.

Донесение об исполнении, т.е. о приписке полевых почт частей к военно-почтовым станциям, приказывалось представить в отдел Военно-полевой почты Управления связи Центрального фронта 22 марта 1943 года. Последующие донесения о приписке должны были направляться через каждые три дня [16, л. 242].

С 1 апреля 1943 г. запрещалось штемпелевать корреспонденцию старыми календарными штемпелями. С этого времени штемпелевание простой корреспонденции производилось «безномерным» календарным штемпелем нового образца; регистрируемой корреспонденции – календарными штемпелями с номерами полевых почт (а переводов – еще и новыми контрольными печатями). Информацию обо всех изменениях в приписке и отписке полевых почт к военно-почтовым станциям и Военно-почтовым базам, требовалось немедленно доводить до отдела Военно-полевой почты Управления связи фронта телеграфом с одновременным подтверждением секретной почтой [16, л. 243].

В случае затруднений, возникающих при обработке фронтовой корреспонденции, ведомственными инструкциями предписывалось разделять ее на несколько категорий. Был установлен порядок обработки и дальнейшей пересылки подобной корреспонденции. Так, к 1-й категории относились отправления с неясным и неточным указанием адреса (отсутствует номер полевой почты, не указана фамилия адресата и другие неточности). 2-я категория – корреспонденция в адрес частей по номерам полевых почт, не значившихся в дислокациях. 3-ю категорию составляла корреспонденция в адрес полевых почт, отписанных от ВПС, ВПБ (Военно-почтовых баз) ВПСП и предприятий связи и не приписанных к органам военно-полевой почты или предприятиям Наркомата связи, а также задержанная по распоряжению командования. 4-я категория включала корреспонденцию, не врученную в частях адресатам воинскими почтальонами по разного рода причинам и возвращенную Военно-почтовыми станциями в ВПБ, фронтовые и тыловые ВПСП.

Порядок учета и обработки корреспонденции, отнесенной к той или иной категории, излагался в наставлении по службе военно-полевой почты в Красной Армии [16, л. 430]. Во всех случаях подобные почтовые отправления подвергались тщательной проверке с использованием всех возможностей их доставки адресатам. Сведения о наличии «категорной» корреспонденции в почтовых учреждениях Центрального фронта за июль – август 1943 г. приведены в таблице [16, л. 589]:

Учреждения	На 1 июля 1943 г.				На 1 августа 1943 г.			
	1 кат.	2 кат.	3 кат.	4 кат.	1 кат.	2 кат.	3 кат.	4 кат.
ВПСП-15	201	2698	5408	134	не учт.	11408	15877	не учт.
ВПБ армий	109	0	0	4835	86	0	0	6786

По сообщению заместителя начальника Управления связи Центрального фронта майора Д.Т. Морозова, от 15 июля 1943 г. о работе военно-полевой почты фронта в период боевых действий с 1 по 15 июля 1943 г., схема движения почтовых отправок оставалась неизменной. Фронтной ВПС-15 дислоцировался в Ельце, имея обменный пункт с фронтными военно-почтовыми базами в Курске и в Ливнах.

В целях ускорения доставки центральных газет, поступление которых поездом до Ельца стало ежедневным, с 1 июля 1943 г. их доставка из Ельца в Курск производилась специально выделенными самолетами Р-5 и Як-6. Соответствующее приказание было отдано Членом Военного Совета фронта генерал-майором К.Ф. Телегиным и приказом по 16-й воздушной армии. Благодаря этому московские газеты стали попадать в части фронта на второй день после выхода их из печати, на одни сутки раньше, чем это происходило прежде.

Обмен почтовыми отправлениями между армейскими ВПБ и фронтной ВПС, а также между ВПС и ВПБ производился бесперебойно, ежедневно, в установленные сроки. Для удобства обмена ВПС действующих частей с базами, обменные пункты баз в 70-й и 13-й армиях были приближены к ВПС. В 70-й армии обменный пункт из с. Н. Головинка был переведен в с. Нижний Реут, в 13-й армии обменный пункт из Ольховатки переводился в Нижнее Смородино.

Весь личный состав ВПС, несмотря на частые массированные налеты авиации противника, продолжал оставаться на местах несения службы и обеспечивал оперативную доставку газет и писем. Так, старший приемщик ВПС-53465 Е.И. Баталова, будучи раненой, явилась на обменный пункт, получила почту и доставила ее по назначению. Приказом по 175 сд 48 А 5 сентября 1943 г. она была награждена медалью «За боевые заслуги» [8, л. 319]. 24 июля 1943 г. погиб начальник ВПС-14869 (745 сп 141 сд) ефрейтор И.Б. Рожнов [15, л.139об.]. Начальник еще одной ВПС был легко ранен. Потеря почты и имущества не имелась [16, л. 463].

Согласно справке, составленной помощником начальника отдела Военно-полевой почты Управления связи Центрального фронта майором И.В. Самойленко, с 1 по 15 июля 1943 г. объем полученной и отправленной армейскими военно-почтовыми базами корреспонденции выражался в следующих цифрах [16, л. 464]:

ВПБ армии	Начальник отдела связи армии	Получено из тыла в армию		Отправлено из армии в тыл
		газет	писем	писем
13 А	Ахременко И.Ф.	815000	832000	335200
70 А	Новгородкин Н.Х.	238000	494800	242000
48 А	Мамотко С.С.	202400	299000	223000
65 А	Борисов А.И.	195400	538800	420400
60 А	Нестеров С.С.	190500	765600	199400

2 ТА	Смолий И.С.	177600	370200	273800
Итого:		1818900	3300400	1638000

Вопрос своевременного почтового обслуживания военнослужащих находился на постоянном контроле у командования. Так, 10 августа 1943 г. заместитель начальника Управления связи Центрального фронта майор Д.Т. Морозов докладывал Члену Военного Совета фронта генерал-майору К.Ф. Телегину об итогах проверки обеспечения письмами и печатью бойцов и командиров частей и соединений, переданных из состава 13-й в 70-ю армию.

В результате проведенной проверки было установлено, что для обеспечения регулярного получения газет и писем в частях и соединениях, которые передавались из состава одной армии в другую, на прежнем месте дислокации оставлялись представители военно-полевой почты, которые всю поступающую корреспонденцию нарочными переправляли в новые пункты дислокации частей и соединений.

Одновременно был организован постоянный контроль за своевременной отпиской и припиской полевых почт к армейским Военно-почтовым базам. В лицевой карточке Военно-почтовой станции при переездах указывались время прекращения обмена почт в прежнем месте дислокации и время возобновления получения почты в новом пункте. В большинстве своем воинские части и соединения по прибытии на новое место, уже имели возможность получить почтовые отправления и газеты. За время перегруппировки лишь одна полевая почта (№ 64183 из 13-й армии) на сутки прервала получение писем и газет.

Обратную почту из армии в тыл страны, воинские части отправляли через ближайšie Военно-почтовые станции и Военно-почтовые базы. Проверявшие работу военные диспетчеры Главного управления связи РККА дали положительную оценку организации обслуживания частей в период наступательной операции [16, л. 541].

24 августа 1943 г. фронтовое управление связи подготовило доклад «Об опыте работы военно-почтовой связи Центрального фронта в период наступления войск с 5 июля 1943 г.», отправленный в Управление военно-полевой почты ГУС КА. В документе отмечалось, что за время активных оборонительных и наступательных операций войск на участках Центрального фронта, органы военно-полевой почты работали безотказно.

В условиях непрерывных боевых действий и частых перемещений воинских частей, соединений, которые часто входили и выходили из состава армии, требовалась исключительная оперативность, быстрая маневренность в организации движения и доставки печати и почты.

С поставленными задачами органы военно-полевой почты справились успешно, чему способствовал целый ряд проведенных организационных мероприятий. Так, все части военно-полевой почты были своевременно обеспечены подвижными средствами, и весь автотранспорт был приведен в хорошее состояние. Для ускорения перевозки печати и почты на дальних

участках, было выделено 12 самолетов. Личный состав был проверен и укреплен опытными командирами. С учетом наиболее эффективного и быстрого движения почтовых отправок внутри фронта пересматривалась дислокация ВПС и обменных пунктов [16, л. 565].

За работой ВПС и ВПБ, а также движением и доставкой почты был организован систематический контроль путем непрерывного пребывания на местах руководящих командиров со стороны ОВПП фронта. Комплекс перечисленных мероприятий придал оперативную мобильность военно-почтовой связи, в результате чего большая маневренность соединений во время боевых действий не смогла нарушить нормальной работы.

В связи с прибытием новых частей и соединений, сеть военно-полевой почты Центрального фронта на 10 августа 1943 г. состояла из 2359 полевых почт, 171 военно-почтовой станции, 7 военно-почтовых баз, 8 отделений военно-полевой почты, отдела Военно-полевой почты фронта и ВПСП-15 с общим количеством личного состава 1187 человек.

Через военно-почтовую связь фронта в июле 1943 г. было получено и доставлено: из тыла в армию – 10 396 000 писем, 3 196 950 газет и журналов, 6 723 посылки; из армии в тыл – 4 127 000 писем, 2 885 посылок.

По сравнению с апрелем – маем 1943 г. поступление корреспонденции в июле увеличилось в два раза, в связи с чем возросли нагрузка и объем работы при остававшемся неизменным количестве сотрудников, предусмотренных штатным расписанием.

В середине июля и первой половине августа 1943 г. ежедневно обрабатывалось и сортировалось адресатам 1,75 тонны входящих писем и 750 кг исходящих в тыл страны почтовых отправок. Газет и журналов ежедневно доставлялось более 200 тыс. экземпляров [16, л. 566].

Для достижения оперативности работы военно-полевой связи, важную роль играл анализ оперативной обстановки на фронте. Поэтому ОВПП УС ЦФ во всех случаях перемещения частей и соединений своевременно принимал решения об организации дополнительных обменных пунктов или перемещения Военно-почтовых баз, а также усиливал их подвижные средства на сопредельных участках.

За время ведения активных боевых действий соединения армий от своих исходных позиций (занимаемых на 5 июля 1943 г.) продвинулись вперед на 100-150 км. Но независимо от удаления соединений от ВПСП-15 (г. Елец), затрата времени на доставку корреспонденции по фронту сократилась. Так, до начала боев обычная доставка писем и газет от Ельца до Курска осуществлялась автотранспортом. Затраты времени на транспортировку почты от обменного пункта ВПСП-15 до армейских военно-почтовых баз в среднем составляли 10 часов. После 5 июля 1943 г. в район проведения решающих операций почту доставляла авиация.

Для ускорения почтовой обработки были организованы дополнительные промежуточные обменные пункты ВПСП-15 в населенных

пунктах Мирюлобово (4 км западнее Фатежа) и Дросково (севернее Ливны), что приблизило их к ВПБ армий фронта [16, л. 567].

На участке Елец – Курск потребности военно-полевой почты обслуживали два самолета ЯК-6, ежедневно доставлявшие до Курска прибывающие в Елец поездом газеты и письменную корреспонденцию. В Курск обменным пунктом ВПС-15 пересылались ежедневно получаемые из Москвы 12,5 тыс. экземпляров газет «Правда» и «Красная Звезда». На доставку центральных газет и фронтовой печати из ОП ВПС-15 (Курск) до обменных пунктов армий первых эшелонов было выделено и закреплено 12 самолетов. Шесть самолетов вылетали с фронтовой газетой «Красная Армия» в 8 часов и прибывали в армии в 10 час. 30 мин.

Еще шесть самолетов вылетали из ОП ВПС-15 в 16 часов (в зависимости от прилета самолетов с периодической печатью из Москвы и Ельца), прилетая в армии в 17-18 часов. Обратные рейсы самолетов использовались для перевозки исходящей почты из армий в тыл страны. Параллельно автотранспортом перевозились исключительно тяжеловесные почтовые отправления.

При такой системе организации военно-почтовой связи все соединения армий во время боевых действий и продвижения войск могли получать фронтовую газету в день ее выхода к 10-11 часам, а центральную печать – так же в день выхода к 17-18 часам, иные почтовые отправления – на второй день.

Параллельно с этим ускорилось на сутки и прохождение письменной корреспонденции. При наличии поступления на обменные пункты ВПС-15 три раза почты и печати, был организован двухразовый обмен почт ВПС-15 с ВПБ, а последние организовали двухразовый обмен почт с приписанными к ним ВПС. По пяти хозяйствам ВПБ организована двухразовая доставка писем и газет на передовые линии.

Скорость прохождения поступающих писем внутри фронта до адресата в июле и августе 1943 г. составляла до ближайших хозяйств 7 час. 30 мин. и дальних – 16 час. 30 мин., с учетом затрат времени на их обработку на всех звеньях.

Приведем график прохождения корреспонденции на примере работы военно-полевой почты двух армий Центрального фронта, чьи военно-почтовые базы находились на разном расстоянии от обменного пункта ВПС-15 [16, л. 568]:

Наименование ВПБ	Время получения почты на ВПС-15	Время прибытия на ВПБ	Обработка на ВПБ	Время прибытия почты на ВПС	Время вручения адресатам	Затрата времени
ВПБ «АВ»	14.30	16.30	3.00	19.30	до 22.00	7.30
ВПБ «ВО»	14.30	17.30	2.30	20.00	5.30	18.00

Определенный интерес представляют данные о времени прохождения писем, пересылаемых из Военно-почтовых сортировочных пунктов, дислоцировавшихся в разных регионах СССР. Так, военными связистами было установлено, что из ВПСП-1 (Москва) письма поступали на фронт на 6-й день, из ВПСП-48 (Куйбышев) – на 10-й день, из ВПСП-9 (Ташкент) – на 15-й день, из ВПСП-24 (Новосибирск) на 16-й день. В то же время письма из ВПСП 6, 10, 11 и 35 письма были переправлены на фронт в течение месяца только два раза.

20 августа 1943 г. ВПСП-15 был передислоцирован в Курск, его представители командировались в Орел для изыскания возможности направления почт кратчайшими маршрутами на участке Москва – Орел – Курск. Обменный пункт ВПСП-15 на ст. Елец закрывался с перемещением его в Орел. Передислокация ОП была вызвана необходимостью подготовки к осенней распутице. Организация ОП ВПСП-15 в Орле позволяла использовать для транспортировки почты имеющуюся шоссейную дорогу независимо от погодных условий.

В связи с изменениями в общем направлении перемещения войск фронта, отдел Военно-полевой почты занимался передислокацией всех армейских ВПБ, а также пересмотром и организацией новых обменных пунктов ВПСП-15 [16, л. 570].

В результате регулярно проводимых контрольно-проверочных мероприятий было выявлено 13 случаев нарушения контрольных сроков внутренней обработки корреспонденции по ВПСП-15 и ВПБ, что привело к задержке на сутки обработкой в среднем 110 кг корреспонденции. Эти нарушения объяснялись неравномерностью поступления корреспонденции из прикрепленной зоны. Предприятия связи Курской области, не имея ежедневной связи с местом дислокации ВПСП-15, накапливали у себя корреспонденцию, а потом отправляли всю ее попутным транспортом. Почта предприятий связи из Курска до Ельца стала доставляться вместе с почтой из ВПБ фронта средствами ВПСП-15 и это обеспечило равномерность ее поступления на ВПСП-15 [16, л. 586].

В производственном процессе ВПСП-15 проводился ряд мероприятий, позволявших продолжать работу, не нарушая контрольных сроков внутренней обработки. Нормы выработки доводились до всех сортировщиков и дислосортировщиков из расчета 10 часов. Для успешного выполнения установленных норм были изготовлены сортировочные шкафы, приспособлены мешкодержатели, организовано специальное рабочее место по обработке корреспонденции с неясными и неточными адресами, закреплен определенный диапазон номеров полевых почт за каждым сортировщиком, разработан план направления корреспонденции из ВПБ и ВПС, прикрепленных к ВПСП-15, заведен ежедневный учет норм выработки и ежедневно показатели доводились до сведения всех сортировщиков.

Основной причиной невыполнения норм обработки почтовых отправок, чаще всего, становилось некорректное указание адресов на письмах. В результате часть сортировщиков заданную 10-часовую норму выполняли в течение 15-16 часов. При ночном освещении продуктивность сортировки снижалась, в сравнении с работой днем, что тоже оказывало влияние на выполнение норм выработки.

Особое внимание обращалось на качество обработки почтовой корреспонденции. Для этого выделялись лучшие специалисты, контролировавшие ход выполнения работ и занимавшиеся ведением учета выявленного брака. Контролеры ежедневно проводили проверку рабочих мест, уделяя внимание вопросу правильности сортировки. Проверкой охватывалось 8-10% обрабатываемой корреспонденции. Выявленный брак устранялся на местах, а бракоделу давались указания на исправление допущенных ошибок и с ним проводился дополнительный инструктаж. Одновременно выяснялись причины возникновения брака.

Как следует из представленных ниже данных о выявленных случаях брака в работе ВПП, количество нарушений в работе ничтожно мало по сравнению с объемами обрабатываемой корреспонденции [16, л. 587]:

Учреждения	Нарушение правил обработки почты		Случаи «засортировки» и «засылки» корреспонденции	
	июнь 1943 г.	июль 1943 г.	июнь 1943 г.	июль 1943 г.
ВПСИ-15	98	122	563	704
ВПБ армий	225	261	279	346

Увеличение числа выявленных случаев брака в июле 1943 г. объяснялось усилением деятельности эксплуатационного контроля.

Для повышения качества работы ВПП на протяжении мая – июля 1943 г. весь личный состав (рядовой, сержантский, офицерский) проходил подготовку по специально разработанной трехмесячной программе. Слушатели курсов изучали нормативные документы – дополнения к правилам почтовой эксплуатации на военное время; правила экспедирования печати; инструкции о порядке адресации корреспонденции в Действующей Красной Армии, по организации ВПС и ВПБ.

Боевая подготовка служащих ВПП включала изучение воинских уставов и правил пользования противогазом, а также материальной части винтовки и способов владения личным оружием. В результате проведенной учебы повысилась эффективность работы. Кроме того, учитывая замену военнотружущих молодых возрастов и пополнение личного состава ВПП за счет ограниченно годных, учеба давала возможность своевременно осуществить их профессиональную подготовку [16, л. 588].

Особое внимание руководства ВПП уделялось работе войсковых почтальонов. По состоянию на 1 августа 1943 г. их численность составляла 2321 человек. Управлением связи фронта была проверена работа 283 почтальонов. Не доставленной корреспонденции проверка не обнаружила.

По отзывам бойцов и командиров, почтовым обслуживанием они вполне удовлетворены.

Наиболее качественно эта работа была поставлена в войсковой части – полевая почта 28836. Войсковой почтальон А.Л. Язовский распределял газеты точно по разрядке, своевременно переправляя их на передовую. Письма доставлялись им непосредственно в окопы и блиндажи. В связи с недостатком газет, почтальон Язовский организовал сбор прочитанных газет с передачей их на следующий день в другие подразделения. Почтальон покупал открытки, конверты, бумагу, карандаши в Военторге и обеспечивал этими письменными принадлежностями бойцов. Малограмотным сослуживцам он оказывал помощь в написании писем и адресов [16, л. 590].

Наряду с этим, командование обращало внимание и на недобросовестную работу. Например, при проверке была установлена трехдневная задержка доставки 121 письма полевой почтой 78178, где войсковой почтальон В.И. Бертин не доставлял корреспонденцию непосредственно адресатам, а передавал ее через проходящих бойцов. По договоренности с командованием он был заменен другим военнослужащим [16, л. 591].

На совещании войсковых почтальонов 65-й, 70-й и 13-й армий был поставлен вопрос о качестве и методах обслуживания личного состава в период обороны и наступательных операций, а также проведен инструктаж. Наряду с этим устанавливался порядок, при котором начальник ВПС проводил инструктаж по всем вопросам, входящим в круг обязанностей войскового почтальона.

Ратный труд военнослужащих военно-полевой почты Центрального фронта был высоко оценен Родиной, около 300 из них имели боевые награды. Так, почтальон ВПС-2206 (2 ТА) красноармеец А.С. Лохматкин был награжден медалью «За боевые заслуги». В ходе боевых действий он ежедневно доставлял газеты и письма на передовую, пользуясь заслуженным авторитетом у сослуживцев [5, л.17]. Той же наградой отмечено образцовое обслуживание личного состава почтальонами А.И. Городовым (ВПС-947) [3, л.561] и С.А. Зубаревым (ВПС-1780) [11, л. 253], начальниками ВПС-1465 Ф.А. Храмовым [7, л. 354] и ВПС-464 – И.С. Фоменко [10, л. 227] из 13-й армии, начальником ВПБ 65-й армии капитаном И.В. Орловым [9, л.259].

Медалью «За Отвагу» командование наградило служащих ВПС-28 штаба Центрального фронта красноармейца-водителя Л.К. Грызуна [4, л. 162] и младшего приемщика сержанта В.И. Цабибина [4, л. 171-171об.], а также водителя ВПС-15 Н.Ф. Ермачева [4, л. 164]. Военная служба начальника ВПС-687 (13 А) П.П. Спихина была отмечена не только медалью «За Отвагу», но и орденом Красной Звезды [13, 137]. Почтальон 73-й стрелковой дивизии 48-й армии Н.К. Журов стал кавалером орденов Красной Звезды и Отечественной войны 1 степени, был удостоен медали «За боевые заслуги» [6, л. 349; 12, л. 284; 14, л.10].

Приведенные факты свидетельствуют о том, что личный состав органов военно-полевой почты Центрального фронта при исполнении служебных обязанностей проявлял мужество, воинскую доблесть и самоотверженность. Своим добросовестным трудом служащие ВПП своевременно обеспечивали бойцов и командиров необходимой корреспонденцией и новостной информацией, способствуя поддержанию высокого уровня морально-волевых качеств воинов Действующей армии.

Источники и литература

1. Приказ НКО СССР № 075 от 21 января 1943 г. // Солдат.ру: сайт. URL: <http://www.soldat.ru/doc/nko/text/1943-075.html> (дата обращения 15.01.2019).

2. Приказы Народного Комиссара Оборона СССР. 1943–1945 гг. Т. 13 (2–3). – М.: Терра, 1997. – С. 63–64. – (Русский архив: Великая Отечественная).

3. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. (далее – ЦАМО РФ). Ф. 33. Оп. 682526. Д. 43.

4. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682526. Д. 142.

5. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682526. Д. 406.

6. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682526. Д. 536.

7. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682526. Д. 1022.

8. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682526. Д. 1413.

9. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 901.

10. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 1037.

11. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 3967.

12. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 3976.

13. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 565.

14. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 1466.

15. ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 18001. Д. 304.

16. ЦАМО РФ. Ф. 226. Оп. 347. Д. 26.

М.И. Корольков,

*Председатель Совета Липецкого областного
отделения Всероссийской общественной организации
«Всероссийское общество охраны памятников
истории и культуры»*

РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ПРИЗРЕНИИ НИЖНИХ ВОИНСКИХ ЧИНОВ, ИХ СЕМЕЙСТВ: 1904 – 1906 гг.

Призрение семейств погибших на войне нижних чинов неоднократно привлекало внимание правительства России и было законодательно

закреплено в Уставе о воинской повинности (1874 г.). В Уставе предусмотрены три вида призрения:

- 1) призрение самих нижних чинов, утративших трудоспособность вследствие полученных ими на действительной службе ранений или увечий;
- 2) призрение семейств погибших на войне (убитых, умерших от ран или болезней в районе военных действий и пропавших без вести);
- 3) призрение семейств запасных, принятых на действительную службу.

Первый вид призрения регламентирован в ст. 36, а порядок назначения пособий воинам, потерявшим здоровье и трудоспособность, определялся особыми правилами, приложенными к этой статье.

Второй вид призрения, предусмотренный ст. 37, относился к семействам нижних чинов, погибших на поле брани. Для его реализации требовалось особое положение, которое до апреля 1906 г. не было разработано и утверждено.

Третий вид призрения семейств запасных, призванных на военную службу, представлен в 12 статьях, составляющих приложение к ст. 38.

Ратники ополчения и их семейства имели право на призрение, как и запасные нижние чины [1, л. 27 об., 28].

После издания Устава о воинской повинности для разработки вопроса о призрении была образована в 1875 г. Комиссия при Военном министерстве под председательством генерал-адъютанта графа Л.Л. Гейдена. Составленный комиссией проект пенсионных правил для семейств умерших на войне был внесен в 1877 г. на рассмотрение законодательным порядком. Ввиду начавшейся войны с Турцией (1877–1878 гг.) Государственный совет не утвердил проект и испросил Высочайшего повеления о назначении для пересмотра правил особой Комиссии под председательством графа Ф. П. Литке. Заключение Комиссии получило одобрение Государственного совета и было Высочайше утверждено 26 февраля 1878 г.

Во время войны 1877–1878 гг. возникла необходимость применения каких-либо оснований в отношении призрения семейств воинов, погибших на войне. Законодательную лакуну – отсутствие соответствующего Положения – закрыло Высочайшее повеление от 26 февраля 1878 г. о порядке призрения семей погибших в турецкую кампанию: призрение таких семей выполнялось по ранее установленному порядку призрения семейств запасных чинов, принятых на действительную службу. Такой порядок призрения действовал и в годы Русско-японской войны [1, л. 28].

В дальнейшем разработка пенсионных правил проводилась междуведомственной Комиссией при Министерстве внутренних дел. До составления правил Комиссия истребовала по обсуждаемому вопросу сведения и заключения от губернских земств (1, л. 28 об.). Летом 1884 г. Комиссия препроводила проект правил в Военное министерство, на которое «в силу Высочайшего указа от 26 февраля 1878 г. возложена была выработка окончательных по сему вопросу предположений» [1, л. 29]. Работа

Комиссии, образованной по распоряжению Военного министерства под председательством генерал-лейтенанта Мезенцова, прервалась вследствие его смерти в 1897 г. [1, л. 29 об.].

Работа всех Комиссий не привела к единому мнению по главному вопросу: следует ли расходы по обсуждаемому виду призрения отнести на средства казны или требуется привлечение средств местных источников? [1, л. 30].

Труды Комиссии не получили монаршего утверждения, ибо Военное министерство, нарушив Высочайшее повеление, не представило разработанный Министерством внутренних дел законопроект на рассмотрение Государственного совета.

Война с Японией вызвала необходимость вновь обратиться к выработке оснований для обеспечения семей погибших воинов.

Разработку проекта правил по этому вопросу, согласно Высочайше утвержденному 30 мая 1905 г. мнения Государственного совета, поручили Министерству внутренних дел и Военному министерству.

Для исполнения поручения Государственного совета была образована при Главном управлении по делам местного хозяйства междудементальная Комиссия (в её состав вошли представители от Министерств внутренних дел, Финансового и Военного, а также от Александровского Комитета о раненых и от состоящего под покровительством императрицы Марии Федоровны попечительства о семьях нижних чинов, призванных на военную службу), которая рассмотрела вопросы об обеспечении участи вдов нижних чинов, а также тех близких родственников нижних чинов, которые содержались их трудом. 14 марта 1906 г. Комиссия представила проект правил об обеспечении вдов нижних чинов, погибших в войну с Японией, для законодательного рассмотрения на текущей сессии Государственного совета.

В сопроводительном письме к Государственному секретарю министр внутренних дел П.Н. Дурново отметил, что при обсуждении проекта представитель Министерства финансов «... возражал против принятого большинством членов пенсионного из казны обеспечения вдов, мною сообщено министру финансов о доставлении замечаний на проект непосредственно Вашему Высокопревосходительству» [1, л. 1–1 об.].

Междудементальная Комиссия не занималась обсуждением вопроса об обеспечении сирот воинов, погибших на войне с Японией, т.к. 16 июня 1905 года Высочайше утверждены правила об обеспечении детей лиц, погибших в войну с Японией. Позже были законодательно закреплены пенсии вдовам защитников Порт-Артура (закон 2 января 1906 г.) и вдовам сверхсрочных строевых нижних чинов унтер-офицерского звания и нестроевых старшего разряда (ст. 463 кн. VIII Свода военных постановлений) [1, л. 38].

Кроме того, ранее приказом по военному ведомству от 8 ноября 1898 г. (№ 278) объявлен новый закон о праве семейств нижних чинов на

получение пенсии из Александровского комитета о раненых. В случае смерти нижних чинов, состоявших в покровительстве Комитета о раненых, пенсия от комитета назначалась:

а) вдовам, не могущих добывать себе пропитание личным трудом по болезненному состоянию, преклонному возрасту или вследствие необходимости ухода за своими малолетними детьми;

б) сиротам, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, которые, находясь в совершенной бедности, подверглись тяжким болезням...

Покровительство Комитета распространялось и на членов семейств нижних чинов, которые остались после убитых, без вести пропавших на войне, а также после убитых в мирное время при исполнении служебных обязанностей [3, с. 12].

При обсуждении участи вдов «большинство членов Комиссии остановилось на началах пенсионного обеспечения из казны». Это мнение большинства не поддержали представитель Министерства финансов и два члена Комиссии [1, л. 2 об.].

По согласованному решению обеспечение родственников нижних чинов, погибших в войне с Японией, Комиссия «нашла наиболее правильным признать обязательной для земских и городских учреждений повинностью, удовлетворяемую за счет местных средств» [1, л. 2 об.].

21 марта 1906 г. военный министр, генерал-лейтенант А.Ф. Редигер направил Государственному секретарю отзыв на проект: «По представлению Министра внутренних дел, от 14-го сего марта за № 72, об обеспечении участи вдов нижних чинов, а также тех ближайших родственников этих чинов, которые содержались их трудом, я возражений не имею» [1, л. 36].

К проекту правил поступили замечания и уточнения от Министра финансов В.Н. Коковцова, Государственного контролера генерала от инфантерии П.Л. Лобко, главного управления казачьих войск (подписал Военный министр А.Ф. Редигер) [1, л. 36–38 об., 39, 41–43].

8 апреля 1906 г. состоялось заседание Соединенных Департаментов законов, Гражданских и духовных дел, Государственной экономии и промышленности, наук и торговли, на котором действительный тайный советник Дурново ходатайствовал о присвоении вдовам нижних чинов «прав на пенсии из казны, причем налагает обеспечение ближайших родственников погибших на войне лиц к обязательным земским и городским повинностям, предоставив определение способа выполнения этой повинности усмотрению местных учреждений» [2, л. 47]. Заседание признало целесообразность предположения Министра внутренних дел и постановило принять правила (с учетом замечаний) «в изменение и дополнение узаконений» [1, л. 48].

Следует отметить, что законодательные новации со значительным опозданием доходили до уездных городов, но местные власти оказывали существенную поддержку семьям нижних чинов Липецкого уезда

Тамбовской губернии. Раненым нижним чинам выплачивалось по 5 руб. в месяц из губернских сумм до назначения пособия от казны [2, л. 43], вдовы (убитых или без вести пропавших мужей) получали по 3 руб. в месяц (дети по 2 руб.) [2, л. 21].

Сложность правоприменительной практики можно проследить на судьбе солдатки с. Студенок Липецкого уезда Александры Романовны Рыжковой. Она получала пособие за мужа с 23 ноября 1905 г. по 1 января 1906 г. В январе 1906 г. выдача пособия была прекращена, т.к. муж возвратился с войны, но вскоре умер. В просьбе назначить пособие Рыжковой отказали: «... муж умер не на войне, а уже по возвращении на родину, когда был перечислен в запас» [2, л. 30]. Рыжкова обращается 23 февраля 1906 г. в канцелярию воинского начальника: «Вдова умершего солдата Константина Рыжкова, возвратившегося с дальнего востока в безнадежном состоянии, Александра Романовна Рыжкова просит сделать надлежащее распоряжение о выдаче ей пособия для поддержания себя, а также дочери и на воспитание последней путем принятого порядка им исходатайствовать онаго, каковые, вероятно, уже готовы, так как она уже заявляла Вам три раза, и она надеется чрез сие получить немедленно удовлетворение. На сие её отношение просит немедленного удовлетворения или ответа, в случае неблагоприятного ответа или откладывания она имеет в виду обратиться к могущему быть вскорости здесь в Липецке Губернатору, который, получив от неё ясное описание, как с ней поступали, должен будет приступить к пресечению нескорого исполнения чинами своего долга. За неграмотную расписался Иван Быханов». На жалобе имеется пометка «копия снята» [2, л. 38, 38 об.]. Ответа на жалобу не последовало...

Источники и литература

1. Российский государственный исторический архив. Ф. 1149. Оп. XIII-1906. Д. 66.
2. Государственный архив Липецкой области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 436.
3. Сборник законоположений о назначении пенсий из Комитета о раненых отставным нижним чинам раненым и увечным вообще, и состоявшим на службе на 20-ти летнем сроке по болезненному состоянию, вдовам и сиротам раненых и убитых нижних чинов, а также пенсий и пособий из Государственного Казначейства за сверхсрочную службу нижним чинам и из семействам, и пенсий вдовам, мужа коих состояли на службе по Рекрутскому Уставу и получали в отставке пенсию по 100 руб. в год, с подробным описанием ран, ушибов и увечий, дающих право на получение пенсии из Комитета о раненых и правилами о порядке выдачи вышеозначенных пенсий / составил делопроизводитель Тамбовского уездного воинского начальника К. Патин. – Тамбов: Типография Губернского Правления, 1899. – 34 с.

А. В. Крохина,
*кандидат исторических наук, доцент, преподаватель
Курского железнодорожного техникума – филиала
ФГБОУ ВО «Петербургский государственный университет
путей сообщения Императора Александра I»*

А. Н. Манжосов,
*кандидат исторических наук, заместитель председателя
Курского городского Совета ветеранов войны, труда,
Вооруженных сил и правоохранительных органов*

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКИ КУРСКОГО БРОНЕПОЕЗДА № 14 В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ 13-Й АРМИИ НА ЕЛЕЦКОМ НАПРАВЛЕНИИ (НОЯБРЬ - ДЕКАБРЬ 1941 г.)

«Бронепоезд № 2 (14), действуя в составе 13-й армии, вёл успешные бои на ст. Шатилово, Казаки, Елец. Действуя с открытых позиций, врезался в боевые порядки противника (Шатилово, Измалково), сокрушал кинжальным огнём вражескую оборону, участвовал в контратаках наших частей (Казаки), наносил тяжёлые удары по врагу. За мужество, проявленные в боях за Измалково, Казаки, Елец, медалями были награждены 10 бойцов и командиров бронепоездов...» [3, л. 3].

Из исторического формуляра 62-го отдельного Новосokolьнического дивизиона бронепоездов (ЦА МО РФ).

15 ноября 1941 г. командование Вермахта развернуло второе генеральное наступление на советскую столицу. В бой были брошены 50 отборных дивизий, из них 20 танковых и моторизованных.

Шесть дивизий 13-й армии вели подвижную оборону западнее Ельца на рубеже в 160 километров [17, с. 99]. Елецкий железнодорожный узел обеспечивал тогда движение поездов в пяти направлениях и оставался важнейшим пунктом снабжения войск Юго-Западного фронта.

Бронепоезд № 2(14), в октябре 1941 г. построенный в г. Курске под командованием младшего лейтенанта В. М. Морозова был переброшен к Ельцу. Вечером 18 ноября на разъезде Паженъ (в 20 км. западнее Ельца) бронепоезд № 2(14) встретил командующий 13-й армией генерал-майор А. М. Городянский. Он определил экипажу новую боевую задачу: отбыть в распоряжение командира 307-й стрелковой дивизии полковника Г. С. Лазько.

Обратимся к документам штаба 13-й армии, хранящимся в Центральном архиве Министерства обороны РФ. Так, в журнале боевых действий 13-й армии отмечается, что «22 ноября 1941 г. бронепоезд № 2, приданный 307-й стрелковой дивизии, направлен в район Россошное. У Шатилово он с 1023 СП контратаковал противника и вышел к Красной Заре» [6, л. 76].

По приказу командира 307-й стрелковой дивизии полковника Г. С. Лазько бронепоезд № 2 мл. лейтенанта В. М. Морозова был выведен на участок Шатилово-Измалково. Утром 24 ноября 1941 г. он прибыл к станции Шатилово, чтобы поддержать 1019-й СП огнём артиллерии и пулемётов..., но к исходу дня, сломив сопротивление бойцов 307-й СД, противник силой до пехотного полка овладел ст. Шатилово [6, л. 74, 76 об.].

С начальником штаба 307-й дивизии полковником А. И. Семёновым мл. лейтенант В. М. Морозов обсудил детали предстоящего боя. Разведка установила, что, захватив село юго-западнее Шатилово, фашисты сосредоточили здесь ударные силы. Бронепоезд должен был нанести внезапный мощный удар. Пехотинцам следовало подпустить фашистов к железной дороге. В этот момент стальная крепость должна будет прорваться на два-три километра вперёд и врезаться в боевые порядки наступающих гитлеровцев [14]. Командиры батальонов справедливо рассчитывали, что на открытой местности фашисты не успевают подтянуть артиллерию к железной дороге. В начале боя бронепоезд не должен был обнаружить себя паровозным дымом. Для обеспечения маскировки паровоз растапливали только сухими дровами, поддерживая низкий уровень воды в паровозном котле [12, с. 39–40].

После встречи с командиром 307-й стрелковой дивизии полковником Г. С. Лазько В. М. Морозов послал старшего дорожного мастера бронепоезда В. П. Ховалкина осмотреть путь западнее станции Шатилово. Через четыре часа вернулась бригада железнодорожников – братья Василий и Иван Ховалкины, главные кондукторы В. А. Сергеев, А. Е. Еськов, путевой мастер М. В. Сергеев. Они осмотрели пять километров пути и под носом у фашистов устранили повреждения. Теперь бронепоезд смело мог двигаться по перегону.

Ранним утром 24 ноября 1941 г. фашисты перешли в наступление. В. М. Морозов и связист младший сержант П. С. Цветков находились на наблюдательном пункте в боевых порядках пехоты. На заснеженном поле, простиравшемся до восточной окраины станции, показались гитлеровцы. Они спустились с косогора, преодолели переправу через замерзший ручей, протекавший западнее станции. Группа вражеских разведчиков, выдвинувшихся к железной дороге, прикрывалась интенсивным миномётным огнём.

Выбор наиболее удобного момента для решительного рейда бронепоезда был связан со значительным риском. Подставить боевую машину под ураганный огонь на перегоне означало сорвать тщательно спланированную операцию. Но допустить фашистов, обладавших значительным численным и огневым перевесом, на территорию станции Шатилово тоже было нельзя. Ведь 307-я дивизия полковника Г. С. Лазько потеряла в предыдущих боях на Орловщине более двух третей личного состава и насчитывала всего 1100 бойцов и командиров.

С наблюдательного пункта пехоты младший лейтенант В.М. Морозов перешёл на переднюю бронеплощадку. Бронепоезд медленно выдвинулся к центру станции из засады. На его левом борту были сосредоточены 16 пулемётов. Даже из шпал на контрольных платформах, скреплённых железными скобами, соорудили надёжные укрытия. Железнодорожники-пулемётчики А.П. Грицаев, В.А. Сергеев, И.П. Ховалкин расположились здесь, как за бруствером окопа. Вся команда бронепоезда застыла в ожидании приказа «Огонь»!

...Несколько мин разорвались впереди. Чёрной землёй засыпало рельсы. Без предварительной разведки двигаться было невозможно. С платформы прыгнул боец и решительно пошёл по шпалам вперёд. Это был отважный командир орудия, старший сержант А. И. Глушанков. Рядом рвались мины, а он шёл, даже не пригибаясь. Для командира бронепоезда, наблюдавшего с бронеплощадки за «прогулкой» Глушанкова, минуты казались вечностью. Он прошёл вперёд метров триста, проверяя каждый рельсовый стык. Миновав зону сплошного огня, он подал сигнал: можно двигаться, путь без повреждений [11, с. 95].

Бронепоезд стремительно вырвался вперёд. Фашисты, подошедшие к станции, попали под кинжальный пулемётный огонь. Наступление фашистов захлебнулось. Но, преследуя противника, бронепоезд сам попал в зону интенсивного обстрела. «Главный путеец» бронепоезда Михаил Сергеев принялся забивать дубовые бруски на повреждённом участке пути.

Вдруг послышался глухой удар под паровозом. Будку машиниста заволокло удушливым дымом. Машинист К. И. Воробьёв приоткрыл дверцу и увидел, как из тендера струями полилась вода. Бронепоезд резко остановился. Осколками перебило воздушную тормозную магистраль. И. П. Ховалкин, прыгнув с площадки, пополз вдоль состава, отпуская рычажки тормозов. По снегу тянулся за ним кровавый след – Ховалкин был ранен в обе ноги.

Фашисты вели бешеный огонь, стремясь поймать бронепоезд в «вилку». Машинист Воробьёв отчаянно маневрировал, рывками двигая бронепоезд по перегону. Осколками повредило левую паровую машину. Одна правая не могла обеспечить нормальный ход всего состава. Повреждённый паровоз по инерции продолжал движение. Послышался гулкий удар колёс передней платформы. Её подбросило и сразу резко закачались обе бронеплощадки. Но машинист Кузьма Воробьёв смог благополучно провести состав по разрушенному участку. Под прикрытием леса бронепоезд остановился за выходным семафором. Вражеский обстрел не прекращался.

Неожиданно из-под низко спускавшегося листа брони вылезла мокрая и обледеневшая помощник машиниста Мария Козьменкова. Две пары мужских рук быстро подняли Марию в паровозную будку. Едва второй помощник машиниста Иван Иванович Гладилин успел захлопнуть дверцу, как рядом с паровозом разорвалась мина.

Отогревшись у топки, Мария рассказала, что во время остановки бронепоезда она заметила повреждение одного из инжекторов, подававших воду из тендера в котёл. Закрыла в будке тендерный водозапорный клапан. Зацепившись ногами за подножку паровоза, быстро навернула водоприёмный рукав, сорванный с гайки разрывом мины. Благодаря её отваге вода в тендере была сохранена. Бронепоезд был спасён от неподвижности [10, 18, 19].

В ноябре 1941 г. командир бронепоезда № 2(14) В. М. Морозов в наградном листе, оформленном на машиниста К. И. Воробьёва, отмечал: «24.11.41 г. когда бронепоезд вёл бой за ст. Шатилово, обстановка была сложная. Противник прервал путь с тыла. Тов. Воробьёв не растерялся и быстро смог сманеврировать, вывел поезд по разорванному пути без аварии. Во время горячего боя тов. Воробьёв сумел ликвидировать пробоины и вывел поезд из боя в исправности. Заслуживает награды – медали «За Отвагу» [4, л. 24].

31 мая 1942 г. приказом командующего Брянским фронтом генерал-лейтенанта Ф.И. Голикова № 46/4 машинист К. И. Воробьёв был награждён медалью «За Отвагу» [5, л. 5].

7 марта 1942 г. приказом № 145 Наркома путей сообщения СССР за мужество, проявленное в бою у ст. Шатилово, помощник машиниста бронепоезда № 2(14) Мария Стефановна Козьменкова была награждена значком «Почётному железнодорожнику» [1, л. 120]. А 26 августа 1942 г. Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин вручил ей и боевой подруге помощнику машиниста бронепоезда Нине Дмитриевне Горбачёвой ордена Трудового Красного Знамени [9].

Рассказывая на страницах «Красной Звезды» о мужественных бойцах бронепоезда, поэт, старший батальонный комиссар Александр Ильич Безыменский писал: «Машинист Кузьма Воробьёв – бронепоездной богатырь. Сколько раз он чинил тендер под огнём врага, затыкая отверстия металлическими бородками... Мария Стефановна Козьменкова – помощник машиниста, героическая женщина, вызывающая восхищение всего экипажа. В самых трудных боях дежурила она и завоевала славу замечательного бойца...» [13, 15].

Приведём выдержки из оперативного донесения противника.

Извлечение из оперативной сводки № 164 Главного командования сухопутных войск Вермахта. Штаб-квартира, 26.11.1941 г.

«Отмечаются неоднократные атаки на участке 35 ак [армейского корпуса], у ст. Шатилово пехоту поддерживает бронепоезд» [7, с. 783].

Израненный бронепоезд № 2(14) небронированным паровозом доставили в Елец на ремонт. Его место в боевых операциях занял бронепоезд № 4 лейтенанта Н. Д. Левитова. Этот бронепоезд под названием «Ильичевец» был построен железнодорожниками Мариуполя в августе 1941 г.

В журнале боевых действий бронепоезда № 4 есть запись: «29 ноября 1941 г. разведка сообщила, что к ст. Казаки движется колонна танков и пехота численностью до батальона. Бронепоезд, находясь в засаде, подпустил гитлеровцев на 50 метров и открыл огонь из всех огненных средств. Была рассеяна вражеская колонна, уничтожено 2 миномётных батареи...» [2, л. 5].

28 ноября 1941 г. полки 307-й стрелковой дивизии вели бой с наступающим противником на ст. Измалково. Атаку противника удалось отбить благодаря поддержке экипажа бронепоезда № 2 (14). Во второй половине дня противнику удалось захватить восточную окраину Измалково. Но в ходе контратаки, возглавляемой полковником Г. С. Лазько, для поддержки бронепоезда № 2, противник был отброшен от ст. Измалково [6, л. 78об.; 8, с. 270].

До 30 ноября 1941 г. для поддержки бронепоезда № 4 «Ильичёвец» 1021-й полк 307-й стрелковой дивизии удерживал ст. Измалково [6, л. 79об.].

1 декабря 1941 г. бронепоезд № 2, возвратившийся с ремонта из Ельца, уже поддерживал полки 148-й стрелковой дивизии полковника Ф. М. Черокманова в ходе боёв за ст. Казаки.

Ранним утром бронепоезд уже был на подступах к ст. Измалково. Фашисты обстреливали железную дорогу. Группа 1021-го стрелкового полка под командованием майора Г. С. Пачкова держала оборону на восточной окраине. «Выбивать гитлеровцев из укрепленных за ночь домов – задача почти невозможная для бронепоезда», – понимал Морозов. Но один вопрос не давал покоя. А если враг взорвёт путь и бронепоезд окажется в ловушке?

Взвились в небо две красные ракеты. Морозову хорошо было видно, как пехотинцы вступили в бой. Стылый декабрьский воздух сотрясли паровозные гудки. Бронепоезд ворвался на станцию. Фашисты обрушили шквал огня. Впереди гитлеровцы пытались развернуть орудие. Меткий выстрел наводчика орудия И. И. Крылова уничтожил вражеский расчёт. Близко взорвалась мина. Иван Крылов со стоном падает. Осколками ему повредило кость плеча. Санинструктор Б. П. Кузянин отнёс раненого Крылова внутрь бронеплощадки [4, л. 32].

Бронепоезд «хозяйничал» на перегоне. Измалково было в наших руках.

Извлечение из оперативной сводки № 166 Главного командования сухопутных войск Вермахта. Штаб-квартира 28.11.1941 г.

«2-я армия... В полосе 35 [армейского корпуса] в бой под Измалково вновь включился бронепоезд» [7, с. 806].

2 декабря 1941 г. бронепоезд № 2(14) действовал на участке Елец-Красавка, нанося противнику большие потери. В тот же период бронепоезд

№ 4 участвовал в обороне ст. Казаки, а бронепоезд № 5 (командир – ст. лейтенант В. Е. Ткаченко) – действовал на ст. Свечинская [6, л. 81об.].

Елец обороняли части 148-й стрелковой дивизии и 38-го мотоциклетного полка. 4 декабря 1941 г. немецкие части 45-й и 134-й пехотных дивизий, несмотря на ожесточённое сопротивление, захватили Елец. Это создало угрозу окружения с севера правифланговых соединений 13-й армии [17, с. 100].

Воины 307-й стрелковой дивизии 13-й армии существенно задержали прорыв врага к Ельцу.

9 декабря 1941 г. при поддержке бронепоезда № 2(14) младшего лейтенанта В. М. Морозова полки 148-й стрелковой дивизии освободили железнодорожный узел г. Елец [6, л. 85; 16, с. 90].

Таким образом, экипаж курского бронепоезда № 2(14), его бойцы-железнодорожники внесли свой весомый вклад в дело освобождения г. Ельца, которому впоследствии было присвоено звание Города воинской славы.

Источники и литература

1. Российский государственный архив экономики. Ф. 1884. Оп. 49. Д. 1502.
2. Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦА МО РФ). Ф. 59-го ОДБП. ОП. 327824. Д. 1.
3. ЦА МО РФ. Ф. 62-го ОНДБП. Оп. 164824. Д. 10.
4. ЦА МО РФ. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 327.
5. ЦА МО РФ. Ф. 33. Оп. 717411. Д. 4316.
6. ЦА МО РФ. Ф. 361. Оп. 6079. Д. 26.
7. Битва под Москвой. Хроника. Факты. Люди / гл. ред. В. А. Жилин. – М.: Олма-Пресс, 2001. – 932 с.
8. Великая Отечественная война – день за днём. Т. 2. – М.: Воениздат, 2008. – 902 с.
9. Гудок. – 1942. – 2 августа.
10. Гудок. – 1942. – 12 августа.
11. Ефимьев А. В., Манжосов А. Н., Сидоров П. Ф. Бронепоезда в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. – М.: Транспорт, 1992. – 246 с.
12. Журнал автобронетанковых войск. – 1942 – № 6. – С. 38–42.
13. Красная звезда. – 1942. – 26 июня.
14. Красная звезда. – 1942. – 21 октября.
15. Курская правда. – 1942. – 20 июня.
16. Освобождение городов (справочник по освобождению городов в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.) / под ред. С. П. Иванова. – М.: Воениздат, 1985. – 598 с.
17. Тимошенко С. К. К Югу от Москвы. Изд. 3-е / под. ред. А. А. Добродомова. – М.: Наука, 1975. – С. 96–109.

18. Ударник Дзержинской. – 1942. – 27 июня.

19. Ударник Дзержинской. – 1942. – 7 ноября.

В.В. Марковчин,
*кандидат исторических наук,
профессор ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный
университет», старший научный сотрудник Научно-исследовательского
института (военной истории) Военной академии Генерального штаба
Вооруженных сил Российской Федерации*

ДЕЛО «СВЯТОГО» (ИЗ ОПЫТА РЕКОНСТРУКЦИИ СУДЬБЫ СОВЕТСКОГО РАЗВЕДЧИКА)

Тема Великой Отечественной войны совершенно нескончаема. В данной статье мы коснемся судьбы всего лишь одного человека, чей вклад в обеспечение полной и безоговорочной победы советского народа был достаточно весомым. До сих пор на различных форумах в сети интернет безмолвным укором стоят вопросы, заданные в адрес отечественных спецслужб: раскройте настоящее имя того или иного агента, чья судьба привлекла внимание большого количества читателей и исследователей своей нестандартностью. Так было и в случае с агентом НКГБ СССР под псевдонимом «Святой».

Первая информация о нем содержалась в нескольких документах, опубликованных в сборнике «"Огненная дуга": Курская битва глазами Лубянки» [1]. В мае 1943 г. в распоряжение одного из партизанских отрядов НКГБ СССР, действовавших под Минском, явился бывший советский военнопленный, до последнего времени работавший в известной разведывательной школе абверкоманды-103 «Сатурн» в окрестностях города Борисова.

Прибывший 15 мая 1943 г. в партизанскую бригаду «Разгром» НКГБ СССР человек хорошо подготовился к побегу из «Сатурна», и пришел к партизанам не с пустыми руками. Он передал составленный им альбом, содержащий биографические данные (в том числе подлинные фамилии и псевдонимы) и фотографии 141 агента абвера, уже заброшенных в советский тыл, а также 91 фотографию курсантов, обучающихся в Борисовской разведшколе и только готовящихся к заброске.

Дополнительно им были переданы оттиски поддельных печатей, проставляемых на документах прикрытия немецких разведчиков, а также секретная немецкая топографическая карта, на которую была нанесена информация о дислокации войск Красной Армии на линии Холм – Харьков по состоянию на 27 апреля 1943 г.

Уже несколько дней спустя, после обстоятельной проверки личности прибывшего и четко высказанного им желания оказывать органам

безопасности посильную помощь в борьбе с врагом, он сначала был завербован под псевдонимом «Святой», а затем в адрес 4-го (зафронтового) Управления НКГБ СССР начали поступать материалы как по подготовке летнего наступления немцев на Курской дуге, так и по забрасываемой ими на территорию Советского Союза разведывательно-диверсионной агентуре.

Учитывая особую важность получаемой информации, «Святой» был срочно переправлен в Москву, в распоряжение НКГБ СССР, где дал исчерпывающие сведения о постоянном и переменном кадровом составе Борисовской разведшколы немцев, а также Абверкоманды-103, которой она подчинялась напрямую.

О «Святом» известно немного. Он родился 22 октября 1910 г. в городе Канске Красноярского края, в рабочей семье. После окончания 7-летней школы заведовал финотделом крайЗО² в Красноярске.

Арестован 2 августа 1937 г. по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных пп. 7, 11 ст. 58 УК РСФСР («Подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы...»; «Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений...»).

Под арестом содержался в тюрьме города Красноярска, причем совершенно немыслимое количество времени – до 2 октября 1939 г., после чего Красноярским крайсудом был полностью оправдан за отсутствием состава преступления, и из-под стражи освобожден. Уголовное дело на него хранится в Госархиве Красноярского края за № П-576 [3].

С началом Великой Отечественной войны (с 23 июня 1941 г.) служил в Красной Армии техником-лейтенантом и делопроизводителем 4-го отделения штаба 17-й гвардейской дивизии 41-й армии. Попал в плен 9 июля 1942 г. в районе города Белый. Сотрудник паспортного бюро «Абверкоманды-103», где носил псевдоним «Дмитрий Михайлович Потёмкин», «Петров». Перешёл к партизанам, похитив у немцев ценные материалы разведывательного характера [4].

Вполне естественно, что в процессе подготовки к побегу в партизанский отряд «Святой» занимался и иными полезными делами.

«Комплект документов, которыми снабжались перебрасываемые в Советский Союз германские разведчики, состоял из удостоверения личности, расчётной и вещевой книжек, командировочного удостоверения или справки от госпиталя, продовольственного аттестата и проездного литеры.

Все эти документы заполнялись нами однообразным почерком с незначительными изменениями.

---

² Краевой земельный отдел.

Расчётные книжки, выпущенные нашим бюро в 1943 г., имеют только одну серия «ПХ», а графы вещевых книжек и удостоверений личности во всех случаях заполнялись одинаково.

Все фиктивные справки от госпиталей изготовлялись на бланках одинакового цвета, размера и типа, причём были отпечатаны на линованной бумаге.

В справках, выдаваемых разведчикам, местонахождение госпиталей мы указывали произвольно и один и тот же госпиталь показывали значащимся в разных городах.

Несмотря на введение в Красной Армии знаков отличия за ранение, в справках им не зачёркивал ненужные слова: лёгкое или тяжёлое.

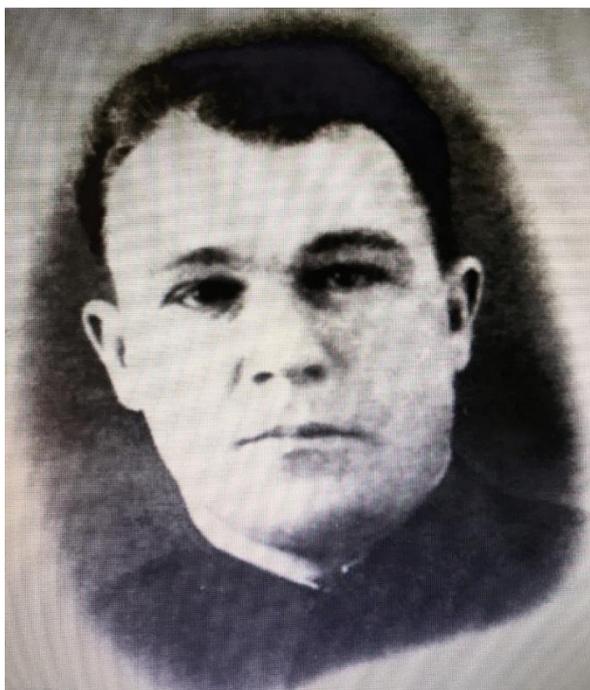
Разведчики, посылаемые для шпионской работы в район расположения Действующей армии, получали командировочные предписания, выдаваемые штабами полков, но документов, оправдывающих их передвижение от передовой линии до штаба полка, мы умышленно не выдавали.

Все командировочные предписания, которыми снабжались германские разведчики, направлявшиеся в глубокий тыл Советского Союза, оформлялись нами вопреки требованиям приказа НКО № 225 от 25 июля 1942 г., в соответствии с которым штабам войсковых соединений (до армии включительно) запрещалась выдача командировок в глубокий тыл Советского Союза...» [5].

Далее «Святой» исчезает, причём на долгие годы. Можно только догадываться, какого рода деятельностью он занимается. Один только факт – в существующих на сегодняшний день открытых банках данных по награжденным участником Великой Отечественной войны, о наградах бывшего техника-лейтенанта не содержится никаких сведений. Многие его биографы так и пишут: после 1943 г. информация отсутствует. Однако, если постараться, можно кое-что обнаружить.

Спустя много лет в городе Красноярске появляется запись о смерти Шинкоренко Дмитрия Захаровича, 08.11.1910 г.р., ветерана Великой Отечественной войны, который скончался 10 декабря 1979 г. и был захоронен на кладбище «Злобинское». Искривленная фамилия и дата рождения Шинкаренко Дмитрия Захаровича, 22.10.1910 г.р., тем не менее, позволяют идентифицировать его как «Святого» [6].

В известном фотоальбоме «СМЕРШ» Шинкаренко Д.З. уделено всего лишь несколько строчек текста, но его псевдоним, данный в партизанском отряде НКГБ СССР, так и не был раскрыт [2, с. 185]. Там же опубликована его единственная известная (на сегодняшний день) фотография, вместе с несколькими страницами из его знаменитого альбома, на подробном содержании которого мы остановимся позже.

В известном фотоальбоме «СМЕРШ» Шинкаренко Д.З. уделено всего лишь несколько строчек текста, но его псевдоним, данный в партизанском отряде НКГБ СССР, так и не был раскрыт [2, с. 185]. Там же опубликована его единственная известная (на сегодняшний день) фотография, вместе с несколькими страницами из его знаменитого альбома, на подробном содержании которого мы остановимся позже.

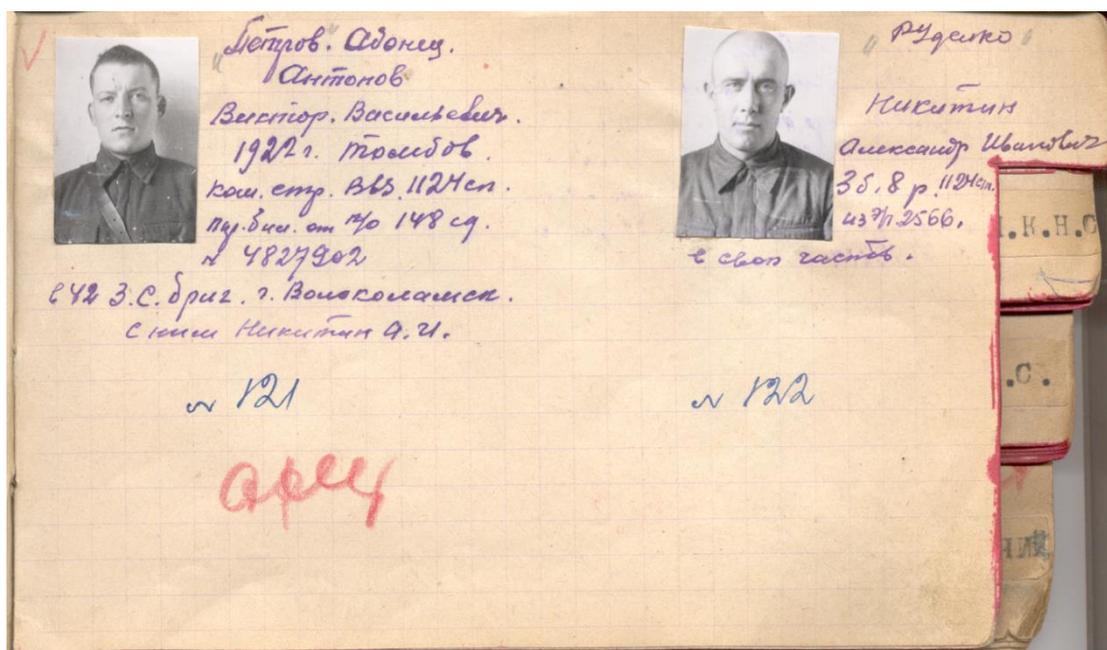
Итак, знаменитый альбом Шинкаренко, который мне посчастливилось подержать в руках, это половина общей тетради в клетку на 96 листов. Каждая его заполненная страница посвящена как минимум двум агентам абвера, и для удобства поделена на две равные части. Для облегчения поиска справа сделаны указатели на несколько категорий курсантов и руководителей Борисовской школы абвера, для быстрой ориентировки края указателя обведены красными чернилами.

По мере заполнения блокнота «Святой» проставлял даты изготовления документов для агентуры абвера. Кроме того, он делал пометки о том, кто из них забрасывался в советский тыл в составе организованных групп.

Более поздние пометки, сделанные офицерами НКГБ СССР (ГУКР «СМЕРШ») красным и простым карандашами, а во-первых пронумеровали всех агентов абвера (чернилами), и во-вторых сделали отметки об аресте отдельных из них; в-третьих, они дополнили данные иной, неизвестной для «Святого» информацией.

Так, например, уголовное дело на «Петрова» – «Абонца» Антонова Виктора Васильевича, 1922 г. рождения, уроженца г. Тамбова на сегодняшний день хранится в Центральном архиве ФСБ России за № Н-17240; проходящее по нему лицо до сих пор не реабилитировано. А на странице, посвященной «Сахарову» – «Лебедеву» Сухарилкову Михаилу

Дмитриевичу стоит отметка о том, что «его жена работает переводчиком у начальника штаба разведки (Красный бор)».

Таким образом, «Святой» раскрыл данные сразу 232 агентов абвера, причем документально подтвержденных с помощью фотографий, прошедших через его руки в ходе исполнения служебных обязанностей в Борисовской разведшколе, что делает его одним из организаторов самой массовой утечки информации о секретных агентах немецкой военной разведки за период Великой Отечественной войны.

Не забываем, что все это было сделано накануне Курской битвы и часть наиболее подготовленных агентов забрасывалась именно туда – в районы, где эта битва только намечалась, что создавало беспрецедентные возможности в плане перевербовки выявленных агентов, а также для использования радистов для ведения радиоигр, снабжения абвера хорошо сработанной дезинформацией накануне решающего сражения летней кампании 1943 г.

«Святой» скрупулезно делал отметки не только о должностях немецких агентов, на которые выдавались липовые документы; он шел дальше. Ведь отпечатанные в типографии бланки удостоверений и прочих несложных документов легко было заполнить даже в полевых условиях. Но вот с партийными билетами, носившими конкретный номер и сведения какой из партийных организаций они были выданы, дело обстояло значительно сложнее, ибо изготовить их вне стационарных условий было крайне затруднительно.

Данное обстоятельство значительно сужало оперативные возможности заброшенных агентов, а также существенно облегчало процесс их выявления органами военной контрразведки. Не меньший

эффект имели печати, используемые в Борисовской школе для изготовления фальшивых (поддельных) документов.

Исчерпывающая информация «Святого» о кадровом, постоянном составе Борисовской разведшколы сделали возможным осуществление оперативной комбинации, в ходе которой в данную школу был внедрен еще один агент СМЕРШ, на этот раз «Меньшиков» в абвере, в миру Козлов А.И. и одновременно агент военной контрразведки «Следопыт», ставший прототипом героя художественной трилогии о «Сатурне». «Следопыт» завершил свою деятельность на «пользу рейха» в Париже в 1945 г. и можно только догадываться какой урон ведомству Канариса-Кальтенбруннера он успел нанести [2, с.182–190].

Ну и наконец карта. Содержащая все известные немцам сведения о частях Красной армии, сосредоточенных на Курской дуге в конце апреля 1943 г., она представляла несомненный интерес не столько на уровне руководства НКГБ СССР и ГУКР «Смерш», сколько на уровне органов стратегического планирования операций, т.е. Генерального штаба РККА и Ставки Верховного Главнокомандования.

Вполне понятно, как она оказалась под Борисовом - разведшкола выпускала свою агентуру как раз для нужд Центрального фронта, и при засылке шпионов за линию фронта необходимо было обладать исчерпывающими сведениями о противнике. В этом ее несомненная ценность.

Непонятно по какой причине успехи «Святого» не были достойно оценены. Попадание в плен и полный разгром разведшколы абвера – вещи несовместимые, хотя есть несколько вариантов такого рода причин:

1) данные о его наградах еще не введены в соответствующие банки данных;

2) часть его жизни после мая 1943 г. была также засекречена, в связи с чем практически никто ничего не знал о его дальнейшей судьбе;

3) несмотря на несомненные заслуги «Святого», он все-таки подвергся репрессиям, и вынужден был часть своей жизни провести в местах не столь отдаленных.

К нашему большому сожалению последний вариант – самый предпочтительный. Свидетельство тому – уголовное дело № Р-763 на Шинкаренко Д.З., хранящееся в Центральном архиве ФСБ России. Как правило в этом архиве хранятся наиболее важные уголовные дела, следствие по которым вели центральные органы государственной безопасности. И хотя дело достаточно небольшое (в одном томе), его материалов могло быть вполне достаточно для того, чтобы на десяток лет уехать в исправительно-трудовые лагеря.

Номер уголовного дела «Святого» нам говорит о том, что проходящий по его материалам человек был реабилитирован примерно в 1955 г., в числе первых жертв политических репрессий. Примерно в это же время была реабилитирована и Екатерина Блинникова, агент НКГБ СССР «Марта»,

имевшая несколько схожую со «Святым» судьбу. Кстати, ее уголовное дело (архивный номер Р-20116) хранится также в архиве Лубянки, правда полностью реабилитирована она намного позже.

Не имея возможностей ознакомиться с материалами уголовного дела на «Святого», можем предположить, что в основу предъявленных ему обвинений был положен п. 1 «б» ст. 58 УК РСФСР («измена Родине военнослужащим»); не исключено, что определенную роль в этом сыграли материалы старого, довоенного еще уголовного дела, несмотря на то, что он по нему и не был осужден.

Существует также вероятность того, что против Шинкаренко Д.З. были выдвинуты иные обвинения, о сути которых мы не знаем: занимаемая им в Борисовской разведшколе абвера должность (начальник канцелярии) предполагала особое доверие немцев, а значит «Святой» это самое доверие как-то заслужил, нарушив советские законы. Впрочем, сама реабилитация сводит на нет все возможные предположения о мотивах его осуждения.

Вполне допустимо, что судьба воина-фронтовика, умершего в 1979 г. в городе Красноярске, в котором мы находим общие со «Святым» биографические черты, вынудила его после реабилитации получить и поправленную фамилию, и новую дату рождения. Ведь нести на своих плечах груз преступления, которого он не совершал, способен далеко не каждый человек. В этом и заключается та самая правда жизни, которую отдельные наши современники готовы искать хоть всю жизнь.

В любом случае – пребывание в одних лагерях с настоящими изменниками Родины, служившими в рядах РОА, в немецкой полиции, в качестве агентов-осведомителей СД, гестапо, тайной полевой полиции и так далее, было для Шинкаренко Д.З. делом совершенно несправедливым. Потому и его реабилитация последовала так быстро, но в этом, к нашему большому сожалению, слишком мало поводов для утешения.

Источники и литература

1. «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки / сост. А.Т. Жадобин, В.В. Марковчин, В.С. Христофоров. – М: АО «Московские учебники и Картолитография», 2003. – 480 с.
2. «СМЕРШ»: Исторические очерки и архивные документы / В.С. Христофоров и др.; редкол.: А. Г. Безверхний (гл. ред. и др.]. – М.: Московские учебники и Картолитография, 2010. – 337 с.
3. [https://ru.openlist.wiki/Шинкаренко_Дмитрий_Захарович_\(1910\)](https://ru.openlist.wiki/Шинкаренко_Дмитрий_Захарович_(1910)).
4. http://www.wikiznanie.ru/wikipedia/index.php/Шинкаренко%2C_Дмитрий_Захарович
5. <https://istorya.pro/glupost'-ili-izmena---chego-bylo-bol'she-t8.html>
6. <http://memorial24.sfu-kras.ru/uchastniki/shinkorenko-dmitriy-zaharovich>

Л.В. Палий,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России
ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»

**БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ В ГОРОДСКИХ
ОБЩЕСТВЕННЫХ САДАХ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(НА МАТЕРИАЛАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
КУРСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Вступление в войну для страны всегда означает изменения в повседневности ее общества. Вне зависимости от того попадает ли регион в число фронтовых, или остается тыловым жизнь для людей перестает быть мирной и спокойной, начинает делиться в массовом и индивидуальном сознании на «до» и «после».

В силу своего центрального положения Курская губерния в начале XX в. не находилась в зоне непосредственных боевых действий. Но, как и вся страна в целом население региона, безусловно, не могло не ощущать на себе грозное дыхание войн: и Русско-японской и, конечно же, Первой мировой. Хотя думается, что внешне обыденное течение жизни поменялось не сразу. Объявления в газетах тех лет, как и в мирное время, пестрят информацией о деловой активности и бойкой торговле предпринимателей, всякого рода развлечениях: спортивных состязаниях, гуляниях в общественных садах, концертах, театральные спектаклях и тому подобных мероприятиях. Самой очевидной приметой войны в 1914–1916 гг. были сводки с полей сражения своих фронтов и союзнических, информация о передислокации войск, появившихся беженцах, волна которых постепенно докатилась и до Курской губернии, создании всевозможных комитетов, взявших на себя миссию содействия армии и пострадавшему мирному населению.

В общем потоке информации о благотворительной деятельности, направленной на помощь фронту, сравнительно небольшой объем представляют собой сведения о благотворительных мероприятиях в городских садах Курской губернии в период Первой мировой войны. Тому причиной сразу несколько факторов. Безусловно, о подобных акциях писали периодические издания. Однако, в данном случае, при исследовании вопроса возникают две проблемы: во-первых небольшое количество сохранившихся номеров местных газет, тем более что в затрагиваемом нами аспекте интерес представляют именно выпуски за весенне-осенний период. А во-вторых, не всегда сведения об акциях и их итогах в уездных городах попадали на страницы газет.

С этой точки зрения более подробным источником пока является переписка с губернским центром местных полицмейстеров, которые

согласно регламенту ходатайствовали о разрешении мероприятий. Тем более, что военное время не отменяло, а некотором смысле даже делало более обязательным, санкционирование местными и губернскими властями любого массового действия, в том числе и с благотворительными целями. Причем организатор должен был предоставить информацию не только о времени и месте проведения, но и программу мероприятия, а по окончании такого отчет о приходе и расходе средств и чистой сумме вырученной по итогам сбора. Несмотря на то, что зачастую сведения полицейских органов не всегда достаточно подробны, но они все-таки позволяют составить представление о том, как проводились подобные акции.

Следует отметить, что сама по себе благотворительная деятельность в рамках работы городских общественных садов губернии не была явлением одномоментным. Можно сказать, что в большинстве уездных центров и тем более в самом губернском Курске уже сложилась давно устоявшаяся практика устройства подобного рода мероприятий. Если сад арендовался у города, то в условиях договора обязательно прописывалось количество благотворительных гуляний в пользу заведений содержавшихся на счет муниципалитета. Судя по сохранившимся документам, относящимся к г. Курску в начале XX столетия, это было не менее восьми гуляний в сезон [5, лл. 29–32].

Если сад был частным или находился в собственности земства, общественной организации, то и тогда проводился ряд мероприятий в пользу нуждающихся в помощи физических лиц (студенты, погорельцы, пострадавшие от голода) или пополнения средств различных обществ. Причем привлекались к подобным акциям не только местные творческие и общественные силы, но и гастролирующие коллективы. По крайней мере один-два спектакля в сезон, которые играли либо гастролеры, либо любители, давались с благотворительными целями.

В результате анализа фондов Государственного архива Курской области на сегодняшний день удалось выявить информацию о благотворительных мероприятиях в период 1914–1916 гг. по губернскому Курску и по следующим уездным центрам: Белгород, слобода Борисовка Грайворонского уезда, Грайворон, Короча, Обоянь, Суджа, Новый Оскол и Рыльск. Список с точки зрения перечня благотворительных акций в целом в этот период на наш взгляд не является исчерпывающим, как в силу возможного продолжения исследования и выявления новых фактов, так и в силу того, что нами принимались во внимание лишь те события, локализация которых относится определенно к городским общественным садам.

С точки зрения количественного анализа по годам, из 23 выявленных фактов большинство мероприятий, а именно 13 приходится на 1914 г., что соответствует тезису о подъеме патриотических настроений общества в период начала военной капании. В 1915–1916 гг. исходя из имеющихся данных, количество мероприятий значительно снижается: в 1915 г. – 4, а в

1916 г. – 6. Объяснений тому несколько. Тут и отсутствие полной фактической информации, диктуемое ограниченностью круга имеющихся источников. Однако возможно это и результат объективных процессов, имевших как материальную подоплеку (снижение уровня жизни населения, как следствие длительной войны), так и духовную (усталость общества, разочарование в результатах военных действий).

Интересные данные, во многом подтверждающие и количественный расклад и изменение общей обстановки в ведении войны, дает анализ объектов благотворительности. Если в 1914 г. средства собирались в основном на подарки воинам и материальную поддержку семей призванных в армию запасных нижних чинов, то акции 1915–1916 гг. в большей степени направлены на сбор средств для обеспечения работы комитетов, оказывавших помощь раненым и беженцам. Причем часто это акции национальных землячеств для поддержания беженцев конкретной национальности (евреи, поляки). Только в 1916 г. в связи с успехами армии Л.А. Брусилова снова несколько мероприятий предполагали сбор на подарки его солдатам [3, л. 112; 4, л. 51].

Можно сказать, что военное время, изменив перечень объектов благотворительной деятельности, не слишком меняло при этом ее содержание и организационные формы. Практически любой подобный вечер в общественном саду включал в себя типичный набор развлечений, предоставлявшийся горожанам ежедневно. Как правило, это было гуляние под музыку симфонического или духового оркестра или инструментального ансамбля по аллеям сада, во время которых осуществлялась продажа фруктов, мороженого, чая, прохладительных напитков, сладостей, цветов, сувениров, программ концерта или спектакля. Единственное, что во время благотворительной акции этот набор дополняла продукция патриотического свойства, например флажки и разного рода эмблемы с государственной символикой. Кроме того шел сбор добровольных пожертвований в специально установленные кружки. Патриотическим смыслом также наполнялись выступления на открытых эстрадах, живые картины и исполнение государственного гимна перед началом спектакля [1, л. 101]. Также встречается пример устройства гулянья в городском общественном саду города Рыльска с сеансом синемаатографа [1, л. 166].

Репертуар театральные постановки и концерты, судя по сохранившимся и довольно отрывочным сведениям о программах, не выходил за рамки того перечня, который в целом характерен для этого периода. В основном это произведения классической драматургии и многочисленные в то время постановки комедий и одноактных водевилей [1, лл. 101, 105].

Оценить содержание концертных программ в полной мере не представляется возможным, так как в имеющихся данных есть лишь два примера полных перечней предполагавшихся к исполнению музыкальных произведений. В первом случае это концерт любительского оркестра

народных инструментов под управлением А.Г. Базилева, который состоялся в Новом Осколе 10 августа 1914 г. [1, л. 122]. Добавим, что в этот период оркестры народных музыкальных инструментов пользовались особой популярностью. В программе новооскольского концерта представлены, видимо самые известные музыкальные пьесы для подобного состава. Кроме того, наличие в репертуаре маршевой музыки, произведений, ассоциирующихся с победами русской армии и флота (например, «Элегия памяти героев Отечественной войны») свидетельствует о том, что он специально подбирался созвучно патриотическими настроениями лета 1914 г. [1, л. 122].

Во втором случае речь идет о концерте устроенном 23 августа 1916 г. в летнем театре Общественного Собрания в Пушкинском саду г. Курска Временным Еврейским Комитетом помощи еврейскому населению [3, лл. 126–126а]. Эта программа была составлена из произведений еврейской народной музыки, что очевидно, вызвало некоторое опасение со стороны властей, поэтому от организаторов потребовали не только программу, но и переводы текстов песен. Возможно, что подобный же национальный колорит имело и благотворительное мероприятие, проводившееся 4 августа 1915 г. в пользу разоренной Польши в белгородском частном саду Эрмитаж, принадлежавшем Крюковскому, но более подробной информацией мы пока не располагаем [2, л. 116].

В ряду довольно типичных развлечений наособицу стоит пример устройства с благотворительными целями публичной лекции на тему «Причины возникновения великой европейской войны» в летнем помещении Рыльского общественного клуба вечером 16 августа 1915 г. присяжным поверенным С.С. Иевлевым, за разрешением которой он и обратился к местному уездному исправнику [2, лл. 64–65].

Причем, судя по документам, предполагалось не только чтение лекции, но и последующая дискуссия. Интересно, что мероприятие было разрешено при условии точного следования тексту лекции и перечню вопросов, разрешенных цензурой [2, л. 67]. Весь сбор от вечера предполагалось отдать в пользу рыльского Комитета помощи беженцам. К сожалению, подробности этой акции, а также насколько она оказалось прибыльной в финансовом отношении нам пока не известны.

Особо следует отметить, что благотворительная цель мероприятия влияла и на цены, по которым продавались билеты на спектакль или концерт. Конечно, полную картину по разбросу цен можно было бы представить, имея более подробные данные. Но даже те отрывочные сведения, которыми мы располагаем, показывают, что цены на подобные театральные и музыкальные представления были несколько выше, чем в обычные дни. Так, например, исходя из косвенных данных, цена места в первых рядах в обычный день могла составлять от 1 до 1 руб. 10 коп., в то время как цены тех же мест на мероприятия, проводившиеся в рамках

благотворительной деятельности, возрастали от 2 до 2 руб. 50 коп. [1, л. 68].

После театрального представления или патриотического концерта, в зависимости от финансовых возможностей устроителей, как правило, устраивались танцы, демонстрировался фейерверк или запускался воздушный шар.

Что касается прибыли от благотворительных акций, то и здесь результаты в значительной степени зависели от количества посетителей, а оно в свою очередь, безусловно, было связано с численностью населения в городе. Поэтому сборы в крупных городах, таких как Курск, Рыльск ожидаемо были более весомыми нежели, например, в слободе Борисовке, Обояни или Судже. Влиял на суммы отчисления и объем затрат на организацию и проведение мероприятия, так как судя по отчетам устроителей доля расходов могла быть весьма существенной и доходила порой до 50% от валового сбора. Кроме того, в той же слободе Борисовке чистый сбор делился между нуждами военного времени и традиционными для этого населенного пункта сборами средств для бедных учащихся [4, лл. 53–55]. В более конкретных цифрах разброс суммы чистых сборов мог составлять в среднем от 20 – 50 руб. до 180 руб.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что в годы Первой мировой войны повседневность тыловых регионов, частью которых являлась и работа городских общественных садов, имела значительные отличия от прифронтовых. Здесь при их фактическом наличии все-таки было меньше внешних признаков войны, жизнь не слишком быстро меняла свой устоявшийся уклад. Однако, неоспоримо и то, что сам факт ведения боевых действий все-таки оказывал свое определенное влияние, в том числе и на такое традиционное для мирной повседневности российских городов явление как благотворительная деятельность. Активная часть российского общества воспринимала теперь оказание помощи солдатам действующей армии, раненым, беженцам не только как долг христианский, но и как долг патриотический.

Благотворительные мероприятия в городских общественных садах Курской губернии, несмотря на относительно небольшой масштаб деятельности, все-таки еще раз подтверждают тезис о том, что являясь одним из неотъемлемых элементов российской повседневности XIX – начала XX вв. и в сложный период Первой мировой войны они оставались сопричастными к важным событиям отечественной истории.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 8431.
2. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8691.
3. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8933.

4. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8973.

5. ГАКО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 5.

Т.А. Ползикова,
*старший научный сотрудник
отдела научно-исследовательской работы
и информационного обеспечения
ОКУ «Госархив Курской области»*

**ОТГОЛОСКИ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904-1905 гг.
НА КУРСКОЙ ЗЕМЛЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДА
«БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ И ДОБРОВОЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ
УЧРЕЖДЕНИЯ И ОРГАНИЗАЦИИ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ»)**

«Точно ли Русско-японская война не имеет тесной связи с текущими событиями в России? Думается, что, наоборот, началом всех бед, испытанных и доселе испытываемых Россией, является именно эта война. Несчастливая во всех отношениях, она раскрыла многие наши внутренние язвы, дала обильную пищу критике существовавшего государственного строя, перебрала в революционный лагерь множество лиц, переживающих о судьбах родины, и тем не только дала мощный толчок революционному течению, но придала ему национальный, благоприятный характер», - так высказывался о событиях 1904–1905 гг. генерал от кавалерии В.И. Гурко после революционных событий 1917 г. [9, с. 173]. И действительно, военное столкновение с Японией, последняя джентельменская война, стала лакмусовой бумагой всех накопившихся в Российской Империи проблем.

8 февраля 1904 г. было объявлено о начале войны с Японией. Причинами давно назревавшего конфликта называют борьбу за сферы влияния в Китае и Корее, экономическую экспансию России в Маньчжурии, усиление ее военного присутствия в приграничном с Японией регионе, а также желание российского правительства «маленькой победоносной войной» сдержать революционные настроения в обществе. Единой точки зрения на причины, подтолкнувшие две державы к открытому столкновению, пожалуй, не существует и до настоящего времени. Военный теоретик А.А. Свечин в 1910 г. высказал мнение, что конфликт стал «естественным следствием обнаружившагося еще в 1895 году противоречия русских и японских интересов; началась война, к которой Япония открыто готовилась многие годы» [9, с. 176].

Курская губерния не осталась в стороне от всеобщей мобилизации государства для борьбы с внешним врагом. Помимо непосредственного военного участия в действиях российской армии на Дальнем Востоке солдат из нашего региона, на территории Курского края активную деятельность

вело отделение Общества Красного Креста. В частности, массовая работа велась по сбору пожертвований на нужды больных и раненых на фронте. Согласно определению Святейшего Синода от 8 февраля № 18 и отношения Председателя исполнительной комиссии Главного Управления Общества Красного Креста от 15 февраля № 780 начался «сбор пожертвований в пользу Красного Креста за воскресными богослужениями во время войны России с Японией...» [2, л. 3]. При сборе пожертвований составлялся официальный акт, под которым свои подписи ставили причт и член (либо уполномоченный) Российского Общества Красного Креста.

В Государственном архиве Курской области сохранились акты по сбору пожертвований в храмах г. Рыльска и Рыльского уезда. В зависимости от количества прихожан, за одно воскресное богослужение сумма пожертвований, к примеру, за период с апреля по июнь 1904 г., составляла в среднем 5 руб. 50 коп. [2, л. 3–39]. В записке благочинного протоиерея Николая Никольского от 6 июня 1904 г. в Рыльский комитет Российского Общества Красного креста значилось, что собранные средства шли на нужды «больных и раненных воинов на Дальнем Востоке» [2, л. 18]. Часть собранных средств, в том числе, направлялась семьям запасных солдат, призванных на военную службу в Рыльском уезде [2, л. 49].

Составлялись и подписные листы по сбору пожертвований. Так, на нужды Красного Креста ученики образцовой церковно-приходской школы собрали 5 рублей [2, л. 44–45, 50]. Для сравнения, на эти деньги можно было купить около 1,5 килограмм зернистой черной икры или одну пару гражданских сапог.

Не оставались безучастными к событиям в стране и простые жители: сохранились списки внесших пожертвования за подписью Рыльского уездного Предводителя Дворянства [2, л. 47], списки жителей Амонской волости, в сумме внесших 27 руб. 50 коп. [2, л. 47об.]. Деньги в размере 1 % от месячного жалования учителей Рыльской торговой школы и служащих Южно-русского торгового банка также были перечислены на нужды раненых и армии [2, л. 48, 50]. Сборщики пожертвований иногда даже ходили по домам, как указано в отчете благочинного 3-го округа Рыльского уезда Курской губернии Александра Семенова [3, л. 10]. В общей сложности в Местный Комитет Российского Общества Красного Креста с июня по июль 1904 года поступило 1361 руб. 12 коп. [2, л. 50]. Для всех денежных операций существовала строгая отчетность.

Средства шли не только на помощь раненым в действующей армии. Важно отметить, что отдельной графой деньги выделялись на презрение семей убитых и раненых воинов, на усиление флота, на нужды действующих в строю солдат [3, л. 57]. Рыльская уездная земская управа направляла деньги на конкретные нужды: из собранных 24 руб. 70 коп. от членов управы и служащих земства 15 руб. просили зачислить на усиление военного флота, 5 руб. – в пользу семей убитых и раненых на войне, а остальные – на Красный Крест [3, л. 105]. Те, кто, вероятно, не мог помочь

деньгами, но не желал оставаться в стороне, отправляли в помощь вещи, холстину и др. [3, л. 108]. Перечислялись средства даже с концертов: 50 % собранных средств с концерта певиц Бондарцевой и Балтенковой и скрипача Рославца в г. Рыльске пошли в пользу Рыльского дамского комитета Красного Креста [3, л. 109].

В итоге даже из нескольких копеек, которые жертвовали простые граждане, складывались порой огромные суммы.

Помимо средств, собранных во время богослужений, был введен целый ряд сборов: с заграничных паспортов, с проезжающих по железной дороге, телеграфный сбор и др. По сведениям М.П. Кауфмана, расходы Российского Общества Красного Креста в ходе войны составили 31 715 917 руб. [8, с. 59].

В период военных действий в составе хирургического отряда в Маньчжурии находился и наш земляк, Николай Сергеевич Коротков, в будущем ставший по-настоящему выдающимся сосудистым хирургом. Именно во время Русско-японской войны Николай Сергеевич заинтересовался сосудистой хирургией, что впоследствии помогло ему стать основоположником звукового метода определения артериального давления [6, с. 380].

Но любая война заканчивается заключением мирного договора. Россия была вынуждена завершить конфликт, неся колоссальные людские потери, потерпев ряд крупных неудач в ходе затяжных операций на Дальнем Востоке. Страна потеряла свыше 70 кораблей, из них 37 броненосцев и крейсеров, и практически осталась без военно-морского флота [7, с. 37]. Россия не выдерживала финансовых затрат войны (около двух миллиардов рублей), внутри нее нарастала волна протестов. Обычным явлением во всей империи стали стачки и беспорядки. Разные слои населения выступали за скорейшее заключение мира и требовали проведения реформ в России. 5 сентября в американском Портсмуте был подписан трактат, по которому Россия признавала влияние Японии в Корее, уступала ей аренду Порт-Артура, Южный Сахалин от пятидесятой параллели и т.д. Оба государства договорились об одновременной эвакуации своих войск из Маньчжурии.

После окончания военных действий в стране появилась новая проблема: десятки тысяч детей остались сиротами, либо на попечении родителей, утративших трудоспособность. Безотлагательно, 16 июня 1905 г., был создан Алексеевский главный комитет по призрению детей лиц, погибших в войну с Японией. Он занимался обеспечением детей теплой одеждой, обувью, учебными принадлежностями для посещения начальной школы. На каждого ребенка выделялось 15 руб. [4, л. 1]. Всего в Курской губернии в декабре 1911 г. пособие, полагавшееся детям нижних чинов, получали 12 сирот из Белгородского, Курского, Львовского, Новооскольского и Щигровского уезда [4, л. 2]. Под покровительство Комитета принимались дети «...утративших трудоспособность нижних чинов, родившиеся до 3 августа 1906 г., т.е. до истечения 306 дней со дня

приведения армии на мирное положение» [5, л. 1]. Еще в течение нескольких лет после окончания Русско-японской войны ее отголоски не позволяли мирному населению вернуться к привычному укладу жизни.

Министр внутренних дел Петр Аркадьевич Столыпин, циркуляром от 4 сентября 1909 г. № 32, обратился к губернаторам с предложением совместно с Комиссией по увековечению памяти погибших в войну с Японией воинских чинов установить на их родине поминальные доски с именами в храмах, где они числились прихожанами. Доски разрабатывались при содействии Императорской Академии Художеств и выдающихся профессоров инженеров [1, л. 1]. На их установку требовались средства, которые было решено собирать путем пожертвований населения. Такие доски предполагалось установить и в храмах Курской губернии. Процесс по их заказу и установке планировали начать в 1914 г.

Приведем ответ Курского губернатора на это предложение: «Я полагаю, что увековечение памяти воинов есть дело совершенно безденежное, по счастью совершенно не связанное с какими-либо сборами, ибо иначе я бы за это дело и не взялся. В каждом приходе найдется человек, который пожертвует две небольших доски, найдется столяр, который их скрепит и обделает, найдется маляр, который их выкрасит черной краской и напишет желтыми буквами имена умерших» [1, л. 6–6об.].

Вместо сборов пожертвований в храмах ученикам Курской Духовной Семинарии было предложено на каникулах собрать сведения о местных жителях, «честно живот свой на поле брани положивших». [1, л. 8] Семинаристам, желающим помочь в этом деле, выдавались специальные удостоверения, по которым правительственные и общественные учреждения, а также должностные лица, обязывались оказывать им содействие [1, л. 27].

На имя губернатора от учеников поступали списки погибших в Русско-японской войне жителей Курского края. Свои летние каникулы семинаристы нескольких уездов предпочли потратить на восстановление исторической справедливости, на восстановление памяти. Прошло почти десять лет с момента заключения мирного договора, и как бы ни казалось, что конфликт на Дальнем Востоке территориально был далек от границ нашего региона, во многих селах и деревнях еще оплакивали погибших. Эти списки по-прежнему хранятся в архивном фонде «Канцелярия Курского губернатора» [1].

После окончания войны, осенью 1906 г., была образована специальная военно-историческая комиссия по описанию Русско-японской войны. Но, как считал Ф.П. Рерберг «... ни Сам Государь, ни последующие поколения никогда не смогут узнать: ни настоящих причин возникновения войны, ни причин поражения наших армий в Маньчжурии» [9, с. 174].

И хочется задать всего один вопрос: «Стоила ли та «маленькая победоносная война» тех жертв и последствий, к которым она привела Россию? Стоит ли того любая война?»

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 8627.
2. ГАКО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 77.
3. ГАКО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 78.
4. ГАКО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 84.
5. ГАКО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 85.
6. Большая Курская Энциклопедия. Т. I. Кн. I. – Курск, 2004. – 416 с.
7. Горелов Ю.П. Последние месяцы Русско-японской войны (1904–1905 гг.). Портсмутский мир // Вестник КемГУ. – 2012. – № 4 (52). Т. 1. – С. 36–39.
8. Рудой Н.А. Деятельность Красного Креста во время Русско-японской войны 1904-1905 гг. // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2012. – № 6. – С. 59–61.
9. Фролов И.А. Причины Русско-японской войны 1904–1905 гг. // Власть. – 2014. – № 7. – С. 173–176.

О.В. Талтынов,

аспирант ФГБОУ ВО «Воронежский государственный аграрный университет имени Императора Петра I»

ОСВЕЩЕНИЕ ПЕРВЫХ МЕСЯЦЕВ РУССКО–ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904–1905 гг. НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ВОЙНА С ЯПОНИЕЙ»

Основными периодическими изданиями общего назначения, освещающими военные действия и солдатскую повседневность, к началу Русско-японской войны выступали: «Чтение для солдата», «Разведчик», «Военный сборник», «Русский инвалид». Позднее в печати появились специализированные журналы, содержание которых проистекало из их названия: «Летопись войны с Японией», «Война с Японией. Иллюстрированное обозрение текущих событий», «Война с Японией. Еженедельный иллюстрированный журнал военных событий», «Иллюстрированная летопись Русско-японской войны».

Предположительно, одним из первых специальных журналов о русско-японской войне стал «Война съ Японіей», издаваемый типографией А.И. Мамонтова, выпуск которого был напечатан уже спустя несколько дней с начала войны. К сожалению, на страницах издания не указана точная дата выхода и лишь на последней странице, под рекламой граммофонов, напечатано – «Дозволено цензурою. Москва, 30-го января 1904 г.». Но эту дату нельзя считать днем публикации. На странице 15 в разделе VII – «Проводы моряковъ» указан день самого события – 31 января 1904 г. Информация о дате второго выпуска, на используемом источнике

отсутствует, а вот на третьем гласит – «Дозволено цензурою. Москва, 10-го марта 1904 г.», что позволяет предположить примерную дату выхода журнала – 1 февраля 1904 г.

Первый раздел журнала – «Японія, какъ государство», излагаемый, как и большинство последующих разделов, в научно-публицистическом стиле содержит общие сведения о Японии, её территориальном расположении, занимаемой площади и количестве островов, численности коренного населения, а также о численном составе иностранцев в лице: китайцев, англичан, американцев, немцев, французов, русских, португальцев и голландцев. Данные, несомненно интересные, но вызывающие сомнения в своей точности. К примеру абзац, посвященный количеству и занимаемой площади островов с переходом к численности населения, содержит следующие данные, но информации об источнике, подтверждающем их нет:

«Островъ Ниппонъ имѣтъ 226,579 кв. клм., Сикокъ – 18,210 кв. клм. Кіусіу съ о-вами Ліукіу — 43, 615 кв. клм. и Іезо – 94,012 кв. клм. Изъ другихъ острововъ по пространству играетъ роль Формоза, принадлежащій Японіи съ 1895 года.

Населеніе всей Японіи въ 1898 году состояло изъ 22.069.046 мужчинъ и 21.685.307 женщинъ. По классамъ населеніе дѣлится: императорская семья – 53 человека; знать – 4551; рыцари или военный классъ – 2.105.655 и народа 40.644.447 человекъ.

Всѣхъ иностранцевъ было 10.531...» [2, с. 3–4].

От описания самой страны повествование переходит к военным силам Японии, помещенное в одноименный раздел, первые строки которого сообщают о том, что: «Японская армія организована по европейскому образцу и, насколько возможно, она старается копировать Германію...» и далее «По примеру Германіи, въ Японіи введена для пополненія арміи нижними чинами, такъ называемая, территориальная система». Помимо данного утверждения сообщается и численный состав самой армии вместе с численным составом офицеров и нижних чинов: «Всего въ дѣйствующей арміи 52 полка: пѣхоты (156 батал.), 65 эскадроновъ, 117 батарей (702 оруд.), 13 піонерных и 13 обозн. батальоновъ. Сюда включена бригада острова Іезо... Офицеровъ — 8.116 (изъ нихъ строевыхъ 5.097. Нижних чиновъ — 135.533...» [2, с. 5]. Источника, подтверждающего приведенную информацию в таком точном виде, найти не удалось. Схожая информация присутствует в труде майора германской службы Иммануэля Фридриха «Русско-Японская война въ военномъ и политическом отношеніяхъ» изданном в 1906 г.:

«Въ 1872 года введена всеобщая воинская повинность. Вскорѣ послѣ этого были приглашены инструктора и армія организована по образцу германской...
8,100 офицеровъ.

133,500 нижнихъ чиновъ» [5, с. 8].

Но и эта информация не является достоверной, о чем сообщает переводчик – Адарида Карл Михайлович.

«Авторъ даетъ очеркъ вооруженныхъ силъ Японіи по свѣдѣніямъ, имѣвшимся до войны. Во время самой войны какъ организация, такъ и численность арміи подверглись, повидимому, измѣненіямъ о которыхъ до сихъ поръ точныхъ свѣдѣній не имѣется» [5, с. 7].

Интересен то факт, что схожие цифры указываются и в изданиях советского периода. В работе Н. Веселовского приведена таблица вооруженных сил Японии по годам. На 1904 г. «Офицеров — 8000, Унтерофицеров и солдат – 142000» [1, с. 20], но опять же ни ссылки на источник, никакой либо другой информации, подтверждающей данные, в работе нет.

Третий раздел журнала «Корея и ея отношеіе къ Японіи» теряет научно-публицистический стиль и подается в разговорной манере:

«Карты Азіи въ общеупотребительныхъ атласахъ всегда чертятся въ болѣе мелкомъ масштабѣ, чѣмъ другія части свѣта, а потому Корея и кажется такою маленькою... Народъ въ Корей бѣдный, забытый и угнетенный чиновниками...» [2, с. 5].

В сравнение с разделом о Японии, здесь не приводятся точные данные, относящиеся ни к площади территории, ни к численности населения и для заполнения пробела в научной информации, читателю предлагают сообщение, заимствованное из газеты «Московскіе Вѣдомости»:

«Вотъ какъ объясняетъ одинъ изъ знатаковъ Дальняго Востока отношенія Японіи къ Корей...» [2, с. 7].

Для понимания изложенной информации и представления географического расположения упомянутых стран, в журнале дается карта театра военных действий, размещенная на развороте. Карта лишена масштаба и принятых меридиан и параллелей. Большинство названий приведены в написании XIX в. Так остров Сикокъ, в настоящее время Сикоку, указан в написание как Сикокфъ, а известная к началу войны провинция Шань-Дунъ, сокращена до Дунъ [2, с. 8–9].

Непосредственное описание самих военных событий начинается с VI раздела — «Первые выстрѣлы», в котором содержится опубликованная в «Правительственном Вѣстникѣ» телеграмма:

«Во вторникъ, 27-го января, въ «Правительственном Вестникѣ» была опубликована телеграмма намѣстника Дальняго Востока Государю Императору. Она гласила, что около полуночи съ 26 на 27 января японскіе миноносцы произвели внезапную минную атаку на нашу эскадру, стоявшею на внѣшнем рейдѣ крѣпости Портъ-Артуръ, при чемъ броненосцы «Ретвизанъ,

«Цесаревичъ» и крейсеръ «Паллада» получили пробоины, - степень ихъ серьезности выясняется...» [2, с. 12].

По завершению пересказа телеграммы, повествование переходит к обличению вероломного нападения японцев. Авторы издания жестко критикуют сам факт нападения с нарушением традиций международного права и указывают на несостоятельность самого поступка:

«... и хотя достигли нѣкоторого успѣха, но такого ничтожнаго, что онъ не окупаются ихъ безумной дерзостью...» [2, с. 12].

Дальнейший текст сообщает о последних дипломатических событиях, в связи с пересмотром соглашений по Корейскому вопросу, опираясь на «Высочайший Манифест об открытии военных действий против Японии» от 27 января 1904 г. за подписью императора Николая II, который приводится в неполном виде. К сожалению, в сообщении не упоминаются мнения исследователей по данному вопросу, ни ссылки на используемые источники. Первый выпуск журнала заканчивается, ранее упомянутым, разделом «Проводы моряковъ» и напутственным обращением к последним В.А. Гиляровского.

Страницы второго номера издания «Война с Японіей», уже, полностью посвящены описанию военных действий. Номер начинается с напутственного слова русским войнам от Д. Павлова и продолжается разделом «Въ Портъ-Артурѣ», содержащим данный авторами анализ возможных действий со стороны Японии и обороноспособности крепости, подкрепленный фотографиями и иллюстрациями из еженедельной газеты «Illustrated London News»:

«... Обложивъ портъ-артурскую крѣпость, они могут итти во флангъ и тыль нашего расположения къ Мукдену и Харбину, одновременно развивая военныя дѣйствія въ Кореѣ и долину Ялу...» [3, с. 3].

О Порт-Артуре:

«...Дѣло въ том, что крупныя береговыя орудія, которыми вооружены эти укрѣпленія, наводятся на корабль особымъ способомъ... Это одинъ изъ главныхъ шансовъ, что японцы въ атакѣ 27-го января понесли сильный уронъ...» [3, с. 5].

Большая часть раздела содержит, помимо описания фортификационных особенностей крепости, сведения исторического характера, освещающие жизнь в крепости во времена её принадлежности Китаю. и «Нового города», построенного уже русскими:

«...Около этого базара стоялъ китайскій театр Тифонтая, бывшаго генерала китайской арміи... въ театрѣ Тифонтая изображалась часто китайская свадьба и съ такими реальными подробностями, что даже издавшіе виды моряки отворачивались и краснѣли...» [3, с. 6].

«Послѣднія извѣстія» – третий раздел номера, повествующий о военных столкновениях за первый месяц войны, выстроен хронологически

и наполнен большим количеством имен собственных, относящихся к географической местности, названию кораблей военного и гражданского флота с обеих сторон, а также приведенной ретроспективой японской военной тактики, которая подробно описывается в разделе VI - «Уроки японско-китайской войны».

Первое упоминание, с момента начала войны, свидетельствует об атаке миноносцев неприятеля на русские суда 1 февраля 1904 г. и уточняется, что «...быль повреждень крейсеръ „Бояринь“...» [3, с. 7]. Дальнейшие события сообщают о неудачной попытке 11 февраля 1904 г. атаковать «Ретвизана» и её, провальном, повторе 12 числа. Последующее повествование сводится к перечислению произошедших событий с небольшими историческими пояснениями, в которых сопоставляются русские войска с японскими, в нежелательном свете для последних:

«...Въ 1894 году, 22 ноября, японцы взяли Портъ — Артуръ послѣ двухдневной бомбардировки съ суши, что можно объяснить только малочисленностью, плохимъ составомъ и полнѣйшей дезорганизаціей китайскаго гарнизона...

Въ 1894 году они высадились на Квантунскій полуостровъ на перешейкѣ въ Кинь-Чжоу и Талиенванѣ... дошли до Порт-Артура, который и осадили съ трехъ сторонъ. Этотъ переходъ всего въ 47 верстѣ занялъ времени ровно 10 дней... Черепашья медленность... в русской арміи при среднемъ шагѣ принято дѣлать 4 версты въ часъ, и, слѣдовательно, русскія войска, даже при тяжелой дорогѣ, сдѣлали бы этотъ переходъ въ 2-3 дня [3, с. 10].

Завершающей датой, упомянутой в разделе, числится 27 февраля, с которой связаны «молодечки» выдержанная русскими солдатами бомбардировка Порт-Артура и слухи о том, что: «Портъ-Артуръ „фактически“ оставленъ русскими». В сообщении подчеркивается, что «...въ послѣднее время въ прессѣ, особенно англійской, появилась масса вздорныхъ слуховъ... объ оставленіи русскими крѣпости...» [3, с. 13].

Положительной стороной информации, представленной читателю в данном разделе, можно считать её разносторонность и объективность, которая выражается в упоминание и критике источников. Авторы уже не просто копируют большую часть текста из других изданий, помечая их ссылкой под звездочкой, как это делалось в первом выпуске, а указывают конкретное сообщение. Такая тенденция повествования сохраняется в последующих разделах и на страницах следующих номеров:

«... по извѣстіям «Morning Post,» въ Чифу прибылъ экипажъ затонувшаго японскаго броненосца, и затонулъ еще одинъ миноносец... Конечно, только подробный подсчетъ после кампаніи покажет настоящія потери...» [3, с. 8].

Журнал «Война съ Японіей», издаваемый типографией А.И. Мамонтова, являлся, несомненно, ценным, а первое время

единственным источником, освещающим военные действия в первые месяцы войны. Осмелимся предположить, что его основными читателями, по задумке авторов, должны были стать рядовой и офицерский состав. Но попытка создать «журнал для всех», по нашему мнению, не увенчалась успехом. Первый выпуск издания содержал общую информацию, слишком сложную для восприятия простыми солдатами, которые, зачастую, были выходцами из крестьянских семей, и не столь необходимую для образованных офицеров. Сложность восприятия для нижних чинов проистекала из неуместного использования точных чисел, специальных терминов и новых, непривычных для русского человека, слов, а также их употребления на другом языке. Авторы не стремились сопровождать их объяснительными комментариями по примеру таких изданий как: «Чтения для солдат», «Досуг и дело» [6, с. 80].

Иллюстрированное сопровождение журнала, принадлежность к которой указано в самом названии, занимает незначительное место. Заглавная страница нового выпуска оформлялась портретом командующего флотом или сухопутными войсками, некоторые разделы подкреплены изображениями описываемых событий и, по возможности, схематичными картами. Общее число иллюстраций в трех проанализированных номерах составило 12 на общем числе страниц – 52. Наибольшее их число во втором номере – 7 иллюстраций.

Предполагаем, что рассматриваемое издание не имело установленной периодичности, обычно указываемой на главной странице, и носило, скорее всего, временный характер с целью обогащения его авторов. На это указывает большое количество рекламы, занимаемой две полных страницы в каждом выпуске, а применительно ко второму – четыре.

Источники и литература

1. Веселовский Н. Япония и её вооруженные силы. – М.: Воениздат, 1932. – 63 с.
2. Война с Японией. – 1904. – Выпуск I. – 16 с.
3. Война с Японией. – 1904. – Выпуск II. – 20 с.
4. Война с Японией. – 1904. – Выпуск III. – 16 с.
5. Иммануэль Ф. Русско-японская война въ военномъ и политическом отношеніяхъ. Вып. 1. – СПб: Типографія Тренке и Фюсно, 1906. – 99 с.
6. «Чтение для солдат» периода русско-японской войны: специфика обращения к читателю / И. О. Ермаченко // История русского читателя. Вып. 5. – СПб.: Изд-во СПбГУКИ, 2010. – С. 73–101.

О.А. Черников,
*кандидат исторических наук,
начальник отдела научно-исследовательской работы
и информационного обеспечения
ОКУ «Госархив Курской области»*

КООПЕРАТИВНОЕ ДВИЖЕНИЕ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Годы Первой мировой войны стали особым этапом в развитии отечественного кооперативного движения. Это время расцвета различных видов кооперации.

Влияние войны проявлялось в основном в двух направлениях: резко выросло как число кооперативов и их членов и одновременно потребности армии в различных поставках привели к активизации сбытовой деятельности кооперативных организаций различных форм.

Не являлась исключением в данном процессе и территория Курской губернии.

Так значительный всплеск прослеживался в деятельности потребительской кооперации. Данный стремительный рост объясняется тем, что во время войны произошло уменьшение запасов продовольствия и предметов массового потребления, сократилось их производство, выросли цены на них, расцвела спекуляция.

Потребительские кооперативы охватили своей деятельностью большинство населённых пунктов. Это были как общесословные, так и корпоративные общества.

О резком росте говорят следующие цифры. По имеющимся сведениям, до 1914 г. в Курской губернии функционировало 49 обществ. За 1914 г. возникло 22 общества, из них в период с 1 июля 1914 г. – 6. В 1915 г. начали функционировать еще 25 кооперативов, а за период с 1 января по 10 сентября 1916 г. – 81 общество. Таким образом к осени 1916 г. в нашем регионе действовало 177 потребительских кооперативов (из них появившихся в годы войны – 112) [3, л. 25].

В годы войны происходили и другие количественные изменения. Так, если ранее большинству новых учреждений требовался длительный срок для расширения объемов своей деятельности, то в условиях военного времени многие общества буквально за один-два года после открытия достигли размеров, о которых не смели мечтать самые крепкие из кооперативов предвоенных лет. Резкий рост масштабов работы наблюдался и в товариществах, созданных в довоенные годы [5, л. 7].

Во многом это было связано и с тем, что с помощью потребительских обществ властные структуры пытались решить ряд новых проблем, главной из которых была организация распределения различных товаров.

Кооперативы же через такое сотрудничество решали вопросы обеспечения своих членов.

Дело даже доходило до того, что власти не только использовали уже имевшиеся общества, но иногда инициировали и появление новых. Именно так возникло Белгородское общество потребителей Курской губернии. Постановление о его создании было принято в начале 1916 г. местной городской думой [4, л. 7–7об.]

О значении потребительский обществ говорит следующий факт, что, например, Рыльское общество потребителей даже было включено в число «предприятий, работающих на государственную оборону вследствие выполнения ими соответствующих заказов» «как предприятие имеющее исключительно важное значение в снабжении населения продуктами первой необходимости в размере 100% [9, л. 9].

Усилившееся в годы войны сотрудничество потребительских кооперативов с различными властными органами имело не только положительную сторону, но и отрицательную. В результате новых функций, возложенных на кооперацию, произошел серьезный подрыв ее самостоятельности. Нередко вся кооперативная деятельность сводилась к чисто распределительным функциям. Многие товарищества превратились в механизм, через который власти просто снабжали население товарами первой необходимости. Потребкооперация постепенно стала превращаться в придаток административной системы. Данное происходило на территории всей Российской империи, в том числе и Курской губернии.

Серьезные изменения происходили и в среде финансово-кредитных кооперативов. Так продолжился их количественный рост, увеличиваются обороты. Все большее число кооперативов отказывается от использования государственных и земских субсидий.

Но самое главное то, что в рассматриваемый период начинает меняться характер деятельности товариществ. И в первую очередь это связано с расширением посреднических операций.

В предвоенный период посредничество не превратилось в целенаправленную деятельность финансовых обществ. Товарищества, занимавшиеся ею, были единичны. Часто, совершив один раз такую операцию, кооперативы больше к ней не возвращались. Это подтверждает и то, что к началу 1913 г. средства, предназначенные на ведение посреднических операций, или закупленные товары имелись на счетах единичных кооперативов. Как правило, это были незначительные суммы в несколько сот рублей [15, 16].

К активной работе в этом направлении подтолкнула Первая мировая война. Отсутствие необходимых товаров, их высокая стоимость заставили кооперативы уделить всему этому большее внимание. По существу, не имелось ни одного общества, которое не начало бы или не приняло бы решения о проведении торговых операций в 1915–16 гг.

При этом упор делался на приобретение продуктов питания и других товаров первой необходимости. Ряд же кооперативов напрямую занялся различной торговлей. Так значительные товарные операции отмечены в Курском, Суджанском, Фатежском и ряде других обществ.

Например, в 1915 г. одно из крупнейших товариществ Курской губернии Суджанское кредитное товарищество (к концу 1915 г. состояло 2351 члена) приобрело товаров на сумму более 7 тыс. руб. [7, л. 12]. Одновременно с этим оно осуществило закупку двух вагонов каменного угля, которым в дальнейшем снабжало местных кустарей [1, л. 300].

В дальнейшем суммы продолжали увеличиваться. Так по итогам 1917 г. объем посреднических операций по покупке товаров в Курском ссудо-сберегательном товариществе составил почти 396 тыс. руб. [8, л. 2].

В некоторых же случаях члены кредитных кооперативов для решения своих насущных проблем поступали проще – они создавали при кредитном товариществе потребительские общества. Например, 7 марта 1916 г. открыло действие общество потребителей с. Горяиново Павловской волости Обоянского уезда. Примечательно, что все его учредители — это члены местного Горяиновского кредитного товарищества [2, л. 2, 14].

Таким образом мы фактически можем говорить о своеобразном процессе слияния кооперативных организаций различных видов.

Особенно ярко данное прослеживается на примере волны союзного объединения, начавшегося в 1915 г. Этот процесс, долго и упорно задерживаемый внешними препятствиями, охватил все регионы страны, включая и Курскую губернию. Так 7 сентября 1917 г. состоялось организационное собрание уполномоченных от 76 кооперативов Курской губернии по утверждению устава Союза потребительских обществ Курской губернии [12, л. 19]. 21 сентября 1917 г. он был зарегистрирован в Курском окружном суде [12, л. 36]. О заинтересованности в данных объединениях говорит тот факт, что уже к концу 1917 г. в него вошло 152 общества, включая ряд кредитных товариществ [11, л. 3–4].

При этом цели данных объединений на практике были очень прозаичны. Официально звучали красивые фразы. Например, в обращении Правления союза потребительских обществ Курской губернии в Правление Московского союза потребительских обществ об условиях вступления в данный союз от 23 августа 1917 г. говорится: «На заре новой жизни России кооперации суждено играть первую роль в снабжении населения всем необходимым. Но разбросанные маленькие общества в настоящее время не в силах выполнить тех задач, которые берет на себя кооперация. Общества потребителей г. Курска решили прийти на помощь всем этим маленьким обществам, разбросанным по уголкам Курской губернии и образовали Союз потребительских обществ Курской губернии. Дело наше только началось. Работа, при настоящих условиях, в высшей степени трудна. Правление вновь нарождающегося Союза прилагает все усилия к развитию этого дела и желает завязать сношения со старшим Товарищем – Московским союзом»

[12, л. 5–5об.]. Но реально данное обращение сводилось к более конкретному вопросу об условиях получения различных товаров.

На решение насущных проблем были направлены и попытки создания «межсоюзных» объединений. Так Курский губернский съезд кредитных товариществ, заседавший с 19 по 22 сентября с участием представителей от Союза потребительских обществ, признал желательным объединить деятельность двух указанных союзов «дабы общими усилиями в возможно полной мере обслуживать население Курской губернии по снабжению предметами первой необходимости» [13, л. 49].

В целом же за «повышенной» активностью кооперативных организаций в рассматриваемый период как правило стояла огромная масса членов обществ, которых на самом деле абсолютно не интересовало сама сущность кооперативного движения, его идеология. Важным для них было лишь удовлетворение своих личных, сиюминутных потребностей.

Но тем не менее не стоит совсем уж умалять деятельность кооперативных организаций, в том числе и работу, непосредственно связанную с военными действиями.

Так многие кооперативы брали под опеку семьи своих членов и служащих, призванных в армию, погибших на полях сражений. Регулярно выделялись средства в пользу Красного креста, на подарки к праздникам в действующую армию, на помощь военнопленным и т.д. [6, л. 66об., 110об., 201].

Наиболее ярким примером подобной работы местных кооперативных организаций являлось создание специальных лазаретов для раненных и больных военнослужащих.

Один из подобных лазаретов посетил император Николай II в ходе своего посещения г. Курска 22 ноября 1914 г. Вот как описывалось данное посещение в газете «Курские епархиальные ведомости»: «Из дворянского госпиталя Его Величество изволил проследовать в лазарет на 26 кроватей, устроенный крестьянскими кредитными товариществами в лечебнице общества курских врачей, что на Золотой улице. Здесь при входе в госпиталь имели счастье встретить Государя Императора крестьянские представители кредитных товариществ Курской губернии и поднести хлеб-соль. Его Величество милостиво принял подношение и изволил выразить Высочайшую благодарность кредитным товариществам за оказанную им помощь в деле лечения раненых. Здесь, как и в дворянском лазарете, Его Величество осчастливил раненых милостивыми расспросами и оделял их медалями «за храбрость» [14].

Согласно «Отчета о поступивших и израсходованных суммах на содержание лазаретов кредитных кооперативов в Курске с 1 июня 1916 г. по 1 июня 1917 г.» к лету 1917 г. в лазаретах кредитных кооперативов имелось 62 койки. С момента открытия 26 сентября 1914 г. по 1 июня 1917 г. была оказана помощь 1124 больным и раненым. Большинство из них прошло именно через первый лазарет на ул. Золотой, специально предназначенный

для «тяжело больных, нервнопотрясенных и контуженных» [13, л. 80–80об.].

Предпринимались в Курской губернии и попытки привлечения кооперативов к поставкам продовольствия для армии. Однако следует признать, что результаты были не вполне удовлетворительными. Во многом данное было связано с работой властей, пытавшихся зачастую возложить огромное количество возникающих в данном случае вопросов и даже расходов на сами же кооперативы.

Яркий пример – попытка привлечь кооперативы к поставкам сала. В декабре 1915 г. Управляющий делами мелкого кредита при Государственном банке обратился в правления кредитных товариществ со следующим обращением, которое приводим полностью:

«Одной из забот Правительств в деле поставки на армию предметов продовольствия является привлечение к этим поставкам, по возможности, самих производителей через посредство различного вида кооперативов и особенно, учреждений мелкого кредита.

На одном из последних совещаний по поставкам сала, этого важнейшего продукта продовольствия, выяснилось, что там, где нет союзов, к этим поставкам могли быть привлечены и при том непосредственно крупные товарищества в качестве центральных, объединяющих организаций.

Ведомству, ведающему поставками на армию, затруднительно иметь дело с небольшими кооперативами, так как в таком большом деле они представляются ячейками, слишком мелкими. Но крупные товарищества, если бы пожелали объединить поставку нескольких товариществ, взяв на себя общее представительство и руководство, являлись бы для помянутого ведомства весьма желательными посредниками. Организация могла бы вылиться приблизительно в такой форме.

Более или менее крупное товарищество, выяснив, какие из ближайших товариществ могли бы принять участие в совместной поставке сала и в каком размере, приглашает представителей их на совещание для выработки общих условий.

О дне и предмете этого совещания товарищество своевременно уведомляет инспектора мелкого кредита, районного уполномоченного по закупке сала и местную полицию.

Товарищества, примкнувшие к совместной поставке, заключают, каждое в отдельности с центральным товариществом условие о поставке, а это последнее от себя заключает условия с уполномоченным по закупке сала.

О всех лицах, привлеченных товариществами к работе по поставке сала полезно своевременно довести до сведения местного земского начальника с просьбой сделать распоряжение по подведомственным волостям об освобождении их от различного рода общественных работ, которые могли бы отразиться на ходе поставки.

Принимая на себя полную готовность содействовать обеспечению товариществам наилучших условий этих поставок, поскольку это окажется возможным и согласным с интересами казны, и нуждами армии, прошу сообщить, согласно ли товарищество, совместно с другими, принять на себя поставку сала, в каком приблизительно количестве и на каких условиях. Если в округе товарищества какие-либо учреждения мелкого кредита уже поставляли сало, то желательно знать, какие на практике выяснились препятствия, мешавшие этой поставке.

Не предрешая того, что товарищество может признать важным сообщить по настоящему делу, считаю, однако, не лишним напомнить следующие вопросы: цена, комиссионное вознаграждение, средства хранения, условия поставки и приемки (качество, сроки, место, состав приемной комиссии, жалобы), снабжение солью, рабочие руки, укупорочные материалы, обеспечение вагонами. Некоторые общие условия поставки сала и адреса уполномоченных в районах заготовок сала помещены в №46 «Вестника мелкого кредита».

Сообщая об изложенном, считаю долгом подчеркнуть высокую патриотическую цель настоящего дела, цель - которая должна подсказать товариществу необходимость употребить все усилия для того, чтобы удовлетворить настоятельную нужду армии в сале.

Для ускорения дела, в случае готовности принять готовности принять в поставке сала, сообщите об этом и своих условиях одновременно Главноуполномоченному по поставке для действующей армии одежды и продовольствия С.Н. Ленину и местному уполномоченному» [10, л. 132–133].

По сохранившимся сведениям, интерес к данному обращению проявило лишь правление Масловского 1-го кредитного товарищества (с. Маслова-Пристань, Белгородского уезда). В своем письме от 7 января 1916 г. на имя Уполномоченного главного управления землеустройства и земледелия по Курской губернии оно сообщало о намерении поставки партии сала в 700 пудов для армии. При этом оно интересовалось ценой сала и на чей счет относится упаковка [10, л. 141]. Итог данной переписки нам не известен.

В результате лишь отдельные общества, как правило наиболее крупные, участвовали в поставке продовольствия для нужд армии. Да и они носили не большие объемы.

Так ранее упоминавшейся Суджанское кредитное товарищество в 1915 г. заключило через Главное управление землеустройства и земледелия договор о поставках лишь 3 вагонов овса и 1 ржи [1, л. 300].

В целом же следует сделать вывод, что, сколько бы наносного, неверного с точки зрения кооперативных идеалов не присутствовало в рассматриваемый период в деятельности кооперативных организаций Курской губернии, большинство этих явлений объяснялось сложностями военного времени. Главное же в том, что значительная часть обществ

постаралась облегчить положение населения, а ведь в этом и заключается основное предназначение любого подлинного кооперативного учреждения.

Источники и литература

1. Российский государственный исторический архив. Ф. 582. Оп. 7. Д. 122. Л. 300).
2. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф.1. Оп. 1. Д. 8764.
3. ГАКО). Ф. 1. Оп 1. Д. 8983.
4. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9009.
5. ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 13244.
6. ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 13367.
7. ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 13387.
8. ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 13473.
9. ГАКО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 1253.
10. ГАКО. Ф.1504. Оп. 1. Д. 339.
11. ГАКО. Ф. Р-352. Оп. 1. Д. 4.
12. ГАКО. Ф. Р-352. Оп. 1. Д. 5.
13. ГАКО. Ф. Р-352. Оп. 1. Д. 137.
14. Курские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. – 1914. – 15–22 ноября.
15. Отчет о состоянии кредитных товариществ по данным на 1 января 1913 года. – Пг.: Типо-литография «Якорь», 1914. – 538 с.
16. Отчет о состоянии ссудо-сберегательных товариществ и земских касс мелкого кредита по данным 1913 года. – Пг.: Типография И.Г. Попова, 1914. – 290 с.

Е.В. Черноусова,

кандидат филологических наук,

ведущий специалист отдела использования документов,

информационно-поисковых систем

и автоматизированных архивных технологий

Санкт-Петербургского ГКУ «Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга»

УЧЕБНЫЙ ПРОЦЕСС И БЫТ КУРСАНТОВ БАКИНСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ПЕТРОГРАДСКОЙ ОФИЦЕРСКОЙ ШКОЛЫ МОРСКОЙ АВИАЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЦЕНТРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА КИНОФОТОФОНОДОКУМЕНТОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)

История Бакинского отделения Петроградской офицерской школы морской авиации, впоследствии Бакинской офицерской школы морской авиации (БОШМА), является одной из малоизвестных и малоизученных

страниц истории авиации России. На данный момент историография по теме ограничивается главой в книге А.О. Александрова и М.А. Хайрулина «Офицерская школа морской авиации» [23], главой в книге А.О. Александрова «Развитие и деятельность военно-морской авиации в 1914-1917 годах. От Великой войны до войны Гражданской» [22], статьей в справочнике «Век в строю ВМФ: Авиация Военно-Морского Флота России (1910-2010)» [24], а также статьей Сибора Филса «Страницы истории Морской Авиации России: БОШМА» [27]. Авторы описывали, в основном, хронологию существования школы, но практически не поднимали вопросы организации учебного процесса и быта курсантов. В основе работ о БОШМА лежат, преимущественно, документы Российского Государственного архива ВМФ. В тоже время, в Центральном государственном архиве кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга хранится более 60 фотодокументов, освящающих различные стороны деятельности школы в период 1915–1917 гг. Некоторые из них приводились в работах о морской авиации в качестве иллюстративного материала, однако до настоящего времени эти фотодокументы не рассматривались как полноценный источник сведений о деятельности БОШМА.

Подготовка морских летчиков изначально была организована в Санкт-Петербурге. Однако погодные условия Балтийского моря не позволяли проводить круглогодичные полеты, поэтому 16 сентября 1915 г. Морской Генеральный Штаб пришел к решению открыть отделение Школы морской авиации на зимнее время в одном из незамерзающих портов России. Наиболее подходящим был признан порт Баку.

Работы по обустройству начались сразу после принятия решения об организации отделения [23, с. 59]. Первоначально школе была выделена Каменная пристань с прилегающей к ней частью набережной Императора Александра II, позднее БОШМА дополнительно получила Таможенную пристань. На сохранившихся кадрах аэрофотосъемки хорошо видно, что территория школы сначала была небольшой [7, сн. 40]. В рекордные сроки были построены необходимые для школы строения.

Деревянное одноэтажное здание кают-компаний и канцелярии с большими окнами, каменной печью, крытое железом, было пристроено к уже имевшемуся небольшому домику. На фотодокументе хорошо видно, что части получившегося в итоге дома имели разный размер, новая пристройка была существенно выше. По всей вероятности, здание строилось как временное, прямо на брусчатке пристани, и не имело фундамента, о чем можно судить по его изображению [7, сн. 9]. Около канцелярии была установлена высокая мачта с реей, удерживаемая стальными тросами, на которой поднимался шар, когда не было полётов или когда летающие самолеты вызывались в школу [7, сн. 10]. Обстановка внутри кают-компаний была спартанской: стены были обшиты деревом, имелись два нешироких двустворчатых шкафа, портрет императора Николая II на стене, у противоположной стены – небольшое зеркало,

посередине стоял длинный стол, где накрывали обед для офицеров. Сервировка стола состояла из стеклянной и белой фарфоровой посуды [7, сн. 8].

В первый год функционирования у БОШМА был только один ангар, временный, брезентовый, поставленный в начале Каменной пристани [7, сн. 16, сн. 17]. По мере увеличения авиационного парка школы требовались дополнительные помещения для хранения самолетов, и к 1917 г. у школы было уже пять ангара – три на Каменной пристани и два на Таможенной [7, сн. 18, сн. 20; 8].

За ангаром, у забора, отгораживающего территорию школы от проезжей части набережной, построили помещения для технических служб. Слесарно-сборочный цех, где проводился ремонт авиационных моторов, помещался в просторном деревянном здании с большими окнами. Для кузнечно-паяльного цеха сделали небольшую прямоугольную времянку, собранную, вероятно, из фанерных контейнеров, в которых поставлялись с завода самолеты [7, сн. 13]. Напротив ангара был построен гараж на четыре автомобиля. В распоряжении школы были три легковых автомобиля и один грузовик [7, сн. 15].

Для спуска и подъема из воды самолетов были построены слипы – специальные сооружения, состоящие из горизонтальной площадки и наклонной к воде плоскости. Работы по их сооружению затянулись. На фотодокументе, сделанном в день торжественного открытия Бакинского отделения школы, хорошо видно, что на Каменной пристани был готов только один слип, второй оставался недостроенным: из-за больших глубин в районе Каменной пристани возникли трудности с забиванием свай, служивших фундаментом слипов [7, сн.4].

Для проживания нижних чинов была выделена трехмачтовая парусная шхуна «Али-Абат», пришвартованная у Каменной пристани [7, сн. 11, сн. 16, сн. 17]. На нижних палубах были оборудованы жилые помещения с двухъярусными деревянными нарами, вдоль которых стояли скамьи и сундуки с личными вещами матросов [7, сн. 12]. С расширением школы, в 1917 г., в распоряжение БОШМА был передан пароход «Генерал Куропаткин» [3, л. 8], пришвартованный у Таможенной пристани [10; 12].

Начальником Бакинского отделения был назначен капитан 1 ранга А.А. Янович, бывший преподаватель Николаевской морской академии [1, л. 17]. Его образы присутствуют на изображениях групп офицерского состава, хранящихся в ЦГАКФФД СПб [7, сн. 5, сн. 6, сн. 7, сн. 8, сн. 9, сн. 10, сн. 31].

22 ноября 1915 г. состоялось открытие Бакинского отделения Петроградской офицерской школы Морской Авиации. К этому моменту оснащение школы было закончено. На торжественной церемонии, помимо представителей руководства Школы и курсантов, присутствовали военноморское руководство Каспийской флотилии, представители Городского самоуправления и по 20 человек учащих от каждого из учебных заведений

Баку. Молебен служил епископ Григорий. Церемония проходила на Каменной пристани [7, сн. 1, сн. 2].

Несмотря на официальное название, «офицерская школа», БОШМА, наряду с офицерами, готовила и нижних чинов – авиационных унтер-офицеров и авиационных кондукторов, обслуживавших и ремонтировавших самолеты.

Для полетов использовались все дни, благоприятные по погодным условиям. Единственным исключением явились воскресные дни, первый день Рождества Христова, Новый Год, Страстная Суббота и первый день Пасхи. Полеты начинались с 9 часов утра и продолжались, с небольшим перерывом на обед, до самого наступления темноты [5, л. 29].

Перед полетом матросы вручную выкатывали самолет из ангара, поместив его на специальную тележку [7, сн. 23]. Затем тележку убирали, и летающую лодку двигали по наклонной плоскости слипа к воде. У кромки воды в кабину садился летчик, запускал мотор и самолет скатывался в воду [7, сн. 30; 24], вырубивая подальше от берега для взлета [7, сн. 24]. Гидросамолет взлетал с воды, предварительно набрав необходимую скорость [7, сн. 25].

Обучение полётам проводилось на учебных аппаратах двух систем: летающих лодках конструкции Д.П. Григоровича М-5, произведенных на заводе Щетинина, и французских аппаратах F.V.A. Весной 1916 г. Школа получила один американский аппарат Кертиса, но полётов на нем было сделано мало [5, л. 12об].

Модель М-5 являлась одномоторной двухместной летающей лодкой — бипланом. Корпус аппарата с расположенными бок о бок сиденьями экипажа представлял собой конструкцию с ясеневым остовом и фанерной обшивкой, чья толщина варьировалась от 3 – 5 мм на бортах и в верхней части до 5-6 мм на днище и 10 мм у редана [21, с. 21]. Несущие поверхности и поверхности управления обтягивались полотном и покрывались лаком. Максимальная скорость достигала 105 км/ч, но только при новом моторе и не отсыревшем корпусе. Наряду с достоинствами этот отечественный гидросамолет обладал существенными недостатками. Как следует из «Памятной записки об авиации Черноморского флота» [4, л. 12–16], вследствие неправильно расположенного центра тяжести он плохо управлялся и с трудом взлетал с волны. Отличить эту машину от других современных ей самолетов можно по удлинённой и загнутой кверху хвостовой части [16; 17].

Летающая лодка F.V.A. производилась во Франции. Однореданный корпус лодки был выполнен из дерева и обшит фанерой. На законцовках нижнего крыла располагались небольшие балансировочные поплавки. Два члена экипажа размещались рядом в одной открытой кабине [19; 7, сн. 34] Летающие лодки этой модели, принадлежавшие Бакинской школе, имели закрепленный в хвостовой части Андреевский флаг. По крайней мере одна из этих машин потерпела аварию в 1916 г. [18]

Конструкция гидроплана Кертисс Н-4 была цельнодеревянная, с фанерной обшивкой. Лодка была слабокилеватая, с сильно развитыми скулами, развитые элероны устанавливались на верхнем крыле. Эти особенности конструкции хорошо видно на сохранившихся изображениях [7, сн. 35].

Тренировка предполагала полеты на гидропланах и знакомство с их устройством. Во время тренировки курсанты летали с руководителями. Основное внимание уделялось взлету и посадке на воду, вначале на спокойной воде, потом при волнении на море, полетам по прямой и т.д. [7, сн. 26; 14]. Продолжительность полета чаще всего составляла 15-30 минут, но иногда достигала полутора часов [5; 6].

На пирсе Таможенной пристани была выстроена вышка, где размещались сигнальщики, наблюдавшие в подзорную трубу за находящимися в воздухе самолетами, и подававшие, в случае необходимости, сигналы летчикам [5, л. 88; 7, сн. 21]. Часто интенсивность полетов была столь высока, что рядом приводнялись одновременно несколько самолетов. Это требовало от летчиков немалого мастерства, особенно при волнении на море [7, сн.27; 19]. Аварии с самолетами происходили, чаще всего, именно при посадке, поэтому для оказания помощи пострадавшим летчикам в распоряжении школы находились два моторных катера, носивших названия «РЭМУ» и «Элерон» [7, сн. 36, сн. 37]. После приводнения гидросамолет должен был «на самом тихом ходу» подойти к спуску слипа, и, не выключая мотора, «сесть» на его середину, для того чтобы дежурные по причалу могли выкатить самолет на пристань. [7, сн.28, сн.29; 13] Однако некоторые летчики, в нарушение инструкции начальника школы, «эффектно» вылетали на слип на полном ходу [5, л. 87об.].

За совершенные проступки на курсантов налагались взыскания. И, тем не менее, некоторые позволяли себе лихачество. Помимо «вылетов» на слип, известны случаи полетов под электросетями телеграфной радиостанции Бакинского порта и воздушными линиями высокого напряжения Акционерного общества «Электрическая Сила» [5, л. 66].

Нарушение безопасности полетов наказывалось строже всего, вплоть до отчисления из Школы, потому что существенно повышали аварийность, которая и при строгом соблюдении «Инструкции летающим» была высокой. Однако следует отметить, что большинство аварий не заканчивались серьезными увечьями или гибелью летчиков [2, л. 2]. Как видно из фотодокументов, изображающих потерпевшие аварию самолеты школы, лодка гидросамолета с кабиной пилотов обычно оставалась либо целой, либо повреждалась незначительно [7, сн. 42; 11; 13], подобно тому как произошло с машиной охотника 1 разряда Дм. Кирсанова, который «на высоте 20-30 метров, делая с мотором крутой поворот влево и идя на подъем, потерял скорость...упал носом и левым крылом в воду... Получил рассеченную рану около глаза и ушиб щеки...» [3, л. 172]. Такие

происшествия признавались «неизбежной в авиации случайностью». Ремонт летательного аппарата, если он был возможен, производился «из средств школы» [5, л.15].

Учебная программа курсантов не ограничивалась одними полетами. При школе была оборудована своя метеорологическая станция. Курсанты довольно подробно изучали специальность «Метеорология», вели наблюдения за воздушными течениями с помощью шаров-пилотов [5, л. 31; 7, сн. 22].

Одновременно с подготовкой пилотов на базе Бакинского отделения школы производились испытания новой техники для морской авиации. Вначале 1916 г. летчики школы начали полеты на гидросамолете М-10, построенном на заводе Щетинина по проекту А.Н. Сидельникова. Машина отличалась от других российских летающих лодок малыми размерами и размещением пилотов друг за другом. Элероны отсутствовали, управление по крену осуществлялось при помощи перекашивания задней кромки верхних крыльев, что хорошо видно на фотодокументах [7, сн. 32, сн. 33]. М-10 проявила себя неудовлетворительно и в серийное производство не пошла.

Осенью 1916 г. в распоряжение школы поступили новейшие морские истребители М-11 конструкции Д.П. Григоровича. По сравнению М-5 они обладали меньшими размерами и большей скоростью. Их характерной приметой был яйцевидный обтекатель перед мотором [15].

В ноябре 1916 г. на заводе Щетинина был построен прототип морского истребителя М-15 конструкции Д.Н. Григоровича – самый удачный самолет из тех, что испытывались БОШМА [9; 13]. Небольшой, легкий, скоростной и маневренный, он заслужил высокие оценки летчиков. В школу поступило несколько машин. Одна из них потерпела катастрофу зимой 1916–1917 гг. На фотодокументе изображен подъем разбитого М-15 из воды [16].

В 1916 г. в Баку проходили также испытания морского истребителя конструкции штабс-капитана Е.Р. Энгельса. Ныне имя этого незаурядного авиаконструктора забыто, как и самолеты, разработанные им.

Евгений Робертович Энгельс закончил Технологический институт и Артиллерийскую академию. Во время учебы в Севастопольской школе авиации он создал свой первый самолет – одноместный, с закрытой кабиной, моноплан «Орел», новаторскую для своего времени машину. В 1916 г., будучи летчиком-инструктором БОШМА, он разработал первый в мире гидросамолет-моноплан с крылом типа «парасоль» с загнутыми оконечностями крыльев и поплавками на их концах. Во время первых испытаний машина показала скорость выше, чем у других гидросамолетов – 170 км/ч, отличную управляемость, большую грузоподъемность. Истребитель Энгельса имел специальные крепления для подъема на корабль. Все грани лодки были образованы плоскими листами без выклейки, что делало машину очень технологичной в изготовлении [28]. В

ЦГАКФФД СПб хранится изображение этого удивительного самолета, опередившего свое время [20].

5 декабря 1916 г., во время третьего испытательного полёта, морской истребитель Энгельса потерпел катастрофу, в которой погиб сам конструктор. Официально причиной аварии стала техническая неисправность, но есть серьезные свидетельства, в том числе начальника БОШМА А.А. Яновича, что самолет был умышленно испорчен [3, л. 223–223об.].

Несмотря на то, что история Бакинской школы очень коротка, потенциал ее работы и развития был очень высок. В стенах школы проходило не только обучение курсантов, но и испытания новой авиационной техники, внедрялись новаторские методы преподавания и обучения, разрабатывались новые модели самолетов. Выпускники школы были очень востребованы в армии и на флоте. Если бы революционные события не прервали работу БОШМА, школа могла бы развиваться и как учебный, и как научный центр морской авиации. Поэтому история БОШМА требует глубокого исследования в рамках работы над историей морской авиации России, с привлечением документов ЦГАКФФД СПб как уникального источника сведений о Бакинском филиале Школы морской авиации.

Источники и литература

1. Российский государственный архив Военно-Морского флота (далее – РГА ВМФ). Ф. 406. Оп. 9. Д. 4969.
2. РГА ВМФ. Ф. 408. Оп.1. Д. 2836
3. РГА ВМФ. Ф. 418, Оп. 1. Д. 2241.
4. РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 1274.
5. РГА ВМФ. Ф. 1230. Оп. 1. Д. 7.
6. РГА ВМФ. Ф. 1230. Оп. 1. Д. 8.
7. Центральный государственный архив кинофото-фонодокументов Санкт-Петербурга (далее – ЦГАКФФД СПб), альбом П-6 «Бакинская офицерская школа морской авиации», 1915–1916 гг. г. Баку.
8. ЦГАКФФД СПб, А 221.
9. ЦГАКФФД СПб, А 229.
10. ЦГАКФФД СПб, А 232.
11. ЦГАКФФД СПб, А 233.
12. ЦГАКФФД СПб, А 234.
13. ЦГАКФФД СПб, А 237.
14. ЦГАКФФД СПб, А 238.
15. ЦГАКФФД СПб, А 239.
16. ЦГАКФФД СПб, А 240
17. ЦГАКФФД СПб, А 241
18. ЦГАКФФД СПб, А 243.

19. ЦГАКФФД СПб, А 245.
20. ЦГАКФФД СПб, Г 16824.
21. Александров А.О. Воздушные суда Российского императорского флота 1894–1917 гг. Том 1. Аппараты Щетинина и Григоровича. – СПб.: Б.С.К., 1998. – С.21–29.
22. Александров А.О., Хайрулин М.А. Офицерская школа морской авиации. – СПб. - М.: «Охотник», 2010. – 572 с.
23. Александров А.О. Развитие и деятельность военно-морской авиации в 1914–1917 годах. От Великой войны до войны Гражданской. – Тетр. 4: Летные школы Отдела Воздушного флота и Морского ведомства. Петроград и Баку, Гапсаль, Ораниенбаум и Красное село. – СПб.: «Охотник», 2013. – 258 с.
24. Левшов П.В., Болтенков Д.Е. Век в строю ВМФ: Авиация Военно-Морского Флота России (1910–2010). Справочник. – СПб., Специальный выпуск альманаха «Тайфун», 2012. – 768 с.
25. Маслов М. Русские самолеты. 1914–1917. – М.: ООО «Издательство Цейхгауз», 2006. – 88с.
26. План города Баку и его районов 1913 года. – Издание Канцелярии Наместника его Императорского Величества на Кавказе, 1913.
27. Сибор Филс. Страницы истории Морской Авиации России: БОШМА. // «Антология». – 2012. – Вып.2. – 56 с.
28. Шавров В.Б. История конструкций самолетов в СССР до 1938 г. – М.: Машиностроение, 2002. – 704 с.

А.И. Чубаров,
кандидат исторических наук,
научный сотрудник Военно-исторического музея
«Юные защитники Родины»

**ОРГАНИЗАЦИЯ ЗЕМСТВОМ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ ПРИЗРЕНИЯ
СЕМЕЙ ЗАПАСНЫХ НИЖНИХ ЧИНОВ
В РУССКО-ЯПОНСКУЮ ВОЙНУ 1904–1905 гг.**

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 19-09-00494 (а)*

Всего за время Русско-японской войны 1904–1905 гг. в Курской губернии на территории Белгородского, Дмитриевского, Курского, Корочанского, Львовского, Новооскольского, Путивльского, Рыльского, Тимского и Щигровского уездов были проведены 9 частичных мобилизаций, давших армии 27 484 человек [16, с. 20]. Остальные уезды Курской губернии сообщали об отходниках, призванных по мобилизации в других регионах.

Поскольку мобилизации в основном подлежали лица в возрасте 39–43 лет, МВД канцелярии курского губернатора разослало местным органам самоуправления циркуляр, в котором напоминала о том, что «жены и дети нижних чинов, а также престарелые их родители, существовавшие иждивением призванных..., поступают на попечение земства и городских и сельских обществ» на основании «Временных правил о призрении семейств чинов запаса и ратников государственного ополчения, призванных в военное время на службу» от 25 июня 1877 г. [7, л. 1.].

Для координации взаимодействия региональных и центральной власти в городах Курской губернии начали открывать филиалы «Попечительства о семействах воинов, призванных в ряды армии на Дальнем Востоке». Однако в 1904–1905 гг. филиалы «Попечительства...» функционировали только в трех городах, – Курске, Старом Осколе и Щиграх; остальные уездные города ссылались на отсутствие необходимости. Например, корочанский городской голова сообщил, что в г. Короче для этих целей уже имеется «комиссия из состава управы, городского головы, одного из гласных [думы. – А.Ч.] и участковых земских начальников» [1, л. 24–27, 29, 32, 38].

На экстренном заседании губернского земского собрания 21 февраля 1904 г. было решено обеспечить семейства как мобилизованных нижних чинов, так и солдат оставленных на сверхсрочную службу за счет земских средств [15, с. 1023].

Дополнительное постановление освобождало на 10 лет семьи убитых и инвалидов войны от выплат выкупных платежей и государственного поземельного налога [15, с. 1024]. Охотники (добровольцы) призривались «наравне с запасными» [4, л. 108 об.]. Выплата пособий бабушкам и дедушкам, братьям и сестрам нижнего чина осуществлялась «по усмотрению земства» [9, с. 73–74], если они «кормились его трудом».

Долгое время местные органы власти, – городские и земские управы, не могли установить точное количество нуждающихся семейств нижних чинов. Так, в апреле 1904 г. было выдано пособий солдатским семьям на общую сумму в 10 руб., а в мае было выплачено более 13 600 руб. [6, л. 12об.]. Только к концу 1904 г. удалось установить общее число курян мобилизованных, в т.ч. и вне губернии (отходников), составившее – 26 967 человек, а число призриваемых превысило 80 тыс. человек [2, л. 7 об.].

Курское губернское земство выделило на вспомоществление семьям нижних чинов 100 000 руб., но этого было мало. В 1904 г. Государственное казначейство предоставило Курской губернии кредит в 348 600 руб. на выплаты солдатским семействам [10, с. 167]. В 1905 г. сумма кредита превысила 733 000 руб. [2, л. 10, 24, 30, 33, 38]. На одно призриваемое лицо и в 1904 г., и в 1905 г. полагалось 1,5 руб. в месяц.

С января 1905 г. губернское земское собрание решило выплачивать пособие всем семействам мобилизованных, без исключения [12, с. 321]. Это

привело к тому, что лица, обратившиеся за назначением казенного пайка в 1905 г., гарантировано его получали, в то время как в 1904 г. продовольственное пособие назначили в основном только семьям нижних чинов, призванных по 1-й и 2-й частичным мобилизациям [3, л. 1–1 об.].

Это же постановление устанавливало выдачу денежных пособий с момента мобилизации нижнего чина, однако если заявление о вспомоществовании поступало через значительное время, то – с момента подачи заявления; семьям инвалидов войны продолжали выплачивать пособия до назначения государственной пенсии [4, л. 115]. Так же отмечалось, что «в настоящее время... гражданские браки не редкость», однако гражданские жены и внебрачные дети не могли рассчитывать на получение продовольственного пайка [17, с. 211], они «лишь изредка получали помощь от общественных организаций» [18, с. 212].

Большинство заявлений, поступавших к губернатору, содержали просьбы не о назначении пособий, а о возвращении домой мобилизованных. Отметим одно из них, поступившее на Павла Павловича Макаренко, крестьянина с. Большеенежиево Большеенежьевской волости Путивльского уезда в феврале 1905 г.: «По мобилизации 7 декабря 1904 г. призван на действительную службу мой единственный работник в семье, моей родной сын Трофим. А, между прочим, я в Русско-турецкую войну в 1878 г. ранен в плечо и теперь я не способен к работе, и за призывом сына я не в состоянии вести хозяйство. Прошу вернуть сына для поддержания хозяйства» [5, л. 208–208 об.].

Проведенная проверка выявила, что жена и трое детей нижнего чина получают от земства пособие 6 руб. в месяц. Документы заявителя были переданы в Александровский комитет о раненых для назначения ему пособия, прошение было «признано не заслуживающим уважения» [5, л. 203, 205, 211].

После окончания боевых действий и ратификации Портсмудского мирного договора местные органы власти прекратили выплату казенного пайка семьям мобилизованных, вызвав их недовольство. Губернатор Н.Н. Гордеев вынужден был оповестить население через земских начальников и полицию о том, что выплаты продолжатся, «но не более года со дня объявления высочайшего повеления о приведении армии на мирное положение» [4, л. 1–3], т.е. до 1 октября 1906 г.

Окончание Русско-японской войны привело к всплеску заявлений о денежных пособиях, инициаторами которых выступали демобилизованные нижние чины. Большинство прошений содержало просьбы о выплате казенного пайка, в основном за текущий месяц. Хотя, в соответствии с циркуляром Главного управления по делам местного хозяйства от 17 декабря 1905 г. земства прекращали выдачу пособий семьям возвратившихся трудоспособными запасных нижних чинов по истечении месячного срока [8, с. 21].

Однако некоторые вернувшиеся домой солдаты настаивали на продлении выплат. Так, демобилизованные запасные Кульбакинской волости Рыльского уезда ходатайствовали о начислении их семейства казенного пайка по июнь 1906 г. включительно, т.к. «невозможно достать работы в зимнее время» [11, с. 159; 15, с. 1031–1032].

Другие заявления содержали просьбы о денежных вспомоществованиях, необходимых для поддержания и восстановления хозяйств, пришедших в упадок.

Некоторые же требовали выплатить казенный паек их семьям за 1904–1905 гг., мотивируя заявления тем, что они не знали ни о существовании «Временных правил...» от 25 июня 1877 г., ни о постановлении земского собрания [11, с. 1, 159], решившего выплачивать пособие всем заявившим о нем, без проверки степени нужды просителей.

Конфликтная ситуация, по словам представителей земства, возникла из-за военного начальства, которое при демобилизации нижних чинов, объявляло им, что вправе получить пособия «за все время пребывания их на службе» [3, л. 1–1 об.].

Неправильно информирование нижних чинов о действующем законодательстве и их правах на пособие вызывало в солдатской среде нарекания на земство. Солдаты были уверены, «что местные власти обкрадывали их семьи, пока они воевали» [18, с. 215].

Для того, чтобы удовлетворить недовольство солдат, вернувшихся с войны, было необходимо примерно 200 000 руб. [3, л. 1, 9–9 об.], которые было решено занять у Государственного казначейства. Поскольку земская инициатива не была поддержана МВД, Курское уездное земство решило взять ссуду под «капитал общественного призрения». Однако данное решение было отменено постановлением губернского земского собрания [15, с. 1034].

Указ о приведении армейских частей в мирное положение к августу 1906 г. так и не был подписан. Поэтому Курская губернская земская управа прекратить выплату казенного пайка, ссылаясь на годовщину ратификации Портсмудского мирного договора [2, л. 44, 49, 53, 57, 61, 65, 69]. В августе семьи не вернувшихся домой нижних чинов получили деньги на три месяца вперед до 1 октября 1906 г. [13, с. 1340].

Всего на призрение семейств мобилизованных нижних чинов Курское губернное земство в 1904–1906 гг. израсходовало 1 862 471,11 руб. Из них 1 814 916,96 руб. было получено из Государственного казначейства, а 47 554,15 руб. использовано на казенный паек семьям земских служащих, призванных по мобилизации. 11 марта 1912 г. правительством был утвержден закон «О сложении долгов местных учреждений по ссудам, отпущенным из казны на призрение семейств запасных, а равно об отпуске из Государственного казначейства средств на возмещение произведенных местными учреждениями затрат по удовлетворению указанной надобности и на возмещение позаимствований из специальных капиталов» [14, с. 222–

223], по которому задолженность Курского губернского земства перед Государственным казначейством списывалась в полном объеме.

Таким образом, в 1904 г. Курское губернное земство выплачивало казенный паек семьям мобилизованных нижних чинов из имеющихся в наличии собственных средств. На практике это привело к выплатам пособия семьям призванных во время 1-й и 2-й частичной мобилизации, в то время как процент нуждающихся в пособии в некоторых уездах колебался от 48 до 96%. Использование ассигнований Государственного казначейства позволило земству Курской губернии в 1905 г. выплачивать казенный паек всем, заявившим о необходимости в нем, без проверки поступающих заявлений. Недород во многих местностях в 1905 г., отсутствие заработков в зимние месяцы, продовольственных и денежных запасов приводили к затруднительному положению солдатских семей. К тому же многие надельные остались незасеянными из-за отсутствия единственных работников. Поэтому демобилизованные солдаты настаивали на продолжении выплат. Такие прошения отклонялись со ссылкой на вышеназванный циркуляр Главного управления по делам местного хозяйства. На практике это привело к тому, что местное население и солдаты остались недовольны существовавшей системой распределения денежных пособий и назначения казенного пайка.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 54. Оп. 1. Д. 1231.
2. ГАКО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1279.
3. ГАКО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1383.
4. ГАКО. Ф. 141. Оп. 1. Д. 112.
5. ГАКО. Ф. 141. Оп. 1. Д. 131.
6. ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 12222.
7. ГАКО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 467.
8. Дементьев Г.Д. Во что обошлась нашему Государственному казначейству война с Японией. – Пг.: Тип. ред. период. изд. М-ва Финансов, 1917. – 54 с.
9. Журнал заседания экстренного Курского губернского земского собрания 24 июня 1904 г. – Курск: Тип. губ. земства, 1904. – 164 с.
10. Журнал заседания экстренного Курского губернского земского собрания 10–11 июня 1905 г. – Курск: Тип. губ. земства, 1905. – 250 с.
11. Журналы заседаний ХLI очередного Курского губернского земского собрания 1906 г. – Курск: Тип. губ. земства, 1906. – 16, V, 1306 с.
12. Журналы заседаний экстренного и ХLI очередного Щигровского уездного земского собрания 1905 г. – Курск: Тип. губ. земства, 1906. – VII, 507 с.
13. Журналы заседаний ХLIII очередного губернского земского собрания 1908 г. – Курск: Тип. губ. земства, 1909. – 1394 с.

14. О сложении долгов местных учреждений по ссудам, отпущенным из казны на призрение семейств запасных, а равно и об отпуске из Государственного казначейства средств на возмещение произведенных местными учреждениями затрат по удовлетворению указанной надобности и на возмещение позаимствований из специальных капиталов / Полное собрание законов Российской Империи. – Пг.: Тип. II Отделения собственной е.и.в. Канцелярии, 1915. – Собр. 3. Т. 32, отд. 1. – С. 222–225.

15. Свод постановлений губернского земства за 10 лет (с 1903 по 1913 включительно) / под ред. Н.И. Маноцкова. – Курск: Тип. губ. земства, 1915. – VII, 1094 с.

16. Симкин Д.С. История воинских призывов россиян: 1874–1917 гг.: на примере Курской губернии: дис. ... канд. ист. наук. – Курск, 2006. – 220 с.

17. Пушкарева Н.Л., Щербинин П.П. Из истории призрения семей нижних чинов запаса в годы войн в начале XX века // Нужда и порядок: история социальной работы в России, XX в.: Сб. науч. ст. / под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. – Саратов: Научная книга: Центр социальной политики и гендерных исследований, 2005. – С. 204–229.

18. Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII - начале XX века. – Тамбов: Изд-во «Юлис», 2004. – 510 с.

Е. В. Ширяева,
магистр исторического образования,
библиотекарь ГБУК ВО «Воронежская областная универсальная
научная библиотека имени И. С. Никитина»

КУРИЛЬСКИЕ ОСТРОВА – ТЕРРИТОРИЯ КОНФЛИКТА: РЕТРОСПЕКТИВА РУССКО-ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЙ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

*Острова Курильские – в камни бьет прибой.
Мы сквозь эту кипень шли на смертный бой.
С моря брали доты, гибли в свой черед.
Не забудет Родина сорок пятый год,
И живых и мертвых, взявших у врага
Нашу землю кровную, наши берега.
(В. С. Акшинский, парторг 270-го артполка,
участник Курильского десанта)*

Последние страницы Второй мировой войны писались на Тихом океане. Одна из них связана с освобождением Курильских островов. Крымское соглашение трех великих держав (СССР, США и Великобритании) по вопросам Дальнего Востока от 11 февраля 1945 г.

предусматривало в качестве одного из условий вступления СССР в войну против Японии «передачу Советскому Союзу Курильских островов» [4, с. 9].

В военно-исторической литературе боевые действия Красной армии на Дальнем Востоке представлены не столь широко, как на западном фронте, возможно, в силу своей скоротечности. В учебной литературе мало слов о том, какой ценой осуществлялась десантная операция на Курильских островах, что в свою очередь привело к безразличному отношению молодого поколения в существующем, по сегодняшний день, спорном вопросе о Курильских островах. В учебнике за 11 класс «История России XX – XXI века» в рамках параграфа «СССР и союзники. Итоги войны» сказано про Курильские острова лишь в контексте подведения итогов войны, а именно: «К Советскому Союзу отошли южная часть Сахалина и острова Курильской гряды» [11, с. 223]. И ничего о том, какой ценой были возвращены острова.

На современном этапе необходимо понять важность этих территорий для нашего народа и сформировать представление о том героизме и патриотизме, который был проявлен советскими солдатами при штурме неприступных островов в сознании молодого поколения.

Последние залпы Второй мировой войны прозвучали на самом краю нашей Родины – на далеких Курильских островах. Спустя три месяца после разгрома войск гитлеровской Германии и отгремевших победных салютов, 9 августа 1945 г. Советский Союз, исполняя союзнические обязательства, вступил в войну с империалистической Японией. Курильская десантная операция, являлась составной частью стратегической наступательной операции советских войск по разгрому Японии на Дальнем Востоке. Командующим был назначен Маршал Советского Союза Александр Михайлович Василевский. Личность Василевского имеет отношение не только к успехам на дальневосточном фронте, но и к событиям на воронежской земле. Талантливый стратег внес огромный вклад в успех Острогожско-Россошанской операции (13–27 января 1943 г.) на Верхнем Дону [17, с. 412]. 2 января 1943 г., когда в успешном завершении Сталинградской битвы уже никто не сомневался, А. М. Василевский прямо из-под Сталинграда направляется на Воронежский фронт, где он пробыл до конца февраля. Также, по поручению Ставки А. М. Василевский координировал действия Воронежского и Степного фронтов в Курской битве [3, с. 196].

Замысел Курильской десантной операции заключался во внезапной высадке морского десанта с целью овладеть островом Шумшу и в дальнейшем, используя его как плацдарм, занять острова, расположенные к югу от него. Таким образом, захват Шумшу предопределял успех освобождения всех островов Курильской гряды. Несмотря на то, что японский император Хирохито официально заявил о капитуляции Японии 14 августа 1945 г., приказ о прекращении боевых действий еще не был отдан

и японские вооруженные силы по-прежнему продолжали сопротивляться [1, с. 40]. Солдаты и офицеры Страны восходящего солнца обладали высокими боевыми качествами, помноженными на их фанатичную преданность императору, что в совокупности с превосходящими силами, более благоприятными условиями боевой обстановки не помогло избежать поражения.

Наиболее укрепленным был остров Шумшу. Все участки побережья, доступные для высадки с моря, здесь прикрывались дотами и дзотами, связанными между собой подземными ходами и траншеями. Защиту берега со стороны моря осуществляла полевая артиллерия, заключенная в железобетонные капониры. На пространстве 20 на 13 км насчитывалось 34 дота и 24 дзота, несколько мощных опорных пунктов, имелось около 100 орудий различного калибра до 100 мм, более 310 огневых точек тяжелых и легких пулеметов [2, с. 43].

Участник десанта Сергей Константинович Юдин в своих воспоминаниях пишет следующее: «В десантной операции по освобождению северной группы Курильских островов принимали участие четыре стрелковых, два артиллерийских полка и части специального назначения. На рассвете 18 августа подошли к острову Шумшу. На кораблях во время перехода была проведена большая работа. Разъяснили бойцам задачу, по возможности отработали варианты взаимопомощи при высадке. Главный упор был сделан на решительность и быстроту. Создали передовой отряд из двухсот пятидесяти человек, под командованием майора Борисова, которому предстояло первым высадиться на остров. Эту задачу решить было непросто» [19, с. 205].

По воспоминаниям командующего десантной операцией генерал-лейтенанта Героя Советского Союза Алексея Романовича Гнечко можно сказать, что положение передового отряда было сложным. С оружием в руках они смело бросались в воду. Не всем удалось добраться до берега: косили осколки снарядов, тянула назад прибойная волна, и не все с ней справлялись. Обессилевшие и вымокшие при высадке, вынужденные наступать по незнакомой местности, заросшей кустарником и кедровым стлаником, понеся значительные потери и располагая ограниченным запасом патронов и гранат, они встречали на своем пути все возрастающее сопротивление противника. Вражеские орудия срывали высадку главных сил десанта. Наши солдаты, матросы и офицеры сражались стойко и умело, героически отбивая натиск врага [1, с. 73].

19 августа 1945 г., около 17:00 часов вечера, на острове Шумшу командир 73-й японской пехотной бригады генерал-майор Сузино Ивао подписал условия капитуляции. 20 августа на остров высадился 7-й отдельный стрелковый батальон. В ночь с 22 на 23 августа, используя захваченные плавсредства, он высадился на остров Парамушир. При высадке на остров противник не оказал сопротивления. При ночной высадке бойцы батальона проявляли смелость. Одновременно части дивизии

занимали другие острова. 302-й стрелковый полк продвинулся на кораблях с десантом на юг и взял остров Матуа. Смелыми и решительными были действия бойцов и командиров при разоружении и пленении противника на островах Шумшу, Парамушир, Онекотан, Матуа, Уруп. Всего было взято в плен около 60 тысяч солдат и офицеров [19, с. 213–214].

Успехи десанта разлетались по стране. В Воронежской областной газете «Коммуна» в «Оперативной сводке» от Советского Информбюро ежедневно печатались новости с дальневосточного фронта:

«Оперативная сводка за 22 августа. В районе южнее Камчатки наши войска высадились на острове Сюмусю (Шумшу – прим. автора) – северный остров Курильской гряды. Японские войска, расположенные на этом острове, начали складывать оружие и сдаваться в плен нашим войскам» [6].

«Оперативная сводка за 23 августа. Южнее Камчатки войска фронта заняли острова Сюмусю (Шумшу – прим. автора), Парамушир из группы Курильских островов. Прием капитулирующих японских частей и соединений продолжается» [6].

«Оперативная сводка за 26 августа. Войска 2-го дальневосточного фронта южнее Камчатки заняли острова Онекотан, Сясикотан (Шикотан – прим. автора) и Мацува (Матуа – прим. автора) из группы Курильских островов» [7].

«Оперативная сводка за 28 августа. Южнее Камчатки войска фронта, действующие совместно с кораблями Тихоокеанского флота, заняли острова Шиншири, Уруп, Итуруп из южной группы Курильских островов» [8].

«Оперативная сводка за 1 сентября. В течении 1 сентября войска 2-го Дальневосточного фронта, действуя совместно с кораблями и частями Тихоокеанского флота, заняли острова Кунашир и Сикотан-дзима из южной группы Курильских островов от японских войск» [9].

Японский гарнизон о. Матуа сложил оружие перед советскими войсками 25 августа 1945 г. [16, с. 108]. Согласно описи захваченного на острове оружия и снаряжения, десантники не нашли ни одного самолета, танка или зенитных и дальнобойных орудий, по сравнению с Шумшу. На 3795 сдавшихся японских солдат и офицеров оказалось в наличие всего 2127 винтовок, 81 легкий пулемет, 464 тяжелых пулемета, 95 гранатометов, 153 оптических прибора и 83050 патронов [18, с. 283]. При этом летчики, моряки и артиллеристы куда-то исчезли, а в плен попали лишь стройбатовцы, и вспомогательный персонал.

Можно предположить, что после принятия решения о капитуляции правительством Японии 14 августа и до захвата острова советским десантом у японцев было достаточно времени, чтобы скрыть и законсервировать все наиболее важные и ценные островные объекты.

Капитуляция 41-го отдельного смешанного пехотного полка японских войск. о. Матуа.

Из воспоминаний Сергея Константиновича Юдина, который принимал капитуляцию японцев на острове, известно: «Командир гарнизона встретил советских офицеров вежливо. Пригласив офицеров, он провел их в просторное помещение, выдолбленное в скале. Здесь стоял стол, довольно богато сервированный... Более того, немалое удивление у наших бойцов вызвало наличие на столе самодельных деревянных вилок» [19, с. 222]. Данная ситуация также говорит о том, что все было заранее спланировано, японский гарнизон готовился к приходу Советских войск и все было выполнено в срок. Выпиленные из дерева вилки для русских гостей, иллюстрируют, что никакого внезапного штурма японцы не ждали.

1 сентября 1945 г. Генерал А. Р. Гнечко докладывал командованию: «Поставленная перед войсками Курильской десантной операции задача выполнена. Все Курильские острова, от Шумшу до Урупа включительно, освобождены от японских оккупантов и возвращены Родине» [19, с. 214].

Благодаря объединенным усилиям пехотинцев, моряков, летчиков и пограничников, в августе 1945 г. под командованием Алексея Романовича Гнечко, были освобождены от японских частей Курильские острова до Урупа включительно, остальные к югу от него были заняты советскими войсками, переброшенными на кораблях с Южного Сахалина. На сегодняшний день вся Курильская гряда входит в состав Сахалинской области. В боях за освобождение островов советские десантники продемонстрировали высокую боевую выучку, морально-политическую стойкость, массовый героизм, готовность к самопожертвованию во имя великой цели – освобождения родной земли. Все вынесли наши люди, и надо, чтобы об этом никто и никогда не забывал!

2 сентября 1945 г., на американском линкоре «Миссури» в водах Токийского залива, состоялось подписание акта о капитуляции Японии. В этот день Президиум Верховного Совета СССР принял Указ об установлении 3 сентября – Праздником Победы над Японией, а Совнарком

СССР постановил считать этот день нерабочим [10]. Несмотря на то, что в нашей стране этот праздник был забыт, сахалинцы и курильчане бережно хранят память о нем.

С момента удачной десантной операции и капитуляции Японии прошло более 70-и лет, но острова Курильской гряды скрывают в себе множество тайн. Самым загадочным островом является Матуа. Остров относительно небольшой – 11 км в длину, 6,5 км в ширину. Находится в центральной части Курильской гряды. Одна часть острова – японские позиции: гарнизоны и укрепления линии обороны, другая часть – непреступные скалы на 30–40 м. На острове более 1000 объектов огневой обороны [5].

Полевые исследования на острове начались с 2003 г. Камчатско-Курильской историко-географической экспедицией. Под руководством Евгения Михайловича Верещаги (ныне представитель Министерства иностранных дел РФ в Петропавловске-Камчатском) таких экспедиций было проведено 18. Планируется продолжение и расширение этих исследовательских работ. 7 мая 2016 г. из Владивостока на шести кораблях и судах вышла и 14 мая прибыла на остров Матуа совместная экспедиция Министерства обороны Российской Федерации (МО РФ), Русского географического общества (РГО), Восточного военного округа (ВВО) и Тихоокеанского флота, под руководством заместителя командующего Тихоокеанским флотом вице-адмирала Андрея Владимировича Рябухина. Всего на остров прибыло более 350 человек, 19 единиц автомобильной и специальной техники и три вертолета. В состав экспедиции вошел корреспондент канала «Россия 24» Александр Лукьянов, на отчеты которого сделаны ссылки в статье.

Руководитель экспедиции Андрей Рябухин сообщил: «Организована экспедиция с целью возможного перспективного расположения и дислокации сил войск Тихоокеанского флота. Это основная цель, и под нее решается ряд задач, которые обеспечивают основную цель. Это такие, как инженерная разведка, а также изучение фортификационных сооружений, которые остались со времен Великой Отечественной войны в целях дальнейшего их использования по назначению» [13].

Таким образом, перед экспедицией стояли сразу две цели: проверить, пригоден ли остров для строительства военной базы Тихоокеанского флота и параллельно специалисты изучали следы пребывания японского гарнизона. Для этого на остров были переброшены георадары, тяжелая техника и бурильная установка, а также мобильная биолого-химическая лаборатория. 29 июня военно-историческая экспедиция завершила исследовательскую работу на острове и вернулась на материк. Экспедиция пришла к выводу, что на этом острове имеются достаточные условия для базирования частей Тихоокеанского флота России. «Прежде всего, радует отличное состояние трех взлетно-посадочных полос, построенных японцами еще во время Второй мировой войны, а также удобные бухты, в

которые могут заходить боевые и сопровождающие суда Тихоокеанского флота», – из интервью командующего войсками Восточного военного округа генерал-полковника Сергея Суrowикина. По его словам, остров Матуа является чрезвычайно удобным для размещения вспомогательных и радиотехнических сил ВМФ России, которые смогут контролировать близлежащие территории как водного, так и воздушного пространства России [14].

Прошло более 70-и лет, а мирный договор между Россией и Японией так и не был подписан. Отсутствие договора между странами является анахронизмом прошлого. Во время визита в Японию президента РФ Владимира Владимировича Путина 15–16 декабря 2016 г. был сделан решительный шаг в сторону его заключения. Как заявил президент России на российско-японском саммите: «Для решения вопроса заключения мирного договора требуется работа по укреплению взаимного доверия, всестороннего развития всего комплекса российско-японских отношений, в этом контексте поддерживается инициатива налаживания совместной хозяйственной деятельности на южных Курилах. Россия рассчитывает, что такое сотрудничество будет способствовать созданию благоприятной атмосферы для продолжения переговоров о заключении мирного договора». Следует отметить, что острова могут стать как яблоком раздора, так и нечто объединяющим. Если Россия сделает правильные шаги в отношении плана, который предложил премьер-министр Японии Синдзо Абэ – создание отдельной структуры по хозяйственной деятельности на островах, заключение межправительственного соглашения, отработка механизма взаимодействия, то на этой базе сформируются такие условия, которые позволят странам добиться окончательного решения по мирному договору. Как заявил В.В. Путин: «Если кто-то считает, что Россия заинтересована исключительно в налаживании экономических связей, а мирный договор откладывает на второй план, это не так. Самым главным является заключение мирного договора, потому что это создаст условия для долгосрочного взаимодействия в исторической перспективе. Это важнее, чем деятельность на островах» [15].

Источники и литература

1. Акшинский В. С. Курильская десантная операция. – Петропавловск-Камчатский: Дальневосточное книжное издательство, Камчатское отделение, 1984. – 160 с.
2. Багров В. Н. Южно-Сахалинская и Курильская операции. (Август 1945 года). – М.: Воениздат, 1959. – 112 с.
3. Василевский А. М. Дело всей жизни. – М.: Политиздат, 1978. – 552 с.

4. Гапоненко К. Е., Самарин И. А. Последние залпы Великой войны. Сахалин и Курильские острова в августе 1945 года. – Владивосток: Рубеж, 2010. – 240 с.
5. Камчатско-Курильские экспедиции. Первая экспедиция. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kurilstour.ru/expeditions.shtml?first> (дата обращения: 27.06.2018).
6. Коммуна. – № 168 (4665). – 1945. – 24 августа (пятница).
7. Коммуна. – № 171 (4668). – 1945. – 28 августа (вторник).
8. Коммуна. – № 172 (4669). – 1945. – 29 августа (среда).
9. Коммуна. – № 175 (4672). – 1945. – 2 сентября (воскресенье).
10. Коммуна. – № 176 (4673). – 1945. – 3 сентября (понедельник).
11. Левандовский А. А., Щетинов Ю. А., Мироненко, С. В. История России XX – начало XXI века. 11 класс: учеб. для общеобразоват. организаций: базовый уровень. – 8-е изд. – М.: Просвещение, 2014. – 384 с.
12. Ливенцев Д. В. Советские военно-морские и речные силы в дальневосточной внешней политике (1917-1945 гг.). – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2013. – 579 с.
13. Лукьянов А. Ученые и военные отправились на зловещий остров Матуа [Электронный ресурс] // ВЕСТИ. RU. 2016. 14 мая. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2753425&cid=7> (дата обращения: 27.06.2018).
14. На Курильских островах построят военные объекты [Электронный ресурс] // сайт РИА Новости. 2016. 8 июля. URL: http://ria.ru/defense_safety/20160708/1461609739.html (дата обращения: 27.06.2018).
15. Прямая трансляция. Пресс-подход президента России Владимира Путина и премьер-министра Японии Синдзо Абэ по итогам переговоров [Электронный ресурс] // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=SfP7BngwQ1U&feature=share> (дата обращения: 27.06.2018).
16. Славинский Б. Н. Советская оккупация Курильских островов (август-сентябрь 1945 года). Документальное исследование. – М.: ТОО «Лотос», 1993. – 144 с.
17. Филоненко С. И. Острогужско-Россошанская операция – «Сталинград на Верхнем Дону». – 2-е изд., испр. и доп. – Воронеж: Кварта, 2005. – 412 с.
18. Широкоград А. Б. Дальневосточный финал. – М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. – 424 с.
19. Юдин С. К. На крайних восточных рубежах. – Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2015. – 384 с.

Е.П. Щукина,
заместитель директора
ОКУ «Государственный архив Липецкой области»
В.Б. Поляков,
ведущий архивист
ОКУ «Государственный архив Липецкой области»,
Почетный архивист РФ

ЗАБЫТАЯ ВОЙНА (УЧАСТИЕ ЛИПЧАН В РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ)

Одной из тех войн, к которой со времен советской историографии в общественном сознании закрепилось устойчиво отрицательное отношение, была Русско-японская война. Спроси любого школьника тех лет, и он вам бойко ответит: дескать, война эта была нужна только царю и его ближайшему окружению, она была абсолютно неподготовленной и поэтому была бездарно проиграна, легла несмываемым позором на доблестную русскую армию. И сегодня мы с трудом избавляемся от некоторых официальных мифов.

Позвольте и нам, сотрудникам Государственного архива Липецкой области, внести свою лепту в преодоление стереотипов о Русско-японской войне 1904–1905 гг.

Телеграмма Наместника Императора Николая II на Дальнем Востоке генерал-адъютанта Алексеева Евгения Ивановича от 27 января 1904 г.:

«Всеподданнейше доношу Вашему Императорскому Величеству, что около полуночи, с 26-го на 27-е января японские миноносцы произвели внезапную минную атаку на эскадру, стоявшую на внешнем рейде крепости Порт-Артур. Причем Броненосцы «Ретвизан», «Цесаревич» и крейсер «Паллада» получили пробоины - степень их серьезности выясняется.

Сего числа японская эскадра, в составе пятнадцати броненосцев и крейсеров, начала бомбардировку Порт-Артура. Крепость отвечает, Эскадра снялась с якоря для принятия участия в бою».

«Список нижних чинов флота погибших, убитых, умерших от ран во время войны с Японией», объявленный Циркулярами Главного морского штаба от 15 и 16 февраля 1904 г.: «На эскадренном броненосце «Цесаревич» ... машинист Афиноген Афанасьевич Жуков, уроженец Тамбовской губернии, Липецкого уезда».

28 января 1904 г. Япония объявила войну России. Началась Русско-японская война, продолжавшаяся до 23 августа 1905 г., до заключения Портсмутского мирного договора.

Общие безвозвратные потери России составили 52 501 человек, убито – 32 904, ранено и контужено – 146 032, умерло от ран – 6 614 человек.

16 июня 1905 г. Высочайшим Указом Правительственному Сенату в ознаменование рождения Его Императорского Величества Цесаревича

Великого Князя Алексея Николаевича был учрежден Алексеевский Главный Комитет. Первоначально на Комитет была возложена задача призрения детей лиц, погибших в войну с Японией.

Комитет оказывал денежную помощь детям (до 16 лет) нижних чинов, убитых, пропавших без вести или умерших от ран. Размер пособия составлял 24 руб. в сельской местности и 24-42 руб. в городах. Круглым сиротам эти пособия могли быть увеличены из расчета 40 коп. на 1 руб. основного оклада. Кроме того, детям нижних чинов, поступающим в начальную школу, выдавались пособия на приобретение теплой одежды, обуви и учебных принадлежностей до 15 руб. При этом пособия выдавались независимо от имущественного обеспечения семейств. Алексеевский комитет сам собирал сведения о таких детях, что избавляло нуждающихся от подачи прошений.

Дети тех нижних чинов, которые лишились трудоспособности в результате участия в военных действиях, наделялись пособиями по особым постановлениям Комитета. В этих случаях нужно было подавать прошения и различные справки о неспособности нижнего чина к труду и недостаточном обеспечении семей.

30 сентября 1904 г. очередное Липецкое уездное земское собрание заслушала и согласовала доклад уездной земской управы о помощи больным и раненым воинам:

«Уверенная в готовности Собрания оказать всякую возможную помощь для нужд больных и раненых воинов, управа считает со своей стороны благовременным предложить ему предоставить для этой цели на все время войны 10 кроватей (все 10 для нижних чинов или 8 для нижних чинов и 2 для офицеров) в Липецкой земской больнице и отправку больных по их выздоровлению по месту их жительства за счет земства, а также сверх того удовлетворить ходатайство местного Отделения Красного Креста, разрешив ему безвозмездно отпуск лекарств и перевязочных материалов из вольной земской аптеки»[1, л. 43].

7 ноября 1905 года Главный Морской штаб своим циркуляром объявил список нижних чинов Морского ведомства, погибших при защите крепости Порт-Артур.

«Броненосец «Победа»: 147. Матрос I статьи Николай Земисов, Тамбовская губерния, Усманский уезд; 561. Матрос I статьи Федор Петров Асташев, Тамбовская губерния, Усманский уезд, Поддубровская волость, село Колжи.

Эскадренный броненосец «Пересвет»: 143. Матрос I статьи Иван Сергеев Зюзюкин, Тамбовская губерния, Лебедянский уезд, Пригородная волость, Стрелецкая слобода.

Эскадренный броненосец «Севастополь»: 189. Матрос I статьи Емельян Васильев Карташев, Орловская губерния, Елецкий уезд, Каменская волость, село Малая Боевка, холост.

Эскадренный броненосец «Ретвизан»: 444. Кочегар I статьи Иван Лукин Суринов, Тамбовская губерния, Липецкий уезд, Грязинская волость, женат».

В России не забывали своих солдат, погибших в Русско-японскую войну. В Государственном архиве Липецкой области хранится уникальное издание Общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям «Увековечение памяти воинов, погибших в войну с Японией, в приходских церквях на местах их Родины» 1914 г., каждая строка которого дышит патриотизмом, гордостью за защитников Отечества.

«В сознании священного долга достойно увековечить память воинов, отдавших свою жизнь на поле брани, состоящее под Высочайшие Его Императорские Величества покровительством Общество повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям, образовало особую комиссию, которой и поручило озаботиться установкою поминальных досок во всех приходских церквях, в которых умершие славной смертью защитники Родины числились прихожанами, и занести имена их на эти доски для вечного поминовения.

Этой мерой Общество надеется удовлетворить духовную потребность народа сохранить светлую память о доблестных своих согражданах; близким же людям умерших - родственникам и прихожанам - дать возможность, взирая на начертанные дорогие им имена, гордиться их смертью и воспитывать в грядущих поколениях самоотверженную любовь к Отечеству, непоколебимую стойкость в сохранении чести и блага народа и готовность, в случае нужды, отдать Царю и Государству свою жизнь и своей кровью заслужить себе бессмертие в народной памяти.

Высочайший Покровитель Общества Его Императорское Величество Государь Император в Своем отеческом внимании к памяти доблестных сынов России, погибших на войне, всемилостивейше соизволил одобрить начинание Общества и поручил Своему Августейшему Брату Его Императорскому Высочеству Великому Князю Михаилу Александровичу принять Почетное Председательствование в названной Комиссии» [2].

Был разработан рисунок поминальной доски, получивший первую премию на конкурсе в Императорской Академии Художеств, и проведен конкурс на её изготовление.

К сожалению, до наших дней поминальная доска сохранилась только в Николаевском храме, в моем родном селе Двуречки Грязинского района. И только, благодаря стараниям священника церкви протоиерея Александра Дронова, она была не уничтожена в 70-е годы прошлого века.

Поминальная доска гласит: «За веру, Царя и Отечество. Жизнь воинов, павших в войне с Японией в 1904-1905 годах (в разработанном рисунке другие слова: «За Веру, Царя и Отечество живот свой положивших в войну с Японией в 1904-1905 годах): Павла Архипова Барбашина – стрелка 15 Восточно-Сибирского Стрелкового полка, Прокопия Иоаннова Дятлова - стрелка 35 Восточно-Сибирского Стрелкового полка, Иоанна Семенова

Пахомова - рядового 35 Восточно-Сибирского Стрелкового полка, Сергея Феофилова Скакова - рядового 35 Восточно-Сибирского Стрелкового полка, Евсигния Семенова Хрюкина - рядового 35 Восточно-Сибирского Стрелкового полка. Упокой господи».

По документам Липецкой уездной земской управы удалось установить, что в русско-японской войне погибли 148 жителей Липецкого уезда: по Сырской волости - 11 человек, Романовской - 15, Ивановской - 5, Кузьминской - 8, Фашцевской - 18, Больше-Избердеевской - 16, Шехманской - 10, Грязинской - 18, Сокольской - 17, Таволжанской - 6, Бутырской - 20, г. Липецку - 4 человека [2].

Но на этом точку ставить преждевременно. Поиск продолжается.

Источники и литература

1. Областное казенное учреждение «Государственный архив Липецкой области» (далее – ОКУ «ГАЛО»). Ф.-2. Оп.1. Д. 320.
2. ОКУ «ГАЛО». Ф.-2. Оп. 1. Д. 843.

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово участникам научной конференции временно исполняющего обязанности начальника архивного управления Курской области В.Л. Богданова.....	3 – 4
---	-------

МАТЕРИАЛЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

Раков В.В.	Медицинские отряды Курского губернского земства в Маньчжурии в период Русско-японской войны 1904–1905 гг.	5 – 12
Выхорь С.С.	Система государственных наград офицеров российского императорского флота во второй половине XIX – начале XX вв.	12 – 16
Ливенцев Д.В.	Система званий украинского национального флота в 1918 г.	16 – 19
Конорева И.А.	Участие военнослужащих ВС СССР в событиях Второй индокитайской войны (по материалам «устной истории»)	19 – 30
Манжосов А.Н., Коровин В.В.	Участие военно-санитарных поездов в эвакуационных перевозках раненых и больных воинов в годы Великой Отечественной войны.....	30 – 36
Салтык Г.А.	Полицмейстеры г. Курска в Русско-японской войне 1904–1905 гг.: Волков Н.В.	37 – 40

МАТЕРИАЛЫ СЕКЦИОННОГО ЗАСЕДАНИЯ

Аргунов О.Н.	Заготовки сельскохозяйственной продукции в Курской области (1943–1945 гг.)	41 – 47
Безрядин С. В.	Морские врачи во время Русско-японской войны 1904–1905 гг.	48 – 50
Бобрышев Г.О.	Формы рекреационного досуга нижних чинов маньчжурских армий в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. ...	50 – 57
Вольский М.В.	Участие отдельных конвойных подразделений НКВД СССР в обороне г. Воронежа в июле 1942 г.	57 – 63

Головин Е.А., Воронцов Р.С.	Продукция, необходимая фронту (из опыта восстановления спиртовых предприятий Курской области в 1943 году)	63 – 67
Гуринов С.Л.	Разведывательные данные об адмирале Хэйхатино Того накануне Русско-японской войны 1904–1905 гг.	68 – 70
Золотухин А.Ю., Манжосов А.Н.	Влияние бытовых факторов на деятельность курских железнодорожников на прифронтовой станции Мармыжи зимой – весной 1942 г.	71 – 74
Капустин Д.А.	К вопросу о солдатских восстаниях в вооруженных силах Северной области...	74 – 81
Кононов Н.Г.	Трудовой коллектив Курской государственной швейной фабрики № 1 в 1943–1945 гг.	81 – 91
Коровин В.В.	Организация военно-почтовой связи на Центральном фронте весной – летом 1943 года.....	92 – 104
Корольков М.И.	Российское законодательство о признании нижних воинских чинов, их семейств: 1904–1906 гг.	104 – 108
Крохина А.В., Манжосов А.Н.	Железнодорожники Курского бронепоезда № 14 в боевых действиях 13-й армии на Елецком направлении (ноябрь-декабрь 1941 г.)	109 – 115
Марковчин В.В.	Дело «Святого» (из опыта реконструкции судьбы советского разведчика)	115 – 121
Палий Л.В.	Благотворительные мероприятия в городских общественных садах Курской губернии в годы Первой мировой войны (на материалах Государственного архива Курской области)	122 – 127
Ползикова Т.А.	Отголоски Русско-японской войны 1904–1905 гг. на курской земле (по материалам фонда «Благотворительные и добровольные общественные учреждения и организации Курской губернии»)	127 – 131
Талтынов О.В.	Освещение первых месяцев Русско-японской войны 1904–1905 гг. на страницах журнала «Война с Японией»...	131 – 136

Черников О.А.	Кооперативное движение Курской губернии в годы Первой мировой войны.....	137 – 143
Черноусова Е.В.	Учебный процесс и быт курсантов Бакинского отделения Петроградской офицерской школы морской авиации (по материалам Центрального государственного архива кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга).....	143 – 150
Чубаров А.И.	Организация земством Курской губернии призрения семей запасных нижних чинов в Русско-японскую войну 1904–1905 гг.	150 – 155
Ширяева Е.В.	Курильские острова – территория конфликта: ретроспектива Русско-японских отношений XX – начала XXI века.....	155 – 162
Щукина Е.П., Поляков В.Б.	Забывтая война (участие липчан в Русско-японской войне)	163 – 166

«РОССИЯ В ВОЙНАХ XX ВЕКА»

(к 115-летию начала Русско-японской войны 1904–1905 гг.)

*Материалы
научной конференции.
Курск, 15 февраля 2019 г.*

Подписано в печать 27.03.2019 г.
Формат 60x84. Печать офсетная 80 г/м². Гарнитура Таймс. Тираж 100 экз.
Отпечатано ИП Афанасьева Е.А.
г. Курск, ул. Семеновская, 78